

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

УЧАСТВУЮТ:

приглашенный редактор номера:
руководитель исследовательской
группы ЦИРКОН

Игорь Задорин

к. ист. н., ведущий аналитик ФОМ;
старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Григорий Кертман

директор
«Левада-Центра»*

Денис Волков

д. социол. н., зам. директора, ЦЕССИ
(Институт сравнительных
социальных исследований)

Анна Андреевкова

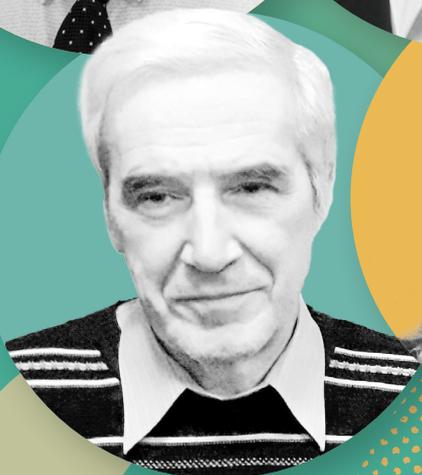
к. социол. н., старший научный сотрудник
Социологического института РАН —
филиала ФНИСЦ РАН

Мария Мацкевич

и другие эксперты

1989

2022

ТЕМА ВЫПУСКА

ПРЕКРАСНЫЙ УЖАСНЫЙ МИР

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3
Вступительное слово приглашенного редактора <i>Задорин И. В.</i> Страны далекие и близкие. Как формируется образ внешнего мира в массовом сознании населения Северной Евразии.....	4
Восприятие трех главных центров силы <i>Волков Д. А.</i> Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения.....	9
<i>Колосов В. А.</i> Евроцентризм в восприятии мира: причины, проявления, сдвиги	15
<i>Кертман Г. Л.</i> Китай в восприятии россиян: что меняется и что неизменно?	20
Факторы влияния на восприятие других стран <i>Андреевкова А. В.</i> Отношение к России в постсоветских странах — от ностальгии к ценностям.....	33
<i>Мацкевич М. Г.</i> Историческая память о Второй мировой войне: как трансформируется образ стран-участниц....	40
<i>Карабчук Т. С.</i> Эти манящие «чужие берега»: как выбирают страну для миграции?	47
<i>Кузнецов Р. С.</i> Привлекательность получения высшего образования за рубежом в разных странах СНГ	52
<i>Рекеда С. В.</i> Трансформация образа Евразийского экономического союза в условиях углубления кризиса международных отношений в 2022 году	57
<i>Задорин И. В.</i> Российско-украинский конфликт в мировом общественном мнении, или Как война раскалывает не воюющих	65
Взгляд на мир из Северной Евразии <i>Илеуова Г.</i> Внеполитические предпочтения казахстанцев: каждый седьмой — неопределившийся	74
<i>Эргашев Б. И.</i> Узбекистан: взгляд на мир сквозь призму человеческих и экономических связей	78
<i>Шевцов Ю. В.</i> Беларусь: между Россией и Европой.....	85
<i>Вардомацкий А. П.</i> Беларусь и Россия: Кооперация — да. Вхождение — нет	89
<i>Навасардян А. Ю.</i> Армения: безопасность — главный фактор восприятия внешнего мира	94
<i>Цэцэнбилэг Ц.</i> Монголы и их восприятие других стран	99
Тренды выпуска <i>Якимова О. А.</i> Массовое сознание в контексте геополитики: анализ трендов на евразийском пространстве.....	105

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Прекрасный ужасный мир»

СКАЧАТЬ

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Чтобы осознанно построить свое будущее, важно увидеть и понять себя в соотношении с другими людьми, с окружающим миром, иначе твое будущее построят другие. Мир сегодня пронизан теснейшими взаимосвязями на всех уровнях, а геополитика буквально входит в наши дома, добирается даже до самого далекого от нее человека. Лишь осознавая себя частью большого мира, понимая интересы и логику действий других, можно стать не только объектом, но и субъектом происходящего.

Этот выпуск СоциоДиггера — про понимание и обоюдный интерес населения разных стран друг к другу, про факторы, которые определяют их взаимное притяжение или отторжение. Про родственные связи, туризм, образование, трудовую миграцию, культуру, историю, экономику и политику, связывающие людей и страны. Про то, как большой мир отражается на повседневности простого человека и как жизненные практики людей становятся факторами геополитики. Говорим об этом с экспертами из России, Казахстана, Узбекистана, Беларуси, Армении, Монголии, Арабских Эмиратов.

Каждый номер мы теперь сопровождаем кратким аналитическим резюме по трендам, которые вырисовываются на основе собранных материалов, не забудьте заглянуть в раздел «Тренды выпуска».

И, как обычно, в приложении к СоциоДиггеру для вас — расширенная подборка данных ВЦИОМ и подборка данных других центров по теме выпуска.

Желаю приятного и полезного чтения,

Наталья Седова,
выпускающий редактор выпуска

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на nnsedova@wciom.com или kuleshova@wciom.com. С нас — данные!

**ЗАДОРИН
ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ**

руководитель
исследовательской группы
ЦИРКОН

СТРАНЫ ДАЛЕКИЕ И БЛИЗКИЕ. КАК ФОРМИРУЕТСЯ ОБРАЗ ВНЕШНЕГО МИРА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Общественное мнение населения о других странах и тем более «геополитические ориентации» граждан, с одной стороны, удивительно интересный предмет социальных исследований, а с другой — пожалуй, самый «сомнительный» в нашем полстерском деле. Все-таки подавляющее большинство респондентов воспринимают и оценивают другие страны и народы без непосредственного («чувственного») опыта взаимодействия с оцениваемым объектом и основываясь на косвенных источниках (чуть было не написал — «мифах»). Туристическая практика, расширявшаяся для россиян в последние два десятилетия и позволявшая хотя бы поверхностно знакомиться с «заграницей» лично, затронула, по разным оценкам, не более 20% граждан РФ, да и то в ограниченных географических направлениях. Некоторое исключение представляет собой ближнее зарубежье, с которым имеется сравнительно заметный объем коммуникаций через родственников, друзей, коллег, деловых партнеров, но и эти связи становятся все более хрупкими (по данным «Евразийского монитора», доля респондентов, имеющих такие связи в странах СНГ, составляет по разным странам от 50% до 90% в 2022 году). Таким образом общественное мнение по внешнеполитическим вопросам управляемо через государственную пропаганду, систему образования и СМИ в гораздо большей степени, чем по внутренним, и восприятие других стран во многом является артефактом, следствием соответствующего воздействия разных стейкхолдеров.

Кроме того, в очередной раз подчеркнем, что внешняя политика традиционно относится к компетенции элиты («власти»), и у последней довольно редко возникает потребность/необходимость «посоветоваться с народом» о чем-то касающемся отношений с другими странами. Зависимость политика от благосклонности электората по вопросам внутренней жизни страны обычно существенно выше, чем от согласия избирателей

по международным вопросам, к которым указанный электорат питает все же меньший интерес (исключение — вопросы войны и мира). То есть общественное мнение по данному кругу вопросов теряет свое значение еще и с этой «прагматической» точки зрения — «глас народа» здесь совсем лишний. Хотя очевидно, что и в этой области есть вопросы, которые в демократических странах даже формально не могут быть приняты через голову народа, и прежде всего это вопросы интеграции. Недоучет «народного фактора» в таких делах может привести к серьезным конфузам (по причине чувствительности темы в качестве примера вспомним лишь провал голосований по европейской конституции и т. п.).

Что же все-таки подвигает социологов проводить такие исследования, а политиков — хотя бы иногда проявлять к ним повышенный интерес? Выдвину предположение, что для политического руководства геополитические ориентации и установки населения во многом выступают обоснованием проведения соответствующих решений внутреннего характера. В российской политической культуре принято многие моменты внутриполитических и социально-экономических решений объяснять внешнеполитическим «раскладом», геоэкономическим контекстом, сопоставлением и сравнением России с другими государствами, вынуждающими принимать соответствующие решения и расставлять приоритеты социально-экономического развития страны. Здесь вспоминаются и сталинское «*либо мы сделаем это, либо нас сомнут*», и хрущевское «*догоним и перегоним*», и горбачевские «*новое мышление*» с «*общечеловеческими ценностями*», объяснявшие необходимость внутренних реформ. Граждане, «социализированные» в СССР, помнят и политинформации о «международной обстановке», и то, что все новости программы «*Время*», а равно и отчетные доклады на съездах КПСС, начинались с международной тематики.

Отношение населения к сугубо внутренним социально-политическим проблемам во многом определяется восприятием внешнего мира, других стран и перспективами отношений с ними. Это отношение — значимая компонента понятия «коллективная идентичность». В явлении «обретение идентичности», которому социологи уделяют повышенное внимание, помимо важнейшей стороны — самоопределения человека в многомерном био-гео-социальном пространстве (гендер, этничность, язык, история и род, религия, территориальная привязка, ценности, призвание, социальная роль и т. д.), — есть вторая сторона: определение и кодификация «свой» — «чужой». То есть самоопределение обязательно связано с выявлением «своих» («таких же») и «чужих» («иных»). И исторические мировые разломы неизбежно заставляют (пере)определять — с кем мы теперь, с кем нам надо быть, кто в мире «свои», а кто «чужие». Может показаться, что это касается только политиков, но увы: через идеологию, массмедиа, социальные коммуникации эти вопросы все равно доходят почти до каждого гражданина, актуализируя проблемы личного самоопределения и продуцируя расколы уже на уровне семей.

По этой причине такой важный элемент массового сознания населения, как представления о других странах, их характеристиках и оценках, является важным фактором сохранения идеологического (мировоззренческого) единства общества. И, естественно, не может не интересовать и не волновать социологов.

Практика исследований восприятия и оценивания гражданами других стран довольно обширна. Пожалуй, самый известный проект в этой области — «Евробарометр», мониторинговое исследование Европейской комиссии, запущенное в 1970-х годах в рамках политики евроинтеграции и новой общеевропейской идентичности. В последнее время не менее известными и востребованными стали межстрановые проекты Pew Research и Gallup. В пространстве Северной Евразии все «энтузиастические» попытки социологов организовать что-то такое же регулярное и сопоставимое по масштабу наталкивались на барьеры непонимания и осознанного игнорирования. Вместе с тем нельзя не вспомнить и мониторинговый проект, совместно реализуемый в течение шести лет Евразийским банком развития и некоммерческим партнерством «Евразийский монитор» — «Интеграционный барометр ЕАБР» (2012—2017)¹. Результаты этого проекта открыты и позволяют подробно рассмотреть три главные составляющие опросных исследований в социологии международных отношений:

1) общее **отношение** к другим странам, в том числе через наделение их важными **характеристиками**: дружелюбность/недружелюбность, экономическая и/или военная мощь, «влиятельность», привлекательность (культурная, туристическая, образовательная, миграционная);

2) **факторы**, определяющие отношение, в том числе социально-демографические (возраст, образование, национальность, язык, религия), наличие личного опыта взаимодействия с другими странами, включенность в разные каналы СМИ, восприятие общей истории и т. п.;

3) **динамика отношения**, особенно в кризисные времена и в условиях чрезвычайных ситуаций.

Нельзя не отметить и еще два важных исследования «Евразийского монитора»: «Чем мы интересны друг другу» (2008)² и «Восприятие общей истории XX века» (2009)³, выявившие важные проблемы во взаимном восприятии населением стран post-USSR и риски будущих расколов.

На основе данных массовых опросов исследователи «Евразийского монитора» определяли векторы геополитического определения стран и в некотором смысле строили **геосоциальную карту Северной Евразии**, в которой «близость» и «далекость» стран определялась не по географическому расположению, а по близости представлений о мире и других странах и по степени зафиксированной взаимной привлекательности (степени общественного социогуманитарного притяжения)⁴. Такая «карта» позволяла

¹ Евразийский банк развития. Интеграционный барометр ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/?YEAR=all&SECTION=integratsionnyy-barometr-eabr>.

² Задорин И. В. Интересны ли мы друг другу? // Полития. 2008. № 4. С. 23—48. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Zadorin-2008-4.pdf.

³ Восприятие населением и молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Краткий аналитический отчет. «Евразийский монитор». URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf>.

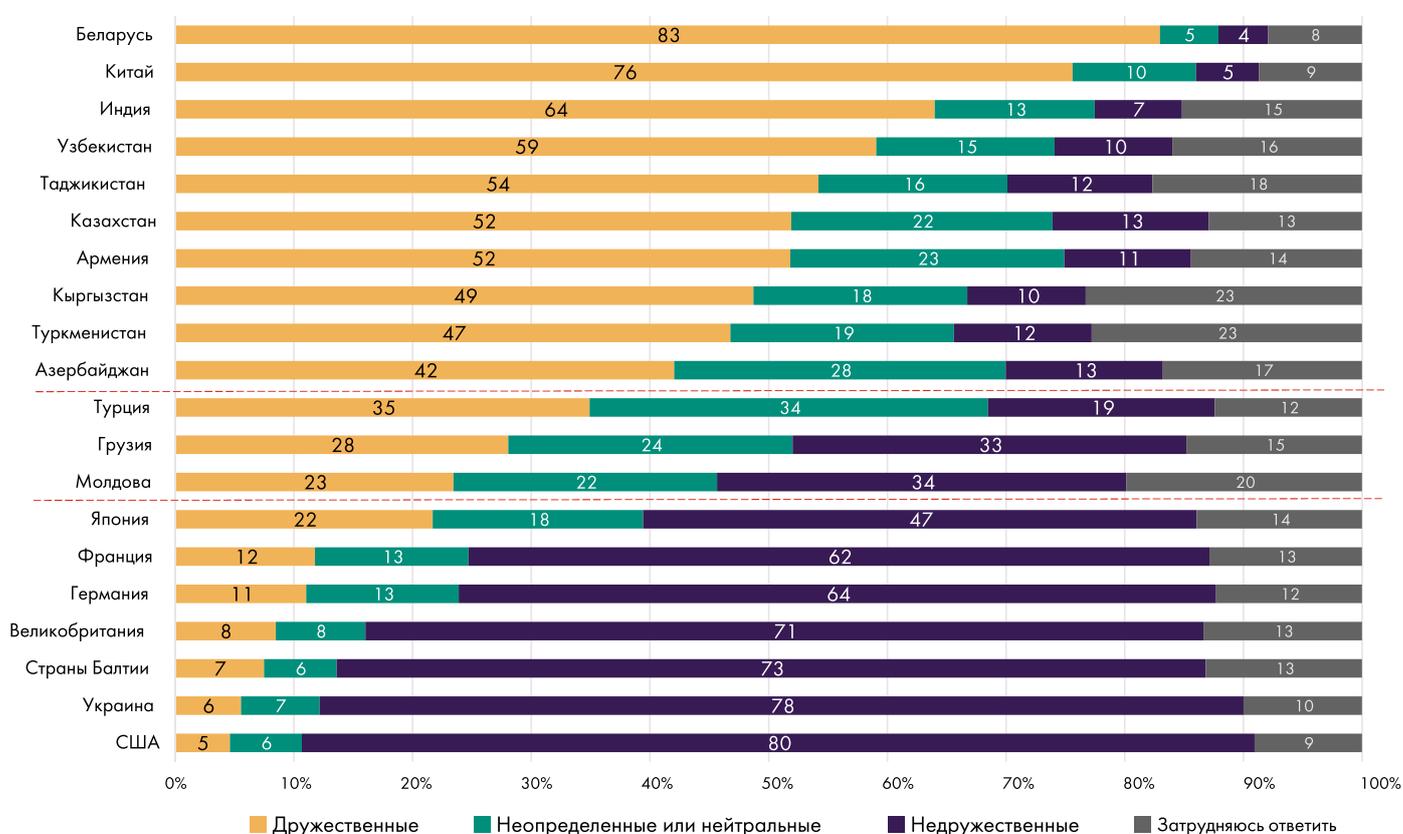
⁴ Задорин И. В. Гуманитарная близость стран постсоветского мира. Подходы к измерению на основе опросных данных. Презентация к выступлению на VI Грушинской конференции, 2016. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/59c/gumanitarnaya-blizost-stran-postsovetского-mira-podkhody-k-izmereniyu-na-osnove-oprosnykh-dannykh-pr.pdf>.

судить в том числе и о траекториях трансформации «коллективной идентичности» в новых независимых государствах на постсоветском пространстве. Во многих странах исследования фиксировали сильную фрагментированность (разобщенность, разнообразность) обществ. Это общества, как правило, с очень сложной системой гибридной и формирующейся (динамичной) идентичностью и неоднозначной геополитической ориентацией. Думаю, что все общества на обломках распавшихся империй поначалу только такими и могут быть, ибо империи имеют смешанный национальный и религиозный состав с разной исторической памятью и территориальной идентичностью и, как правило, повышенной внутренней миграцией (перемешиванием).

Понятно, что в ситуации сразу нескольких **общемировых системных расколов** и перестройки всей системы международных отношений, в которую мир вошел с 2020 года, все вопросы геополитического самоопределения обострились. В России происходит болезненный и вызывающий много напряжений «поворот на Восток» (см. рис. 1, представляющий данные опроса ЦИРКОН, сентябрь 2022 года). Во многих других странах post-USSR также происходят расколы и размежевания, связанные с поиском своего места в мировой экономике и мировом культурном ландшафте.

Рисунок 1. «Какие страны являются дружественными для нашей страны, а какие недружественными?»

ЦИРКОН, всероссийский опрос населения, сентябрь 2022 г., N = 1600 человек

Естественно, указанные процессы требуют внимательного исследовательского мониторинга, регулярной публичной фиксации и обсуждения результатов этого мониторинга. Максимально глубокий и в то же время оперативный анализ данных и профессиональная рефлексия, как мы надеемся, должны помочь странам и их политическому руководству пройти период «геополитических бурь» с минимальным ущербом для всех сторон от происходящего (в отдельных аспектах трагического) нового размежевания и переориентаций.

Именно указанными предположениями и была вызвана инициатива данного выпуска СоциоДиггера. Мы постарались воспроизвести логику исследований — от фиксации показателей **отношения** к другим странам и их динамики (см. статьи об отношении россиян к трем мировым центрам силы — США, Европейскому союзу и Китаю) к **факторам**, объясняющим эту динамику (см. статьи про такие факторы, как ценности, историческая память, образовательная и миграционная привлекательность, и т. п.), и далее к **перспективам** выстраивания новых отношений в мире новой геополитической реальности.

Спустя почти 20 лет после выпуска известной книги «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика» и пять лет после печального «закрытия» проекта «Интеграционный барометр ЕАБР» мы делаем еще одну попытку привлечь внимание политиков, социальных управленцев, экспертов к теме восприятия рядовыми гражданами внешнего мира. Ибо считаем, что это важно. А сейчас — сверхважно.

**ВОЛКОВ
ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ**

директор «Левада-Центра»¹

РОССИЙСКИЙ АНТИАМЕРИКАНИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

На фоне российско-украинского конфликта, в котором США встали на сторону Киева, общественное мнение России по отношению к Америке ожидаемо ухудшилось. При этом, несмотря на большой драматизм ситуации, антиамериканские настроения пока остаются ниже пиковых значений 2014—2015 годов, когда США осудили присоединение Крыма и военную поддержку Донбасса и впервые наложили санкции на Москву. В целом сегодняшнее отношение к Америке очень похоже на то, что наблюдалось в 2014 году: доля россиян, отрицательно относящихся к США, выросла с 42 % в ноябре 2021 года до 75 % в мае 2022 года (и затем несколько снизилась до 71 % в августе).

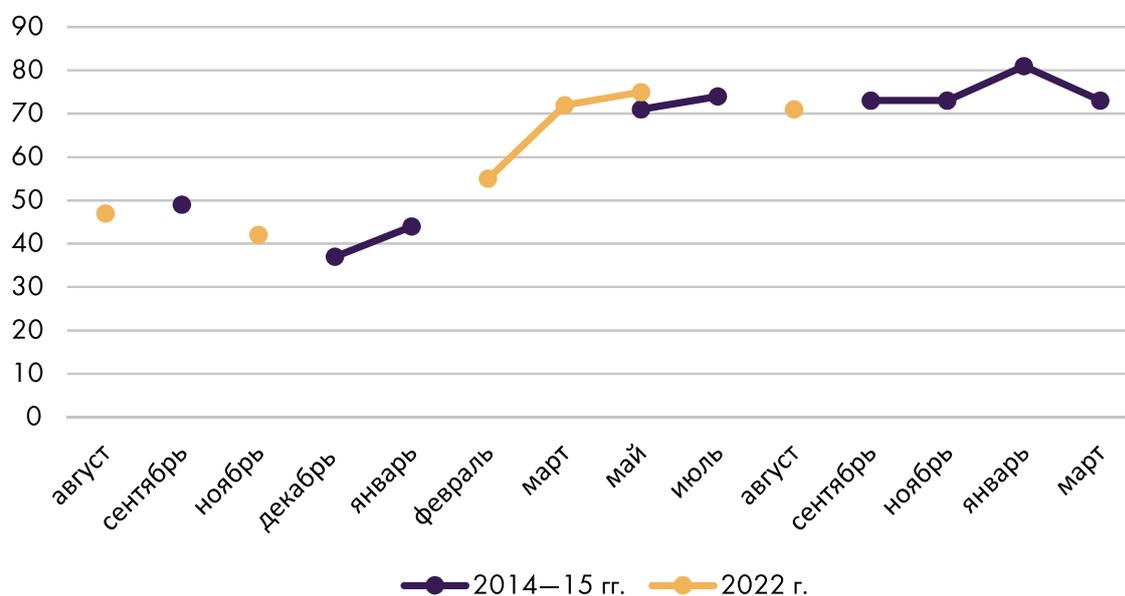
Отметим, что пик антиамериканских настроений, который был нами зафиксирован в начале 2015 года, еще не пройден. Тогда негативное отношение к США нарастало весь 2014 год, и только после подписания второго Минского соглашения в феврале 2015 года и относительной нормализации ситуации на Донбассе враждебность общества к Америке начала медленно снижаться. Так что вполне возможно, что нам еще предстоит увидеть новые пики антиамериканизма, тем более что конфликт продолжает расширяться.

Стоит оговориться, что российский антиамериканизм — многогранное явление, его нельзя сводить только к одному показателю. После того как надеждам на партнерство новой демократической России с США не суждено было реализоваться, в обществе стала нарастать фрустрация в связи с внешней политикой США в отношении нашей страны. При этом в целом россияне относились к США позитивно. К рядовым американцам отношение всегда было гораздо более позитивным, чем к США как стране — в проблемах взаимоотношений между странами винят прежде всего американское руководство и далеко не все готовы переносить негатив на народ в целом. Поэтому даже сегодня около половины россиян положительно относятся к американцам, проводя различие между американским истеблишментом и простыми жителями страны.

¹ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

Но все же отношение к США как к стране — это то, о чем мы спрашиваем несколько раз в год, и по этому показателю у нас больше всего данных.

Рисунок 1. Динамика негативного отношения к США по месяцам (в 2014—2015 и 2022 гг.)²

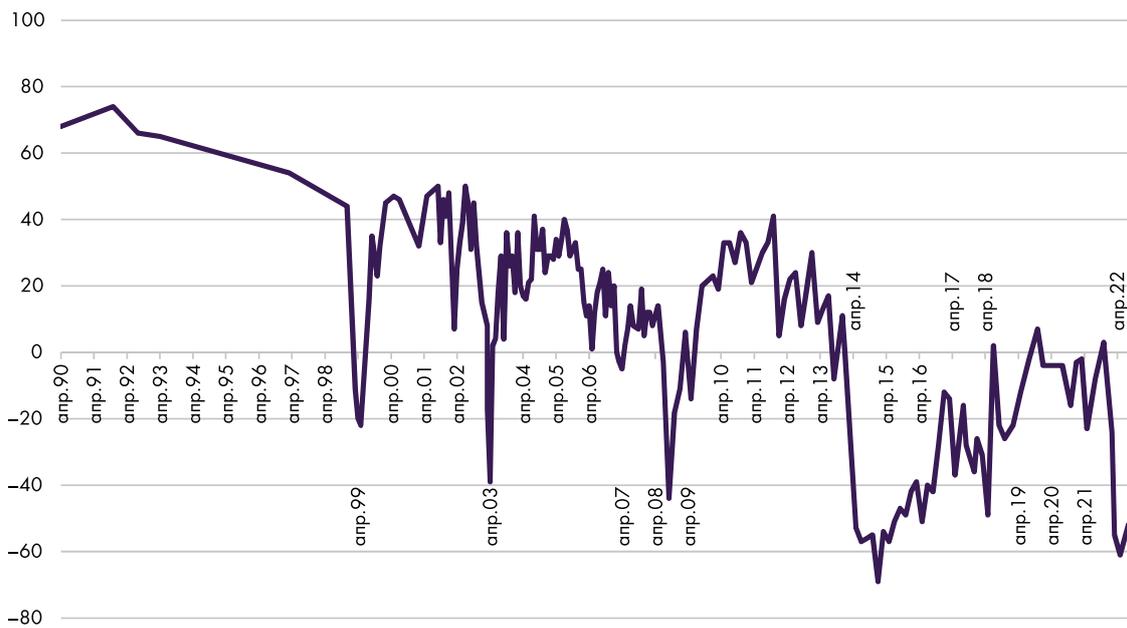

Опросы показывают, что за последние восемь лет антиамериканизм в России стал новой нормой. Вплоть до 2014 года в целом преобладали положительные чувства к Америке. Отмечались лишь относительно короткие всплески антиамериканизма: во время натовских бомбардировок Югославии в 1999 году, вторжения США в Ирак в 2003 году и российско-грузинской войны в 2008 году, когда США также встали на сторону противника Москвы. Однако с 2014 года неприязнь к Америке стала преобладать (и только в последние пару лет доли респондентов с позитивным и негативным отношением к США временами достигали паритета). С началом текущего конфликта отношение к США вновь сильно ухудшилось.

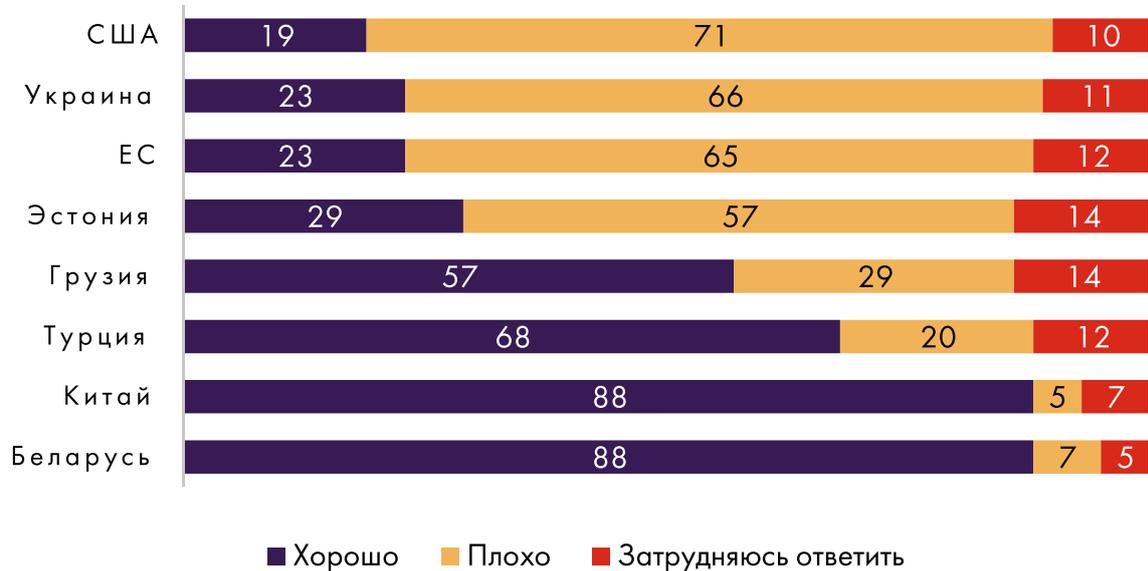
Кроме того, как и в 2008 и 2014 годах, нынешний конфликт воспринимается рядовыми россиянами в первую очередь как навязанный России Западом, прежде всего США. В связи с этим уместно заметить, что Европейский союз и отдельные европейские страны в представлении большинства россиян не являются самостоятельными политическими игроками, а следуют в фарватере политического курса США (из страха, принуждения, в результате подкупа и проч.). Вероятно, именно поэтому оценки респондентами ЕС практически идентичны отношению к Америке и с момента конфликта также ушли «в минус».

² Здесь и далее в рисунках приводятся данные исследований «Левада-центра»*.

Рисунок 2. Индекс отношения к США³

Рисунок 3. Как Вы в целом относитесь к... (август 2022)

Как и раньше, антиамериканизм больше характерен для пожилых россиян, чье недоверие к США во многом унаследовано с советских времен. Эти негативные чувства подогреваются программами государственного телевидения, которое остается для

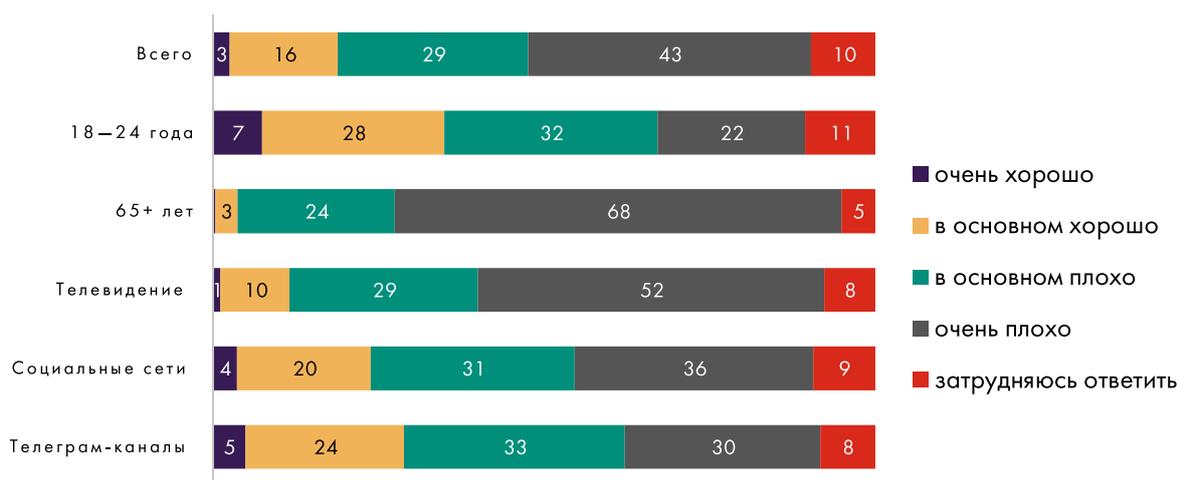
³ Индекс отношения к США — доля положительных оценок за вычетом доли негативных оценок. Показатель индекса меньше нуля означает, что в обществе преобладает негативное отношение к США.

людей старших возрастов главным источником информации о происходящем. Кроме того, старшее поколение в большей степени зависит от государства в своем благополучии, чем молодежь, и поэтому, как правило, поддерживает решения российского руководства с большей готовностью, чем любая другая возрастная группа.

Влияние телевидения на формирование представлений о текущих событиях и о роли Запада в сегодняшнем конфликте не ограничивается освещением и оценкой происходящего здесь и сейчас (подчеркиванием одних деталей и умалчиванием других, предоставлением права слова более «патриотически настроенным» комментаторам и отстранением от эфира «неблагонадежных»). Не менее важно (а может быть, и более важно) то, что телевидение задавало рамки интерпретации происходящего на протяжении десятилетий. Видимо, именно поэтому нынешний конфликт так легко укладывается в привычную логику противостояния России и Запада — прежде всего в глазах старшего поколения телезрителей.

Молодые россияне, напротив, гораздо дружелюбнее относятся к Америке и Западу в целом. На них меньше влияют старые советские клише, и многие из молодых людей активно потребляют западную массовую культуру (музыку, фильмы, сериалы, технические новинки etc). Уместно отметить, что очевидная «вестернизация» молодого поколения в последние годы вызывала беспокойство как российской власти, так и значительного числа представителей старшего поколения. Также представляется важным, что молодые россияне, как правило, не смотрят новости по телевизору, предпочитая интернет-источники, которые гораздо более разнообразны в своих оценках освещаемых событий и даже сегодня представляют спикеров, благосклонно настроенных к США и Западу.

Рисунок 4. Отношение к США в разных группах (август 2022)

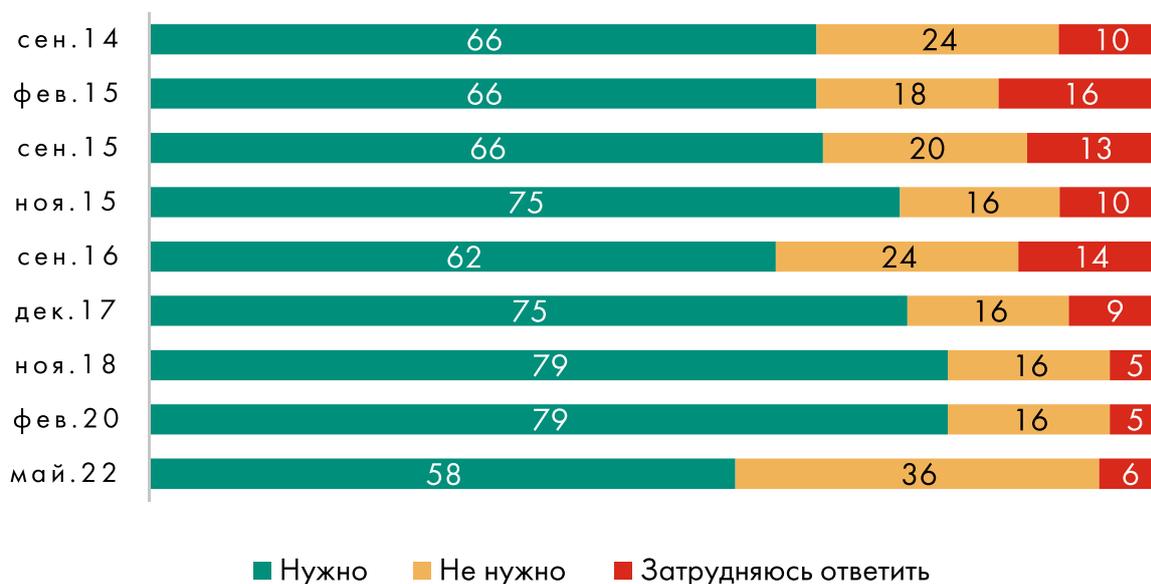

После общего ухудшения отношения к США восемь лет назад именно в молодежной среде отношение к США снова начало улучшаться. А в последние годы, вплоть до начала нынешнего конфликта, среди более молодых россиян положительное отношение к Америке преобладало. И даже сегодня люди моложе 25 лет гораздо чаще видят

США в позитивном свете, чем россияне старшего возраста, и доля позитивных оценок среди них заметно больше, чем восемь лет назад: в июле 2014 г. 22 % молодых россиян положительно относились к США; в августе 2022 года этот показатель составлял 35 %.

Отчасти это связано с тем, что молодых россиян привлекает западная культура, отчасти с тем, что молодые люди используют интернет, где в последние годы появилось много независимых СМИ и видеоблогеров — традиционно более прозападных, чем ведущие на государственных телеканалах. Расширение аудитории независимых СМИ в интернете стало возможным после взрывного роста русскоязычной аудитории интернет-платформы по распространению видеороликов YouTube: с 2018 по 2022 год ее аудитория увеличилась втрое и теперь составляет треть населения, состоящего в основном из людей моложе 40 лет. Telegram, созданный в 2013 году и показывающий в последнее время быстрый рост своей аудитории, также стал важной площадкой для свободного обмена мнениями и информацией. Сегодня около 18 % используют его как канал для получения новостей, именно здесь концентрируется более молодая и политически ангажированная публика, только за последние полгода аудитория телеграм-каналов утроилась.

Рисунок 5. Нужно ли России налаживать отношения с США и другими странами Запада?

Независимые журналисты, активисты и политики смогли воспользоваться этим сдвигом. Неслучайно многие популярные российские видеоблоги были созданы всего два-три года назад. Впервые за много лет у государственного телевидения в России появились независимые конкуренты, аудитория которых преимущественно молода. Расширение этого нового сегмента российского интернета может объяснить, почему в молодежной среде сохраняется заметная доля позитивно настроенных к США, даже несмотря на продолжающийся конфликт.

При всем накопленном негативе в адрес Америки опросы обнаруживают, что большое количество людей приветствовали бы разрядку в отношениях между Россией и США: в 2014—2015 годах таких было 66 %, к 2018 году их доля достигала 79 %, и даже в середине нынешнего года — больше половины (58 %). Иными словами, большинство было бы не против, если бы конфликт закончился. Однако при этом, поскольку многие опрошенные возлагают ответственность за конфликт на США и страны Запада, именно от этих стран ждут первого шага навстречу России. На языке респондентов это обычно выражается так: «Мы хотели бы улучшить отношения с ними, но они этого не хотят». И поэтому получается, что российская сторона не должна идти на уступки и нам нужно продолжать гнуть свою линию. Но это означает, что до компромиссов еще далеко и мы вполне можем еще увидеть новые пики антиамериканских настроений.

**КОЛОСОВ
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ**

доктор географических наук, профессор,
зам. директора и зав. лабораторией геополитических
исследований Института географии РАН

ЕВРОЦЕНТРИЗМ В ВОСПРИЯТИИ МИРА: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ, СДВИГИ

Почему Европа долгие десятилетия оставалась в центре внимания СМИ? Почему главные европейские страны всегда были самыми привлекательными для туристов из разных уголков света? В чем магия «европейскости» — величайшем вкладе европейцев или выходцев из Европы в мировую культуру, сохранившихся связях многих стран «третьего мира» с бывшими европейскими метрополиями, роли Европы в мировой экономике? Сохраняется ли эта магия в представлениях россиян? Какое место занимает Европа во взглядах российских граждан на внешний мир в условиях вооруженного конфликта на Украине, санкций и контрсанкций, растущей общей геополитической турбулентности, при очевидном сдвиге мирового хозяйства на восток и беспрецедентном увеличении могущества Китая?

Ответы на эти вопросы важны, поскольку европейские страны остаются нашими ближайшими соседями. Еще около 15 лет назад российский политолог В. Цымбурский пришел к выводу о цикличности в отношениях между Россией и Европой с начала позапрошлого века. Можно надеяться, что отношения эти рано или поздно нормализуются, хотя, по всей вероятности, не достигнут уровня 2000-х годов.

Современных достаточно подробных социологических данных об отношении к европейским странам и их образе в представлении российских граждан мало, тогда как в начале 2000-х годов регулярно проводились специальные исследования представлений российских граждан об отдельных европейских странах. В частности, на материалах ФОМ была основана наша книга, вышедшая в 2003 году¹. Ныне приходится опираться на работы прошлых лет и фрагменты мониторингов ведущих социологических центров. В этом ярко отразился геополитический кризис, разразившийся в 2014 году.

Десять лет назад завершился крупный международный проект «Видение Европы в современном мире» (EuroBroadMap), поддержанный 7-й Европейской рамочной программой. Он предусматривал опрос около 10 тыс. студентов в 18 странах мира, включая страны БРИК, Европы, Азии и Африки. В России было опрошено 827 студентов в Москве, Екатеринбурге, Ставрополе и Хабаровске. Проект преследовал две цели. Во-первых,

¹ Мир глазами россиян: мифы и реальность / под ред. В. А. Колосова. М.: ФОМ, 2003.

проанализировать зависимость геополитической картины мира в сознании студентов от доходов, социального положения, уровня образования родителей, пространственной мобильности, пола, знания иностранных языков и личного опыта. Во-вторых, предполагалось выявить связь представлений студенческой молодежи в разных странах о Европе и мире с географическим рисунком торгово-экономических и политических отношений и «объективным» местом каждого государства в мировой экономике и политике — глобальном «пространстве потоков». Это место определялось в ходе изучения географического распределения и структуры внешней торговли, прямых иностранных инвестиций, миграций, регулярных авиарейсов, голосования на Генеральной ассамблее ООН. Два ключевых вопроса анкеты касались стран, в которых студенты хотели бы или не хотели бы некоторое время жить. Опрос дал также возможность составить множество карт-анаморфоз, отражающих привлекательность разных стран и регионов — респондентов просили обозначить на контурных картах границы Европы и других регионов мира. Сканированные карты затем были проанализированы с помощью специальной программы.

Несмотря на многие характерные и интересные для исследователя отличия, результаты опроса в разных странах оказались удивительно похожими. Во-первых, респонденты обычно упоминали не более 35—40 стран, регулярно освещаемых телевидением и другими СМИ. В список этих стран входили в основном крупные и «богатые» страны — важнейшие «нюсмейкеры» в СМИ. Во-вторых, карты ясно показали евроцентризм представлений студентов таких разных стран, как Россия и Бразилия, Египет и Камерун, не говоря уже о самих европейских странах. Чаще всего упоминались крупнейшие страны Западной Европы — Франция, Великобритания, Италия и Германия. Практически во всех странах лидером по упоминаниям стала Франция. Характерно, что в группе БРИК российские студенты отличались наибольшей частотой упоминаний европейских стран. К тому же россияне оказались самыми большими «франкофилами» во всей выборке из 18 стран. На этом фоне США и тем более Китай выглядели в буквальном смысле бледно.

Общими причинами евроцентризма в представлениях студентов тогда были высокий уровень благосостояния, ассоциации с туризмом и отдыхом, историко-культурным наследием и демократическими системами управления. Благодаря своему значению в мировой экономике и политике европейские страны, особенно крупнейшие, часто упоминаются в средствах массовой информации и в школьных учебниках. В Бразилии и Индии привлекательность Европы отчасти объясняется их прошлым и глубокими отношениями с Португалией и Великобританией. В Индии британское влияние заметно в таких сферах, как правовая система и образование, архитектура и СМИ, кодекс поведения и культурное наследие. Мощный фактор формирования представлений о мире — язык. Бразилия и Португалия говорят на одном языке, а в Индии одним из официальных языков является английский. В Китае английский — самый распространенный иностранный язык, соответственно, китайские студенты чаще упоминали Великобританию и страны Северо-Запада Европы, чем Францию или Италию. Для Бразилии и Индии Западная Европа — потенциальное направление трудовой миграции. Многочисленная индийская диаспора в Великобритании и других странах Западной Европы также определяет симпатии индийских студентов.

У 83 % российских студентов Европа вызвала положительные ассоциации. Эти настроения подтверждали и общероссийские опросы: в начале 2000-х годов каждый россиянин хотел, чтобы Россия стала полноправным членом ЕС², российские граждане видели европейские страны в качестве потенциальных политических союзников более чем в два раза чаще, чем США.

Опрос EuroBroadMap показал, что восприятие Европы в России имеет два пласта: более поверхностный «экономический» и глубокий культурно-исторический. У «экономического» та же природа, что и в других странах: российские студенты хотели жить, как европейцы, европейские страны ассоциировались у них с отдыхом, развлечениями, покупками, престижными товарами и услугами, среди ассоциаций с Европой часто встречались «развитие», «процветание», «стабильность», «высокие стандарты жизни» «путешествие», «чистота», «красота», «мода». Общими для Европы символами выступали Эйфелева башня и в целом Париж — наиболее известная россиянам зарубежная столица. Членство в ЕС как клубе процветающих стран рассматривалось как вопрос престижа.

При этом россияне традиционно видели в Европе в большей степени культурно-историческое, чем политическое пространство, границы которого могут меняться. Позитивные ассоциации с Европой здесь имеют длительную историю. Существовала устойчивая мода на все французское, а в советское время пропаганда рисовала Францию (наряду с Финляндией) как «лучшую из капиталистических стран» — почти как союзника. Доминирующими ассоциациями с Европой были слова «Европейский союз» и «евро». отождествление всей Европы с ЕС имело важные политические последствия. Поскольку перспектива вступления России в ЕС никогда не рассматривалась даже в долгосрочной перспективе, она вроде бы не могла считаться европейской страной, Это вызывало у части респондентов ощущение обманутых надежд на «европеизацию» страны, понимавшуюся как единственная возможность ее модернизации. Многие россияне считали принципиально важной отмену визового режима в коммуникациях с ЕС, длительные переговоры о которой не увенчались успехом. Несмотря на весьма позитивное отношение к Европе, неслучайно около половины студентов определенно не считали Россию частью Европы, проводя ее восточный рубеж по границам со странами Балтии, Беларуси, Украины.

В самой Европе Россия была одной из наиболее часто упоминаемых, но совсем не привлекательных стран. Менее привлекательными оказались только страны, охваченные вооруженными конфликтами, оплоты мусульманского фундаментализма или тоталитаризма. Так, французские студенты ставили Россию в один ряд с Ираком, Китаем, Афганистаном, Ираном, Израилем, Алжиром и Северной Кореей — странами, в которых они никогда не хотели бы жить. Примерно так же воспринимали Россию и жители некоторых неевропейских стран — Египта, Сенегала и Камеруна. Что неудивительно: выполненный нами в начале 2000-х годов контент-анализ некоторых зарубежных СМИ³ показал, что Россия выступала в них преимущественно как источник негатив-

² Общественное мнение — 2009. Ежегодник. М.: Аналитический центр Ю. Левады, 2009. С. 176 (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

³ Колосов В. А., Бородулина Н. А., Вендина О. И., Галкина Т. А., Заяц Д. В., Юр Е. С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 33—49.

ной информации о террористических актах, природных катаклизмах, социальной нестабильности, нарушениях прав человека, политическом давлении на соседние страны. Экономической информации, которая чаще бывает нейтральной или позитивной, из России исходило мало, несмотря на ее выдающуюся роль в мировом экспорте энергоносителей. Зарубежные медиа, как правило, представляли Россию как северную страну с суровым климатом, бедную, недемократическую и малогостеприимную. Стабильным источником «позитива» оставались главным образом только спорт и культура. Несколько лучше Россию воспринимали в Бразилии, Тунисе и Молдове, хотя и там преобладали негативные оценки. Лучшее соотношение между позитивными и негативными оценками (близкое к нулю) наблюдалось в Азербайджане, Индии и Турции.

К 2021 году представления россиян о мире кардинально изменились. Конечно же, опросы студентов тех лет и сегодняшние опросы населения напрямую несопоставимы, но выводы о тенденциях сделать можно. Согласно мониторингу Левада-Центра⁴, индекс отношения к ЕС (разность между позитивными и негативными оценками) сократился с 60 в декабре 2003 года до почти –50 в январе 2015 года и слабopоложительных значений в июне 2021 года. После начала СВО на Украине он опять резко упал. По данным ВЦИОМ, в августе 2022 года из членов ЕС лишь Венгрия вошла в первую двадцатку стран, с которыми, по мнению российских граждан, у России сложились наиболее прочные, дружественные отношения⁵. При этом 67% опрошенных считали, что страна находится в международной изоляции, а 83% — что у нее есть враги (в апреле 1994 года этого мнения придерживались лишь 41%). Однако относительное большинство (44%) полагали, что Россия должна относиться к Западу как партнеру, а 13% — даже как к другу⁶.

«Либида» россиян к Франции (выражение одного из российских психологов) также уменьшалось, но далеко не в той мере, как отношение к ЕС в целом. Согласно опросу ФОМ в ноябре 2018 года, специально посвященному этой стране, 55% респондентам французы были по-прежнему симпатичны, 29% считали Францию дружественной страной, 49% хотели бы там побывать⁷. По другому опросу ФОМ (октябрь 2018 года) Германия несколько «опережала» Францию по уровню положительного отношения россиян, хотя он также понизился.

Поразительно, что, несмотря на вступление в активную жизнь новых поколений, большинство ассоциаций со словами «Франция» и «Германия» в 2018 году были практически те же, что описаны в упомянутой книге 2003 года «Мир глазами россиян: мифы и реальность». Франция вызывает прежде всего «гламурно-туристические» и культурно-исторические ассоциации: 25% респондентов вспоминают о Елисейских полях, Эйфелевой башне, Лувре, соборе Парижской Богородицы, для 11% Франция — это Париж, 4% — французские курорты и сувениры, 7% — круассаны, сыр, улитки, вина,

⁴ Общественное мнение – 2021. Ежегодник. М.: Аналитический центр Ю. Левады, 2021 (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

⁵ Друзья и недоброжелатели России на фоне спецоперации // ВЦИОМ. 31.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-nedobrozheleteli-rossii-na-fone-specoperacii>.

⁶ Общественное мнение — 2021. Ежегодник. М.: Аналитический центр Ю. Левады, 2021. С. 143 (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

⁷ Франция // ФОМ. 27.11.2018. URL: <https://fom.ru/Mir/14139>.

коньяк, духи, автомобильные бренды, 5% — политики и деятели искусства, в основном известные еще с советского времени — Джо Дассен, Шарль Азнавур, Луи де Фюнес и др. (у 19% респондентов не нашлось никаких ассоциаций). Германия, как и в начале 2000-х годов, связана с памятью о Великой Отечественной войне — «она напала на Россию», «мы их победили», «фашизм», «Холокост, Гитлер», «мой дед — ветеран войны». Что, однако, как и раньше, вовсе не мешает считать Германию дружественной России страной (44%), испытывать симпатию к немцам и желать побывать там (48%)⁸. В 2022 году привлекательность этих ведущих государств Европы для россиян значительно снизилась, образы стран ЕС, официально провозглашенных «недружественными», приобрели негативный характер: в августе 2022 года 32% респондентов полагали, что с Германией у России сложились напряженные, враждебные отношения, 28% были такого же мнения о российско-французских отношениях⁹.

Как отмечалось в нашей книге 2003 г., сопоставление колебаний в отношении россиян к крупным зарубежным странам с текущими политическими событиями позволяет предполагать, что воздействие событий на место каждой из стран в их общем «рейтинге», в том числе под влиянием политической пропаганды, имеет определенный предел (этот предел был хорошо виден на примере отношения к США, по крайней мере до последнего времени, и к Китаю¹⁰). Многие российские граждане ощущают свою принадлежность к европейской культуре и прочность исторических связей с европейскими государствами. Причем россияне традиционно относились к европейским странам лучше, чем их жители к России. Пока неясно, насколько сильно может недавний разрыв между Россией и Западом в условиях вооруженного конфликта на Украине, санкций и контрсанкций отдалить россиян от европейцев.

⁸ Германия // ФОМ. 25.10.2018. URL: <https://fom.ru/Mir/14121>.

⁹ Друзья и недоброжелатели России на фоне спецоперации // ВЦИОМ. 31.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-nedobrozheleteli-rossii-na-fone-specoperacii>.

¹⁰ Kolosov V., Zotova M. The «Pivot to the East» and China in Russian Discourse. *Geopolitics*. <https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1952184>.

**КЕРТМАН
ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ**

кандидат исторических наук,
ведущий аналитик ФОМ;
старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

КИТАЙ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЯН: ЧТО МЕНЯЕТСЯ И ЧТО НЕИЗМЕННО?

В новом геополитическом контексте, возникшем с началом СВО, перспективы развития отношений с Китаем приобрели, разумеется, особое значение для России. Поэтому целесообразно присмотреться к тому, как восточный сосед воспринимается сегодня российскими гражданами. А поскольку ФОМ с начала XXI века неоднократно обращался к этой теме, у нас есть возможность заметить симптомы изменений в представлениях россиян о Китае.

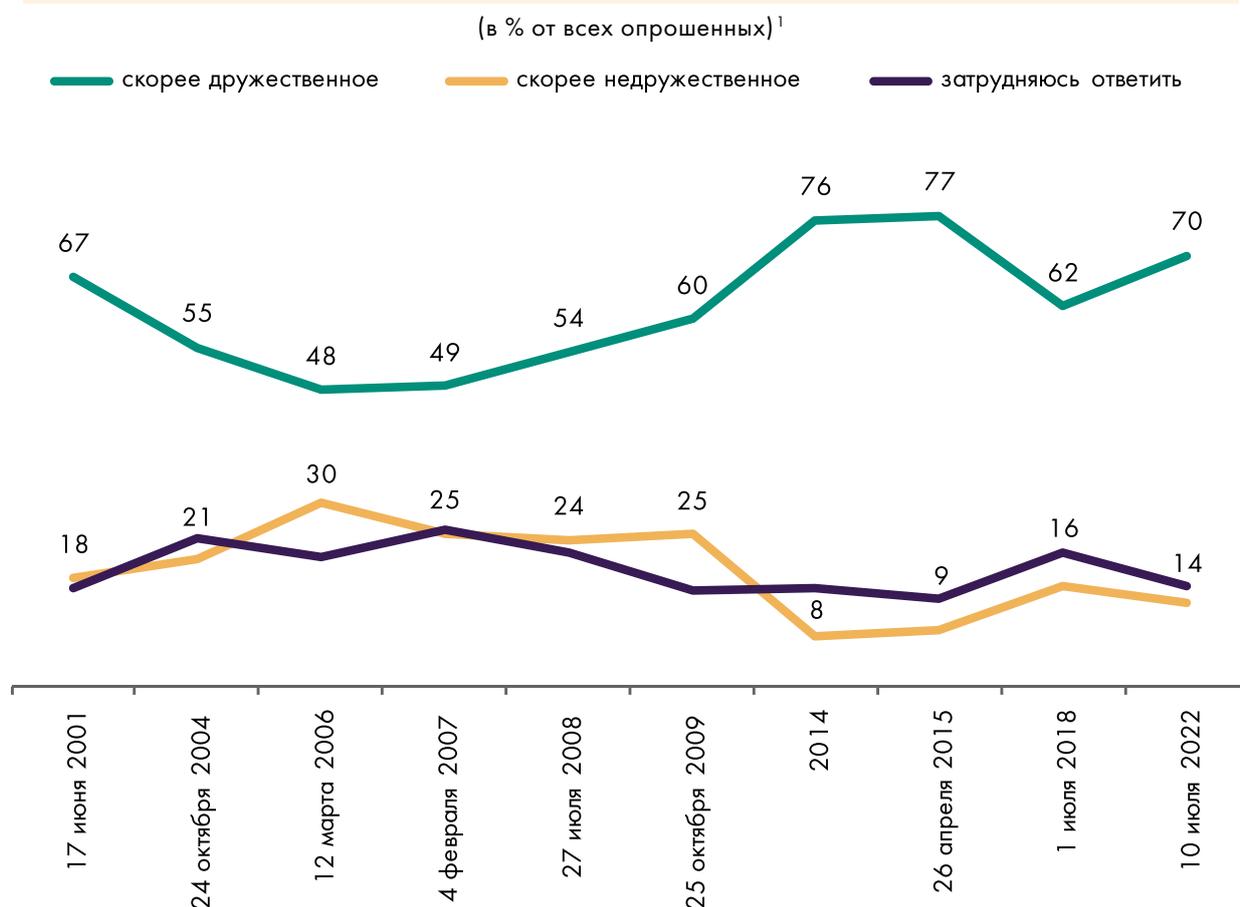
Динамика мнений о российско-китайской дружбе определяется градусом взаимоотношений России с Западом

Как видим на рисунке 1, участники всех опросов чаще признавали Китай дружественным государством, но соотношение мнений менялось весьма существенно.

Позволим себе предположить, что такая динамика обусловлена прежде всего переменами во взаимоотношениях России не с Китаем, а с Западом, которые неизменно больше интересуют россиян и интенсивнее освещаются и комментируются в медийном пространстве. Здесь срабатывает эффект «сообщающихся сосудов»: когда отношения с Западом выглядели более или менее партнерскими, сомнения россиян в дружеском расположении Китая были относительно широко распространены — в 2006 и 2007 году (заметим, что в 2007 году опрос прошел за неделю до Мюнхенской речи В. Путина). Когда же отношения с Западом резко ухудшились — в 2014 году, после присоединения Крыма и начала вооруженного конфликта на Донбассе, — такие сомнения рассеялись и перевес разделяющих мнение о дружелюбии восточного соседа над сторонниками противоположной точки зрения стал подавляющим. В эту логику вполне вписывается и странное, на первый взгляд, снижение доли признающих Китай дружественным государством в 2018 г. Обратим внимание на дату: опрос в этом году был проведен 1 июля, в разгар Чемпионата мира по футболу, когда толпы вполне дружелюбных иностранных

(прежде всего, разумеется, западных) туристов наводнили российские города и телеэкраны, а любые сюжеты, связанные с противоречиями между Россией и Западом, ушли на периферию новостной повестки и общественного внимания — частью из-за «фестивальной» атмосферы ЧМ, частью — из-за шока от анонсированной двумя неделями ранее пенсионной реформы. Никаких дополнительных поводов сомневаться в дружественности Китая в этот момент не появилось, но градус латентной конфронтации с Западом снизился — и именно это, как нам представляется, предопределило снижение доли выражающих уверенность в том, что Китай — друг России. Сейчас эта доля снова заметно выросла, достигнув 70%. Распределение мнений, отметим, сегодня почти не варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, но люди, предпочитающие черпать новости из интернета, считают Китай недружественным вдвое чаще, чем ориентирующиеся на традиционные СМИ (18% и 9% соответственно).

Рисунок 1. Китай — это скорее дружественное или скорее недружественное по отношению к России государство?

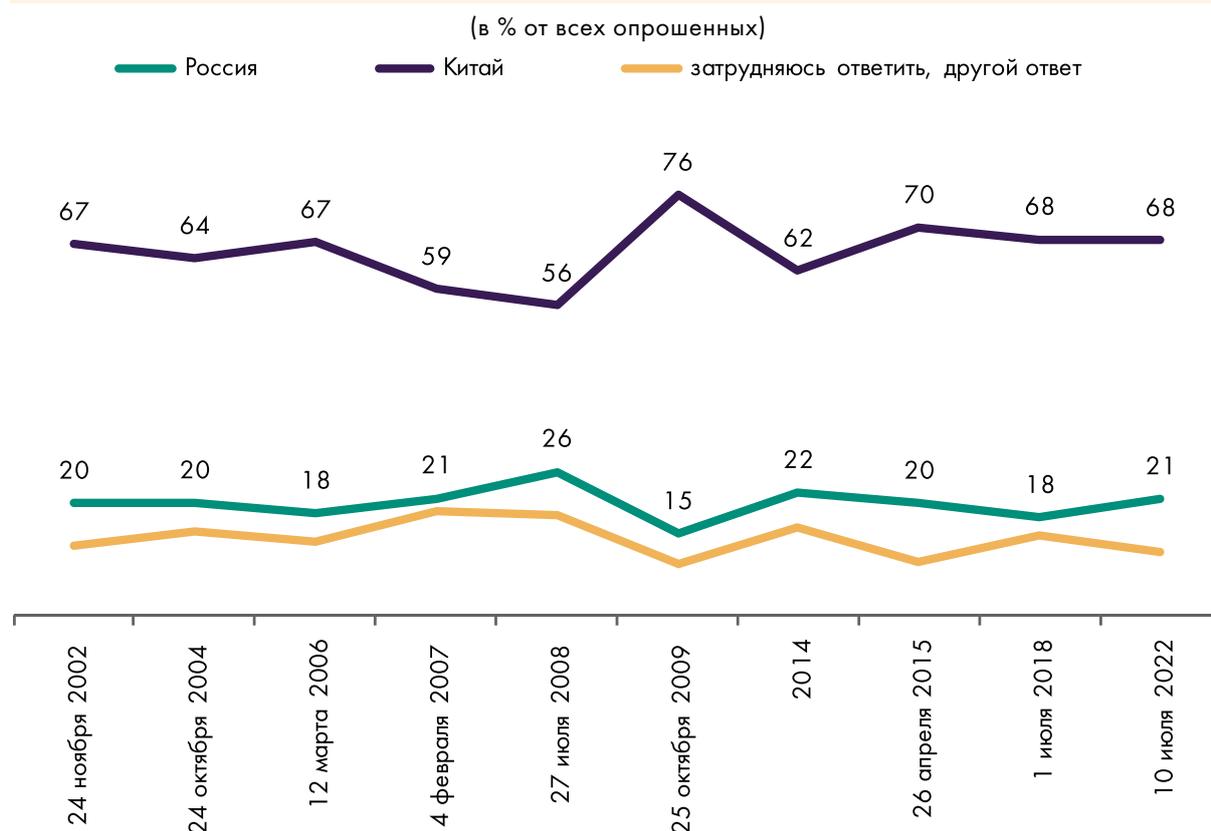
Примечание. В 2014 г. проведено два замера. Приводятся усредненные значения за год.

¹ Здесь и далее источник данных: ФОМнибус — еженедельные репрезентативные опросы населения 18 лет и старше. В каждом опросе участвовали 1500 респондентов — жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Россияне считают Китай более успешной страной, а Россию — более влиятельной

Ключ к пониманию восприятия российско-китайских отношений большинством российских граждан дают распределения мнений на два вопроса (рис. 2, 3) — о темпах развития двух стран и об их влиянии на мировой арене.

Рисунок 2. Если сравнивать Россию и Китай, то, на Ваш взгляд, какая из двух стран развивается сегодня более успешно — Россия или Китай?

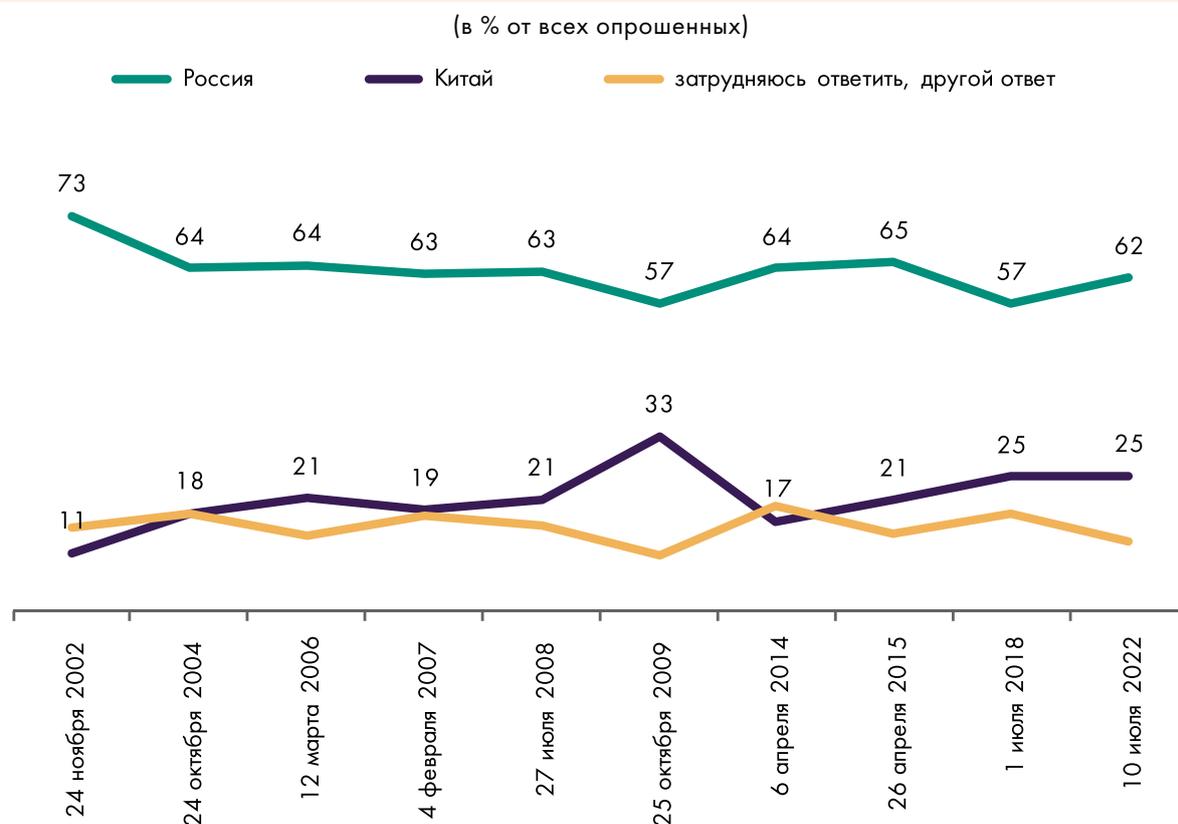

На протяжении 20 лет большинство россиян (в среднем за этот период — 66%, крайние точки — 56% и 76%) полагают, что Китай развивается успешнее, нежели Россия, и лишь немногие (в среднем — 20%, крайние точки — 15% и 26%) считают, что успешнее развивается наша страна. На протяжении этого же периода примерно такое же в количественном отношении большинство россиян (в среднем — 63%, крайние точки — 57% и 73%) полагают, что Россия имеет большее влияние в мире, чем Китай, а противоположное мнение разделяется втрое меньшим числом наших сограждан (в среднем — 21%, крайние точки — 11% и 33%).

Казалось бы, если мнение (а точнее сказать — знание) о более высоких темпах развития Китая является константой, по крайней мере, на протяжении двух десятилетий, то уверенность в том, что Россия влиятельнее на мировой арене, должна постепенно идти на убыль: вроде бы в XXI веке трудно отрицать, что темпы развития страны в отно-

сительно длительной временной перспективе определяют и ее влияние в мире. Но, как видим, ничего подобного не происходит (во всяком случае, с 2004 года).

Рисунок 3. По Вашему мнению, какая страна сегодня имеет большее влияние в мире — Россия или Китай?

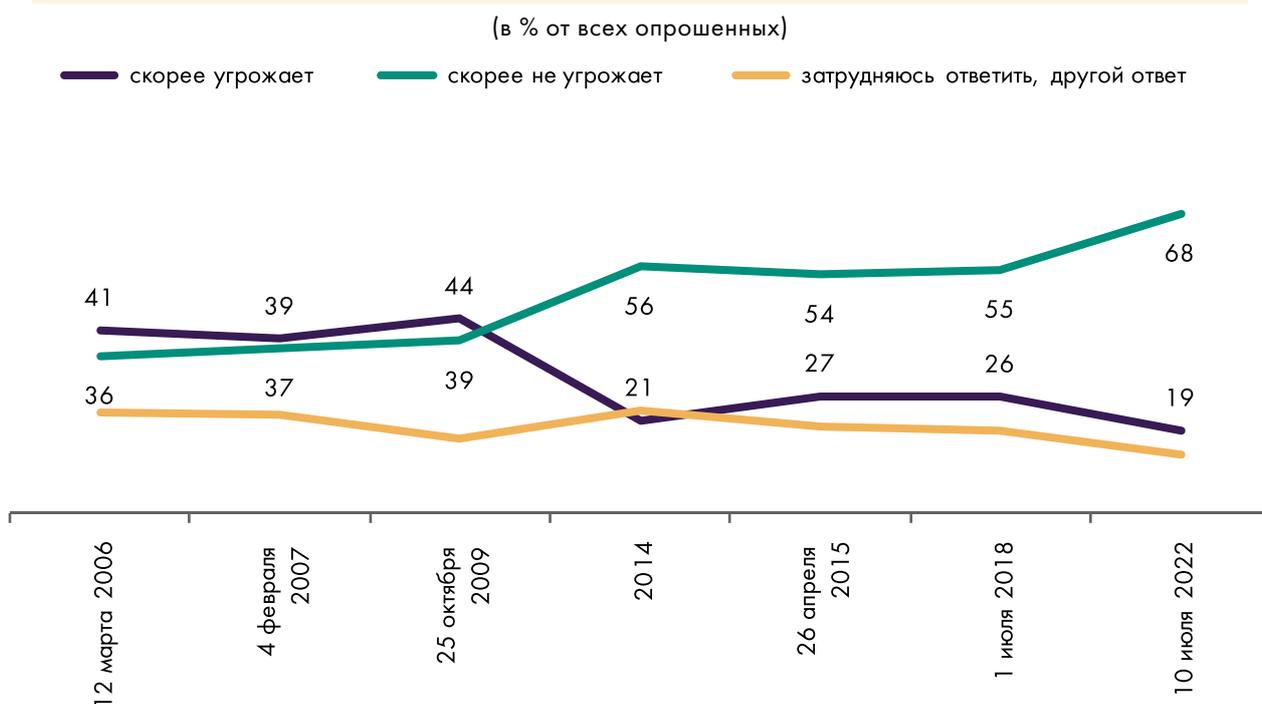
Отметим справедливости ради, что определенная корреляция между представлениями россиян о темпах развития и международном влиянии двух стран все же существует. Так, по данным последнего опроса, если люди, считающие, что Россия развивается успешнее Китая, почти единодушно выражают уверенность и в том, что наша страна более влиятельна на мировой арене (86% в этой группе — против 10% полагающих, что Китай влиятельнее), то среди считающих, что успешнее развивается Китай, мнение о превосходящем международном влиянии России разделяют лишь чуть более половины (54% — против 33% полагающих, что по влиянию в мире она уступает Китаю)².

Тем не менее приведенные данные определенно свидетельствуют о том, что для большинства россиян темпы развития страны и ее международное влияние — переменные во многом независимые. И мы, в общем-то, по всей совокупности знаний о российском

² Кроме того, если вернуться к рисунку 3, нетрудно заметить, что доля уверенных в превосходстве России на мировой арене заметно, до 57%, снижалась дважды: осенью 2009 и летом 2018 года. Сместе предположить, что в обоих случаях это произошло не в силу каких-то видимых сдвигов в расстановке сил на мировой арене, а по сугубо «внутренним» причинам: в первом случае рост сомнений в превосходстве России был вызван экономическим кризисом, который сказался на России гораздо сильнее, чем на Китае, а во втором — уже упомянутым шоком от анонсированной пенсионной реформы, которая тогда побудила многих гораздо пессимистичнее оценивать состояние и перспективы страны.

массовом сознании понимаем, что за этим стоит: в первом случае речь идет главным образом об экономическом и технологическом прогрессе, во втором — о военном потенциале. То есть россияне в большинстве своем уверены, что Китай как экономическая сверхдержава развивается успешнее, но в военно-политическом отношении уступает России. И именно это определяет динамику восприятия российско-китайских отношений.

Рисунок 4. Как Вы считаете, усиление Китая скорее угрожает или скорее не угрожает интересам России?

Примечание. В 2014 г. проведено 2 замера. Приводятся усредненные значения за год.

Как видим (рис. 4), в опросах 2006—2009 годов респонденты немного чаще говорили, что усиление Китая угрожает интересам России, чем поддерживали противоположную точку зрения. Однако в 2014 году распределение мнений кардинально изменилось, и здесь, надо полагать, проявляется уже упомянутый эффект «сообщающихся сосудов»: в контексте резкого ухудшения отношений с Западом растущая мощь Китая, не поддержавшего Запад в этой конфронтации, гораздо реже воспринимается как источник опасности для России. Когда же с началом СВО противостояние России с Западом достигло беспрецедентной остроты, а в число стран, присоединившихся к новым санкциям, вошли многие из тех, которые воспринимались ранее если и не как «друзья» России, то, во всяком случае, и не как ее «враги», эта тенденция получила дальнейшее развитие, и сейчас уже две трети россиян (68%) не видят потенциальной угрозы в усилении Китая.

Уточним: по прошлым исследованиям³ нам известно, что «китайская угроза» ассоциируется у россиян прежде всего с демографическим дисбалансом: гигантская

³ См. например: Отношения между Россией и Китаем // ФОМ. 15.04.2014. URL: <https://fom.ru/search#q=китай&from=&to=>; Россия и Китай: позиции в мире // ФОМ. 11.07.2018 г. URL: <https://fom.ru/Mir/14063>; Г. Кертман. Китай: великий и опасный друг России // Десять лет социологических наблюдений. Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

численность населения Китая (в сочетании с низкой плотностью населения Сибири и Дальнего Востока) заставляет многих наших соотечественников в той или иной мере опасаться территориальной экспансии восточного соседа. Причем предполагается, что он может занять принадлежащие России земли не столько силой оружия (о военной опасности со стороны Китая участники опросов и фокус-групп говорили редко), сколько планомерным заселением российских территорий, которое в не слишком отдаленной перспективе создаст предпосылки для их отторжения. А другой облик «китайской угрозы» в российском массовом сознании связан с экономической экспансией: с одной стороны, китайские предприниматели, по мнению многих россиян, эксплуатируют природные ресурсы России на крайне невыгодных для нашей страны условиях (чаще всего речь идет о лесе, реже — о природных ископаемых), с другой — выигрывают экономическую конкуренцию, захватывая российский рынок и вытесняя с него российских производителей.

У нас нет оснований полагать, что эти устоявшиеся представления о «китайской угрозе» каким-то образом трансформировались или «рассосались», но достаточно того, что изменился контекст: на фоне острейшего военно-политического противостояния с Западом, которое грозит перейти в прямой вооруженный конфликт (а многими уже воспринимается как таковой), опасения по поводу демографического и экономического давления с востока в той или иной степени деактуализируются. Что, собственно, и приводит к росту доли отрицающих угрозу интересам России со стороны Китая. Еще следует иметь в виду, что даже россияне, озабоченные «китайской угрозой», обычно не склонны воспринимать Китай как враждебную силу и в известной мере относятся к его экспансии — реальной или гипотетической — «с пониманием»: демографический дисбаланс рассматривается как объективная данность, вынуждающая китайцев переселяться на почти безлюдные просторы восточных регионов России (еще 20 лет назад участники опросов высказывались в том смысле, что «им негде жить, страна мала для такого количества людей», «их много, и им жить надо»), а если китайские бизнесмены «за гроши» скупают, допустим, ценный сибирский лес, то виноваты в этом не они, а те, кто им его на таких условиях продает.

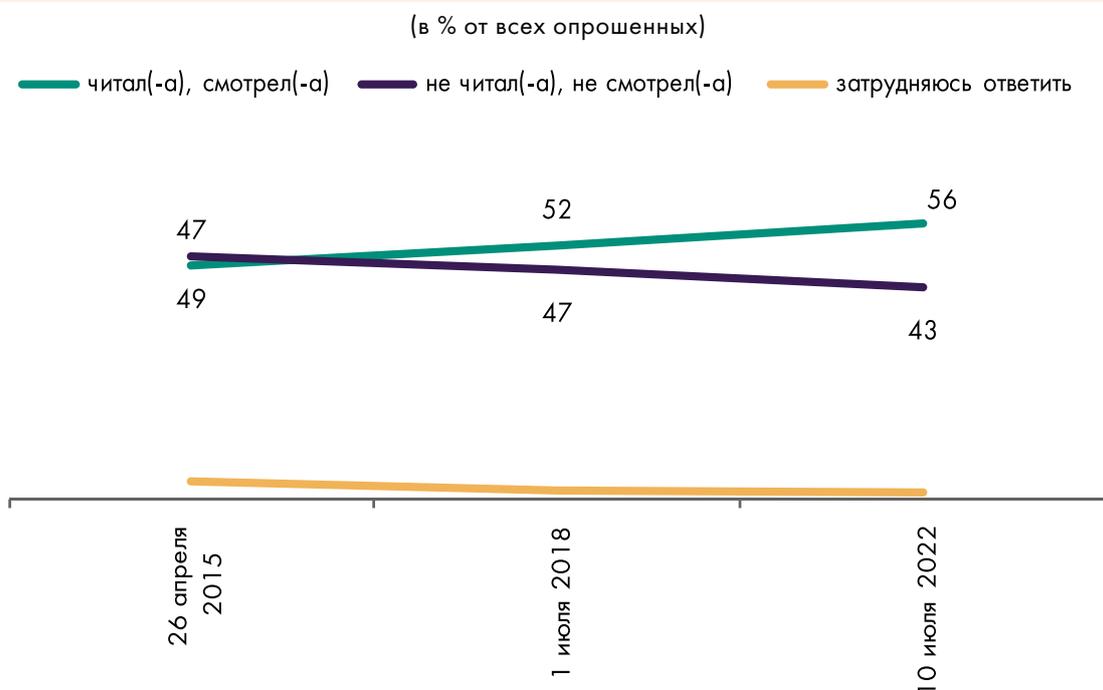
Отметим, что распределение мнений по вопросу о том, угрожает ли усиление Китая интересам России, почти не варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов: пола, возраста, типа места жительства (в Москве, городах разной величины, в селах оно практически одинаково), уровня благосостояния, образования⁴, но весьма ощутимо зависит от их политических ориентаций. Так, среди доверяющих В. Путину только 15 % опрошенных усматривают в усилении Китая угрозу для российских интересов (против 72 %, которые такой угрозы не видят), а среди тех, кто президенту не доверяет, — 38 % (против 51 %). Сильно влияет на распределение мнений и то, на какой источник информации склонны ориентироваться граждане: среди ТВ-ориентированных 13 % говорят об исходящей от Китая угрозе интересам России (против 73 %), среди интернет-ориентированных — 26 % (против 63 %).

⁴ Хотя обладатели высшего образования все же чуть тревожнее прочих: среди них 22 % считают, что усиление Китая угрожает российским интересам, а 64 % — что не угрожает (по выборке в целом, напомним, 19 % и 68 % соответственно).

○ Китай менее интересен россиянам, чем Европа, но по мере усиления прокитайских настроений этот дисбаланс сокращается

В последние годы в России, с одной стороны, растет число граждан, читавших статьи или книги о Китае либо видевших какие-то фильмы, передачи, посвященные этой стране, а с другой — сокращается число тех, кто хотел бы побывать в Китае (см. рис. 5, 6). Трудно сказать, с чем связана такая разнонаправленная динамика показателей, характеризующих, каждый по-своему, уровень интереса россиян к восточному соседу⁵.

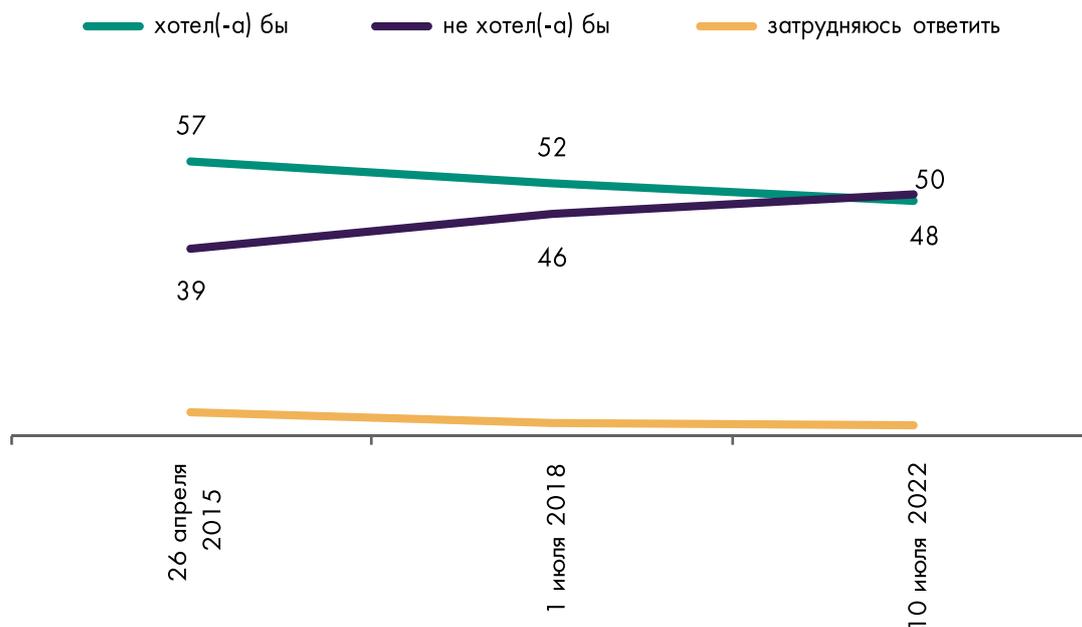
Рисунок 5. Вы когда-нибудь читали статьи или книги, смотрели фильмы, передачи, посвященные Китаю, или нет?

Разумеется, обладатели высшего образования значительно чаще, чем остальные россияне, говорят, что читали либо смотрели какие-то материалы, посвященные Китаю (68% — против 56% по выборке), и чаще изъявляют желание съездить в эту страну (57% — против 48% по выборке). Столь же естественно, что это желание заметно чаще прочих выражают молодые и относительно состоятельные граждане.

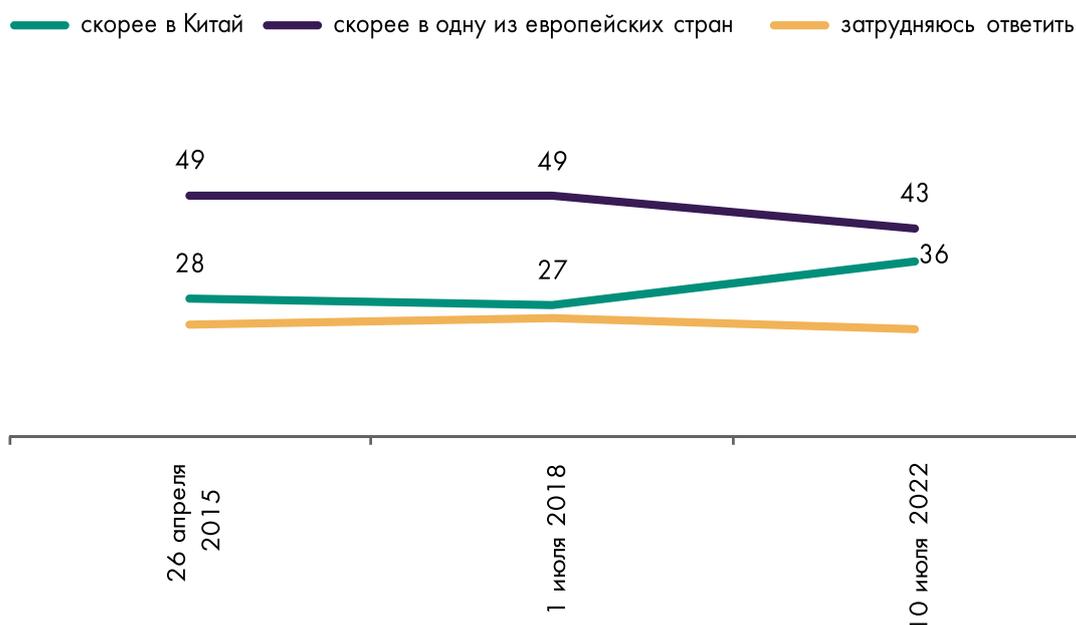
⁵ Не исключено, впрочем, что снижение доли желающих посетить Китай сейчас (в сравнении с 2018 г.) связано с пандемией COVID-19: возможно, играют свою роль опасения, вызванные как тем, что сама болезнь пришла из Китая, так и сверхжесткими и масштабными мерами, которые принимались китайскими властями в борьбе с эпидемией. Риск оказаться в длительном карантине может, понятно, породить сомнение в целесообразности посещения Поднебесной.

Рисунок 6. Вы бы хотели или не хотели съездить в Китай?

Любопытно, что доли желающих посетить Китай среди тех, кто видит в усилении этой страны угрозу российским интересам, и тех, кто ее не усматривает, почти одинаковы (49% и 50% соответственно). Это косвенно подтверждает сказанное выше: представление об исходящей от Китая опасности практически не сказывается на отношении к нему. Вместе с тем считающие Китай дружественным государством гораздо чаще говорят, что хотели бы побывать там, чем считающие его недружественным (55% и 33% соответственно).

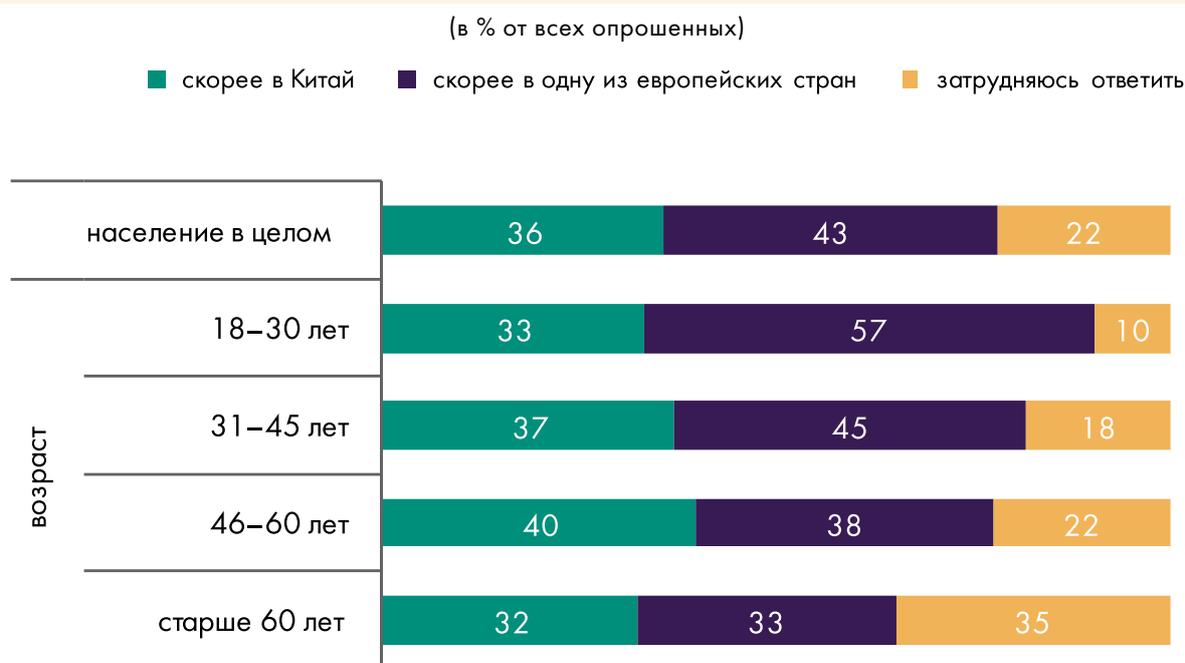
Рисунок 7. А если бы у Вас был выбор: поехать в Китай или в одну из европейских стран, где Вы не были, куда Вы поехали бы в первую очередь — скорее в Китай или скорее в одну из европейских стран?

Если ранее в ситуации гипотетического выбора между поездкой в Китай либо в какую-нибудь из европейских стран россияне довольно уверенно отдавали предпочтение западному направлению, то сейчас перевес предпочитающих его восточному заметно сократился (рис. 7). Но, по-видимому, и эта тенденция связана не столько с ростом интереса к Китаю (ведь, как мы только что видели на рисунке 6, сама по себе доля желающих поехать в эту страну заметно снизилась), сколько с дистанцированием от Запада, ростом антипатий к нему. Кстати, ТВ-ориентированные несколько чаще отдают предпочтение поездке в Китай (38 % против 34 %, выбирающих путь в Европу), а интернет-ориентированные — намного реже (34 % против 53 % соответственно).

Ощутимы и возрастные различия: в старших когортах доли предпочитающих путешествие в Китай и в Европу практически равны, тогда как молодежь значительным большинством «голосов» выбирает поездки в Европу (рис. 8).

Рисунок 8. А если бы у Вас был выбор: поехать в Китай или в одну из европейских стран, где Вы не были, куда Вы поехали бы в первую очередь — скорее в Китай или скорее в одну из европейских стран?

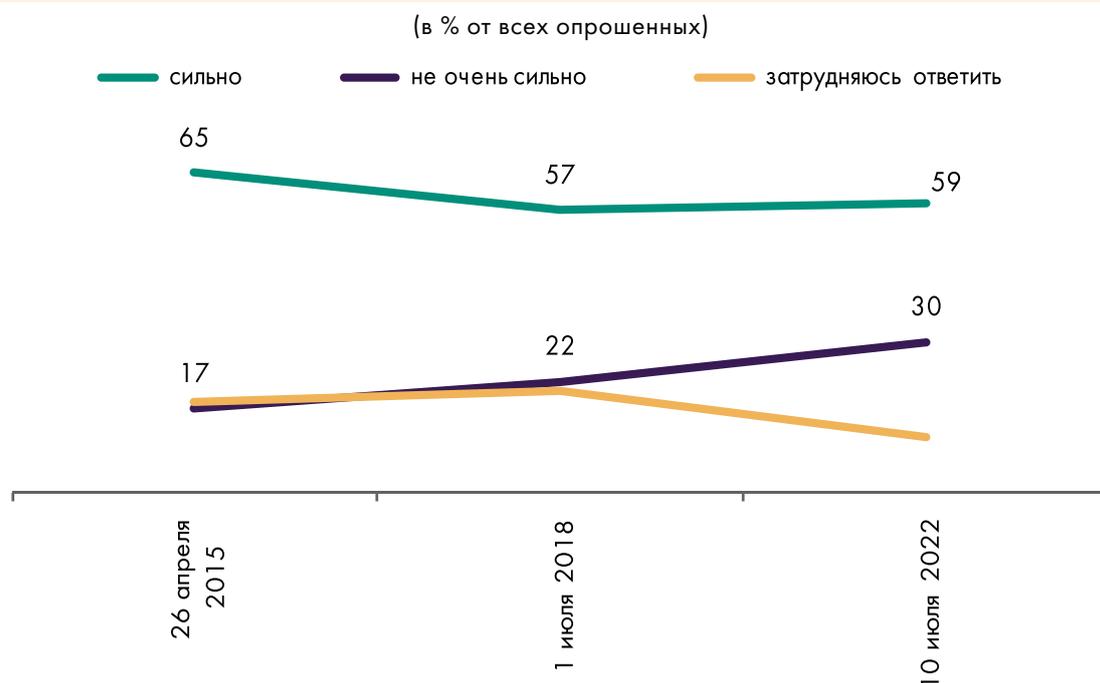

Когда речь заходит уже не о посещении Китая либо европейских стран, а об интересе респондентов к их культурам, распределение ответов заметно смещается в пользу Европы: 21 % опрошенных говорят, что им интереснее китайская культура, 40 % — что культура европейских стран (еще 10 % опрошенных сообщают, что им в равной мере интересны и та, и другая культуры, а 21 % — что им неинтересны ни та, ни другая). Причем и здесь отчетливо сказываются различия между ТВ-ориентированными, которые декларируют повышенный интерес к китайской культуре лишь немногим реже, чем к европейской (25 % и 33 % соответственно), и интернет-ориентированными, которые гораздо определеннее отдают предпочтение последней (17 % и 49 %).

Мнения россиян о российско-китайских отношениях тесно связаны с их оценками социокультурной дистанции между китайцами и русскими

Большинство россиян признают, что «культура, образ жизни, ценности китайцев и русских различаются сильно», однако показательно, что в последние годы ощутимо растет доля несогласных с этим: уже 30% опрошенных заявляют, что эти различия не очень сильны (рис. 9).

Рисунок 9. Как Вам кажется, культура, образ жизни, ценности китайцев и русских различаются сильно или не очень сильно?

Эта тенденция имеет принципиальное значение в контексте восприятия нашими согражданами российско-китайских отношений. Ведь, как известно, когда та или иная социальная или этническая группа видится людям радикально «чужой», непохожей, это стимулирует настороженность, опасения, страхи. И хотя подавляющее большинство россиян, включая и признающих социокультурную дистанцию между собой и жителями Поднебесной значительной, воспринимают Китай как дружественное государство, этот социально-психологический фактор продолжает оказывать существенное влияние на их отношение к восточному соседу. Обнаруживаются весьма сильные корреляции между представлениями о глубине различий между китайцами и россиянами, с одной стороны, и суждениями о взаимоотношениях России и Китая — с другой (табл. 1). Как видим, полагающие, что различия эти невелики, оценивают российско-китайские отношения намного оптимистичнее, чем их оппоненты, чаще выражают уверенность в превосходстве России (что, заметим, способствует более благодушной оценке отношений с соседом) и проявляют больший интерес к китайской культуре.

Таблица 1. Представления о социокультурной дистанции как фактор восприятия Китая и оценки российско-китайских отношений

(данные в% от групп)

Культура, образ жизни, ценности китайцев и русских различаются

	Сильно (59%)	Не очень сильно (30%)
<i>Как Вы считаете, Китай — это скорее дружественное или скорее недружественное по отношению к России государство?</i>		
Дружественное	67	80
Недружественное	18	7
<i>Если сравнивать Россию и Китай, то, на Ваш взгляд, какая из двух стран развивается сегодня более успешно — Россия или Китай?</i>		
Россия	17	30
Китай	76	60
<i>По Вашему мнению, какая страна сегодня имеет большее влияние в мире — Россия или Китай?</i>		
Россия	58	69
Китай	30	19
<i>Как Вы считаете, усиление Китая скорее угрожает или скорее не угрожает интересам России?</i>		
Угрожает	24	12
Не угрожает	63	78
<i>Если сравнивать, Вам больше интересна китайская культура или культура европейских стран?</i>		
Китайская	18	30
Европейских стран	45	34
<i>А если бы у Вас был выбор: поехать в Китай или в одну из европейских стран, где Вы не были, куда Вы поехали бы в первую очередь — скорее в Китай или скорее в одну из европейских стран?</i>		
В Китай	36	42
В одну из европейских стран	47	39

Распределение мнений по вопросу о величине социокультурной дистанции между китайцами и россиянами слабо варьируется в зависимости от наличия либо отсутствия у респондентов личного опыта общения с китайцами: среди тех, кому общаться с ними доводилось (а таковых в стране — треть, 33%), о сильных различиях говорят 62%, среди тех, кому не доводилось, — 57%, тогда как мнение, согласно которому различия не очень сильны, разделяют по 31% опрошенных в обеих группах. Так что эмпирический опыт «тестирования» межкультурных различий практически не влияет на суждения россиян.

А вот предпочтительные источники информации сказываются на распределении мнений по этому вопросу довольно ощутимо: 50 % ТВ-ориентированных считают различия между китайцами и россиянами сильными и 36 % — не очень сильными, среди интернет-ориентированных — 68 % и 25 % соответственно. Представляется очевидным, что это во многом обусловлено тем, как в СМИ освещаются сюжеты, связанные с Китаем. Возможно, дело даже не в том, что и как рассказывается о самом Китае и его обитателях. С одной стороны, акцент на лояльной позиции восточного соседа по отношению к России в контексте спецоперации и санкций со стороны Запада уже и сам по себе может наталкивать на мысль о том, что различия — в том числе и социокультурные, — между двумя странами не так уж глубоки. То есть представление о российско-китайском альянсе в известной мере первично по отношению к представлениям об этнокультурных сходствах и различиях. С другой же стороны, все, как известно, познается в сравнении: если пропасть между Россией и странами Запада — в том числе и в культуре, образе жизни, сфере ценностей, — столь глубока, как об этом неустанно сообщают центральные телеканалы, то на этом фоне различия между россиянами и китайцами представляются не слишком существенными. Иначе говоря, снова сказывается эффект сообщающихся сосудов.

Впрочем, не забудем, что пока, несмотря на отмеченную тенденцию, россияне вдвое чаще признают социокультурные различия сильными, нежели «не очень сильными».

Россияне довольно твердо рассчитывают на помощь Китая в преодолении последствий санкций

Почти две трети опрошенных, 63 %, полагают, что Китай будет помогать России справиться с последствиями западных санкций, противоположное мнение разделяют 19 % респондентов. Присмотримся к распределению мнений по этому вопросу подробнее. Оно, оговоримся сразу, практически не зависит от таких базовых социально-демографических характеристик, как пол, возраст, образование и тип места жительства респондентов (лишь москвичи в данном вопросе заметно расходятся с прочими россиянами: в столице только 52 % опрошенных считают, что Китай поможет преодолеть последствия санкций, а 27 % — что он помогать не будет). При этом и различия между ТВ-ориентированными и интернет-ориентированными не очень велики: среди первых 65 % ожидают, что Китай окажет России помощь, среди вторых — 61 % (против 17 % и 22 % соответственно).

Вместе с тем полагающие, что Россия на мировой арене влиятельнее Китая, демонстрируют уверенность в китайской помощи вчетверо чаще, чем занимают противоположную позицию (69 % и 17 %), тогда как считающие более влиятельным Китай делают такой прогноз гораздо менее уверенно (53 % против 30 %). Иначе говоря, в ампула «младшего партнера» Китай представляется россиянам более надежным союзником, чем в роли «старшего партнера».

Серьезно влияют на ожидания граждан и их представления о социокультурной дистанции между китайцами и русскими: те, кто считает различия между народами «не очень

сильными», демонстрируют почти безоговорочную уверенность в поддержке Китая (77% против 11%), тогда как признающие эти различия сильными склонны полагаться на такую поддержку значительно меньше (58% против 25%). И это понятно: надежды на «братскую» помощь и должны, по логике вещей, быть более распространены среди тех, кто склонен считать народы двух стран близкими по своему «культурному коду».

Однако расчет на китайскую помощь в преодолении санкций отнюдь не всегда связан с надеждами на альтруизм соседней страны. Разумеется, видящие в Китае дружественное государство в подавляющем большинстве верят, что он в сложившейся ситуации «подставит плечо» России (73% против 13%), но и среди называющих Китай государством недружественным довольно многие, 37% (против 48%), ожидают того же. Вероятно, за этим стоит трезвое понимание того факта, что, поддерживая экономические связи с Россией и тем самым помогая ей избежать экономической и технологической изоляции (а именно это прежде всего имеется в виду, когда речь идет о последствиях западных санкций), Китай действует в соответствии со своими собственными интересами.

**АНДРЕЕНКОВА
АННА ВЛАДИМИРОВНА**

доктор социологических наук, зам. директора, ЦЕССИ
(Институт сравнительных социальных исследований)

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — ОТ НОСТАЛЬГИИ К ЦЕННОСТЯМ

У России и четырнадцать стран бывшего СССР долгая и непростая история жизни рядом. На протяжении столетий эти народы торговали, воевали, соперничали и помогали, отстаивали свои традиции и образ жизни, влияли на языки и культуры друг друга, некоторое время жили в одном государстве, а теперь каждый ищет свой путь. Казалось бы, за это время можно было хорошо узнать соседей — по крайней мере, сформировать объемное отношение к самой большой державе. Произошло ли это на самом деле? Как представляют Россию на постсоветском пространстве и каковы внешние и внутренние факторы, формирующие мнение о ней? Найти ответы на эти вопросы значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. Мотивы и основания для формирования образа страны находятся в постоянной динамике, и понимание этих процессов требует историко-социологического подхода.

Наследник СССР — ностальгия по советскому прошлому как определяющий фактор отношения к России

Опросы общественного мнения и социологические исследования настолько вошли в нашу информационную и политическую жизнь, что кажется, будто они были всегда. Однако до широкого распространения массовых опросов в начале 1990-х годов представление об отношении к России и ее образе в глазах других народов можно было получить лишь на основе литературных источников, частных впечатлений и воспоминаний, а также из мифов и стереотипов, закрепившихся в общественном сознании. Первые опросы населения, посвященные вопросам внешней и внутренней политики, показывают, что, несмотря на неоднозначное отношение к Советскому Союзу, нерешенные конфликты и противоречия, народы большинства постсоветских стран вышли из СССР с глубоко позитивным мнением о России: более 80% опрошенных относились к России очень или довольно хорошо. Исключение составляли страны Балтии, где отношение к России уже

в первые годы после разделения республик было неоднозначным, а доля негативно настроенных — велика. В других странах на позитивное отношение к России не влияли ни разница во взглядах на цели и будущее развитие новых государств, ни степень поддержки идеи национального государственного строительства. Однако определяющим здесь было не столько представление о России как таковой, сколько мнение о Советском Союзе — чувство общности исторической судьбы, пережитых событий, культурные и образовательные связи. Сложилась парадоксальная ситуация, когда, несмотря на обширные социальные связи, личный опыт, историческую память и культурные подкрепления, Россия представлялась соседям лишь сквозь дымку советского наследия. Когда дымка рассеялась, от этих знаний и представлений осталось не так уж много.

Усложнение оценок и отношений — Россия, русские, внешняя политика

На протяжении первого десятилетия независимого развития постсоветских стран позитивное отношение к России сохранилось, хотя дифференциация между странами никуда не делась. Оценка роли СССР в истории этих стран и отношение к СССР теряли свою однозначность. В ряде стран, таких как Беларусь, Армения, Казахстан, чувство сожаления о распаде СССР у большинства населения к концу 1990-х годов сохранилось (табл. 1). В некоторых же, в частности в Украине и Азербайджане, мнение общества разделилось: сожалеющих о распаде СССР было несколько больше, чем приветствующих это событие, но различия в размере двух этих групп стало невелико. В Грузии и Узбекистане доля тех, кто считал распад СССР хорошим событием для их страны, превосходила долю сожалеющих о нем.

Отношение к России обрело более сложную структуру, включающую разные элементы, находящиеся в нелинейной взаимосвязи и формирующиеся под влиянием разных факторов. Оценки России как государства и русских как национальной группы стали совпадать меньше, чем раньше. Также увеличились различия в комплексных эмоционально-рациональных оценках и взглядах на конкретные внешнеполитические действия и политику России. Отношение к русским как национальной группе оставалось глубоко позитивным — русские «очень» или «довольно» нравились подавляющему большинству респондентов, принявших участие в опросе Мониторинг постсоветских стран ЦЕССИ в 1999 г. (от 70 % до 90 %) (табл. 1). Однако значимость России в глазах жителей этих стран перестала быть безусловной. Если в Беларуси, Украине и Армении более 80 % респондентов считали двусторонние отношения с Россией очень важными для их страны, то в Казахстане и Азербайджане такого мнения придерживались 70 % опрошенных, в Грузии — 57 %, а в Узбекистане — лишь 43 %. Отношение к России для значительной доли людей стало определяться не столько прошлым, сколько представлениями о будущем — новой государственной идентичностью и взглядами на национальное государство.

При формировании внешнеполитических ориентаций ценностные и мировоззренческие факторы становились важнее, чем действия или политика самого объекта этих ориентаций.

Таблица 1. Отношение к России, СССР и своей стране

	Беларусь	Украина	Армения	Грузия	Казах- стан	Азер- байджан	Узбеки- стан
Отношение к русским (доля ответов «очень» или «довольно нравятся», %)	91	85	89	72	83	72	78
Отношения с Россией не важны для нашей страны (доля несоглас- ных с данным утвержде- нием, %)	83	80	95	57	70	74	43
Оценка распада СССР для своей страны (разница между долей ответов «хорошее собы- тие» и долей ответов «плохое событие», п. п.)	+42	+18	+42	-3	+27	+12	-33
При СССР русские больше брали, чем давали взамен (доля согласных с данным утверждением, %)	20	27	21	50	34	58	41

Источник: Мониторинг постсоветских стран ЦЕССИ, 1999. В каждой стране опрос был проведен по национальной выборке населения 18 лет и старше методом личных интервью по месту жительства, опрошено 1000–1100 респондентов.

Формирование отношения к России и образа России — подходы к теоретико-методологическому осмыслению

Для анализа динамики и текущего состояния образа России простая модель с дихотомическим делением общества на сторонников и противников России не позволяет учесть многомерность и разнонаправленность происходящих процессов. В многоуровневой модели, представленной на рис. 1, в понятие «отношение к стране» включена кумулятивная оценка отношения к стране (позитивное — негативное), содержащая эмоциональный, оценочный компоненты и когнитивные аспекты. К когнитивным аспектам относятся место страны в ментальной карте общества, знания о стране, интерес к ней; характеристики имиджа страны (цели и ориентация страны, характер политики); оценка сложившихся двусторонних отношений, стиля этих отношений (уважительный, равноправный — вмешательство, давление), атрибуция представлений и отношения к своей нации («они нас любят», «они нас не любят»).

Рисунок 1. Факторы и элементы отношения к стране и образа страны в массовом сознании

ФАКТОРЫ МАКРОУРОВНЯ

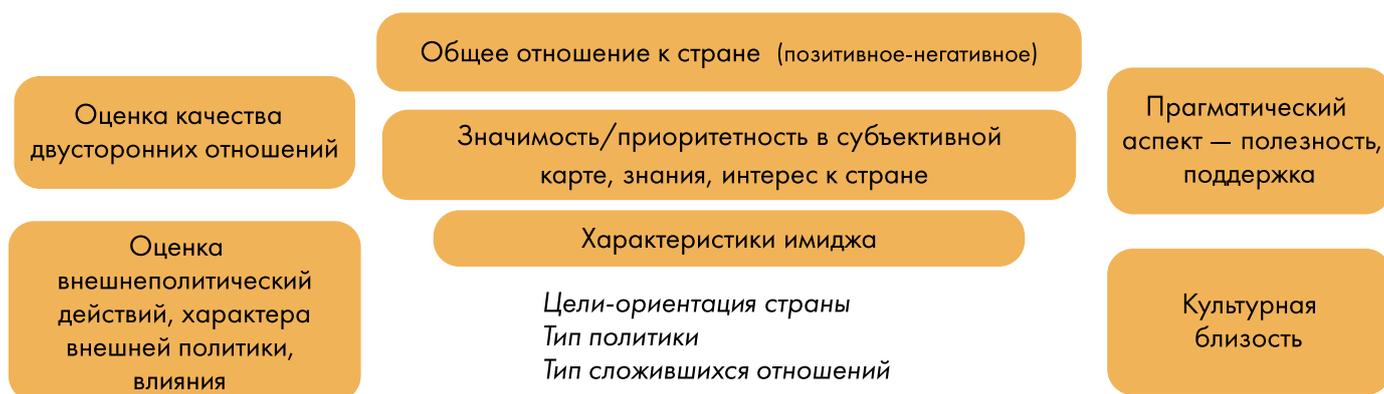
Действия страны на международной арене, характер внешней политики

Экономические связи и интересы

Политическая близость — цели, направление развития

Исторический опыт, национальные стереотипы

ОТНОШЕНИЕ К СТРАНЕ И ОБРАЗ СТРАНЫ

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Личный опыт, межличностные связи

Образование, культурное потребление

Прогрессистские-консервативные

Либертарные-авторитарные

ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ — индивидуальные и групповые

Националистические/этноцентрические — этно-нейтральные/глобалистические

Факторы, влияющие на формирование отношения к стране, можно представить как систему, состоящую из переменных макроуровня (внешнеполитические действия и политика страны, экономические связи и интересы двух стран, политическая близость, а также исторический опыт взаимодействия и национальные стереотипы) и микроуровня — индивидуально-поведенческие (личный опыт проживания, поездок в страну, межличностные связи — родственные, дружеские, профессиональные) и ценностные. Личные и групповые ценностные ориентации выступают фильтром, через который отбирается, воспринимается и оценивается поступающая информация. В результате та информация, что соответствует ценностным ориентациям, усваивается и закрепляется, а противоречащая им — игнорируется, отбрасывается, забывается. В общественном сознании складывается образ страны, включающий разные элементы и аспекты (страна политическая, страна туристическая, экономическая, культурная, страна-сосед), которые далеко не всегда совпадают, образуя уникальную конфигурацию смыслов, отношений и представлений.

Отношение к России в первые два десятилетия XXI века — внешняя политика, ценностные ориентации и приоритеты

В последние два десятилетия в отношении к России жителей постсоветских стран можно выделить несколько тенденций.

Тенденция 1. Разнонаправленное изменение отношения к России в разных странах, усиление различий.

Тенденция 2. Формирование образа новой России вне прямой связи с образом СССР и отношением к нему.

Тенденция 3. Диверсификация образа России и отношения к России внутри разных стран, множественность и разноплановость оснований для формирования мнения о России у разных групп.

В годы перед кризисом с Украиной страны постсоветского региона разделились на три группы по вопросу об отношении к России, содержанию и мотивации этого отношения.

Группа 1. Позитивное, эмоционально окрашенное отношение к России. Образ страны строится вокруг общего культурно-исторического прошлого и/или личного опыта и межличностных связей. Приоритет мотивации первого типа проявляется в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане, приоритет второго — в Армении и Беларуси. Образ России остается довольно размытым и опирается на внешние географические и экономические признаки (большая страна, большой потенциал, ресурсы, потенциально сильная экономика, рынок сбыта, рынок труда).

Группа 2. Позитивно-нейтральное отношение к России, дистанцирование и снижение значимости двусторонних отношений. В некоторых странах этой группы отношение к России выстраивается в процессе символического противостояния и переориентации на другого культурно-исторического и политического партнера (Турция для Азербайджана, Румыния и ЕС для Молдовы). В других странах такое отношение формируется на фоне общего ослабления межстрановых связей, сокращения объемов информации и внутренней политики закрытости (Узбекистан, Туркменистан).

Группа 3. Преимущественно негативное отношение к России. Эта группа наиболее разнородна по мотивации и путям формирования отношения общества к России и включает такие страны, как Латвия, Литва, Эстония, Грузия и Украина после 2014 года. Объединяет их восприятие России как реальной или потенциальной угрозы. Значимые факторы формирования мнения — ценностные ориентации, расположенные в плоскости либертарных-авторитарных ценностей, значимость гражданских и демократических свобод в иерархии ценностей и националистические взгляды и ценности.

В ряде стран постсоветского региона наблюдается внутренняя диверсификация мнений о России, базирующаяся на внешних и внутренних факторах (особенно проявляется в Молдове, Азербайджане и Украине до 2014 года). К внешним относятся факторы,

связанные с политикой России в отношении родной страны и значимых других стран, внутренние процессы в России и их отражение в международных СМИ. Среди внутренних факторов — ценностное расслоение внутри постсоветских обществ в отношении терминальных общеполитических приоритетов в выборе направления развития страны и инструментальных ценностей достижения этих целей.

Отношение к России в значительной степени стало связываться с ее ролью на международной арене, внешнеполитическими действиями. В странах Средней Азии подавляющее большинство склонялось к тому, что Россия играет положительную роль в мире. Также такого мнения придерживались чуть более половины жителей Молдовы и лишь небольшая доля опрошенных в Украине, Эстонии, Латвии и Литве (табл. 2).

Таблица 2. Оценка роли России в мире

(% от всей выборки)

	Позитивная	Негативная	Затруднились ответить/другое
Молдова	53	33	14
Украина	19	69	12
Эстония	15	54	31
Латвия	20	50	30
Литва	12	55	33
Кыргызстан	88	5	7
Таджикистан	91	4	5
Казахстан	90	4	6

Источник: «Постсоветские тренды» ЦЕССИ, опрос в Украине — 2014 год, опросы в других странах — 2015. Национальные выборки населения 18 лет и старше в каждой стране личные интервью по месту жительства, опрошено 600 респондентов в каждой из стран Балтии и 1500 респондентов в других странах (данные по Украине не включают Крым и Севастополь).

Важной разделительной линией остается отношение к СССР, но сегодня оно служит не столько индикатором эмоциональных сожалений об историческом прошлом или интеграционных настроений, сколько показателем поддержки идеи сильного социального государства и сильной власти, способной избавиться от унижительных экономических проблем, ежедневной борьбы за выживание, безработицы и бедности. Группы, положительно относящиеся к России, видят приоритет национальной политики и ядро национальных проблем в экономической плоскости. Группы, оценивающие Россию отрицательно, считают приоритетом решение политических проблем, построение новой эффективной политической системы, укрепление демократии, борьбу с коррупцией. Позитивно оценивающие Россию склонны поддерживать идею «сильной руки», приоритета государства в экономике и социальной политике. Негативно настроенные

к России в значительно большей степени ценят гражданские и политические свободы (свобода слова, критики правительства, общественного протеста). Другая ценностная особенность группы, придерживающейся негативного мнения о России, — высокая значимость национальной идентичности, национальной гордости, вплоть до поддержки идей превосходства своей нации над всеми другими, низкой толерантности к национальным меньшинствам. Таким образом, ценностные основания формирования отношения к России располагаются в двух плоскостях: «либертарность — авторитаризм» и «национализм/этноцентризм — этнонейтральность/глобализм».

Отношения с Украиной и присоединение Крыма (2014), а затем и военные действия в 2022 году оказали большое влияние на отношение к России и ее образ в глазах соседей. Пока не ясно, насколько долговременным оно окажется. Отношение к стране складывается из многих компонентов, и оценка конкретных политических действий имеет нередко сильный, но не долговременный эффект. Хотя воздействие столь острого конфликта, как отношения России и Украины 2022 года, может иметь совершенно особые последствия. Эти размышления связаны с более общим вопросом о том, насколько зависит отношение к стране от ее действий, насколько рациональны и обоснованы внешнеполитические ориентации людей, в какой степени работает компенсаторный механизм, учитывающий непопулярные внешнеполитические шаги и ранее сформированный позитивный образ. Для ответа на эти вопросы пока остро не хватает данных систематических сравнительных опросов среди других стран-соседей и значимых партнеров. Недооценка значимости общества как участника международных отношений может привести к негативным и даже трагическим последствиям.

**МАЦКЕВИЧ
МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА**

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Социологического института РАН —
филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: КАК ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ ОБРАЗ СТРАН-УЧАСТНИЦ

В России всплеск академического и общественного интереса к проблематике памяти возник в 2000-е годы, на два десятилетия позже, чем в Западной Европе. Дополнительным стимулом роста интереса стал юбилей Победы в 2005 г. и возникшая в связи с ним научная и публичная дискуссия. Для советской политики памяти Победа в Великой Отечественной войне — ключевое историческое событие начиная с середины 1960-х годов. Для современной России Победа — своего рода «миф происхождения». Все опросы и иные исследования показывают, что для россиян Победа в Великой Отечественной войне — один из наиболее значимых символов¹, вне зависимости от того, задавался ли вопрос в закрытой² или открытой форме³. Среди важнейших исторических событий Великая Отечественная война неизменно занимает первое место и «заслоняет» Вторую мировую войну в историческом нарративе и исторической памяти России и некоторых постсоветских стран.

Вторая мировая война остается важным событием в коллективной памяти всех стран, в которых проводились соответствующие исследования. Однако значимость этого события различается для постсоветского пространства и государств Западной и Восточной Европы. В большинстве стран память о Второй мировой войне дифференцируется в за-

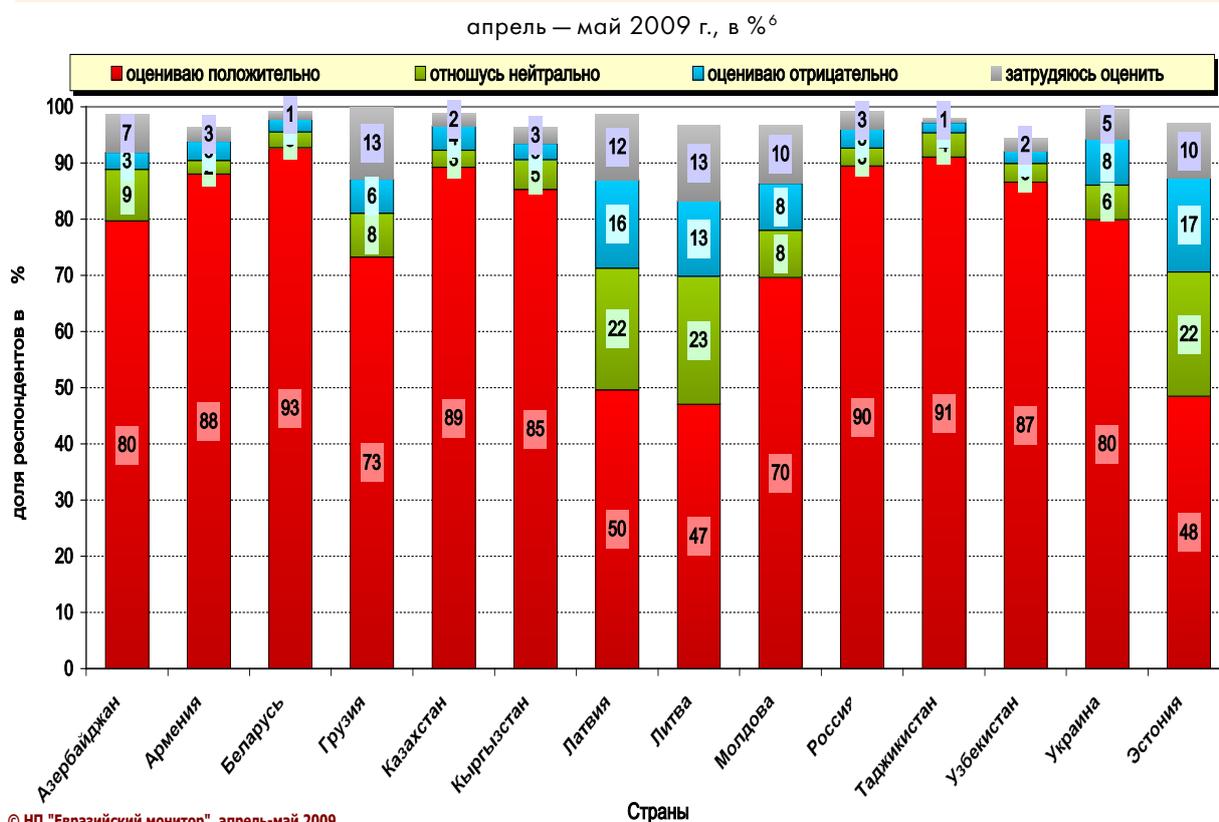
¹ Горшков М., Давыдова Н. Историческое самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 1. С. 18; Великая Отечественная война // Левада-центр. 29.04.2015. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/29/velikaya-otechestvennaya-vojna> (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»); Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке // ВЦИОМ. 23.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashey-strany-v-xx-veke>.

² Великая Отечественная война // Левада-Центр. 29.04.2015. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/29/velikaya-otechestvennaya-vojna> (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

³ Главные события двадцатого века // ВЦИОМ. 28.10.2008. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-sobytiya-dvadcatogo-veka>.

висимости от нескольких социально-демографических факторов, среди которых наиболее значим поколенческий⁴. Однако в России в отношении к Великой Отечественной войне сколько-нибудь значимая дифференциация отсутствует. Ни поколенческая принадлежность, ни уровень образования, ни регион, ни тип поселения, ни прочие социально-демографические факторы практически не оказывают влияния на отношение к данному событию⁵. Среди стран бывшего СССР только в Беларуси можно отметить сходную ситуацию. С другой стороны, в странах Балтии сумма нейтральных и отрицательных оценок победы Советского Союза в Великой Отечественной войне в 2009 году составляла 35—40%, что радикально отличало их от остальных республик (рис. 1).

Рисунок 1. Отношение населения стран бывшего СССР к победе СССР в Великой Отечественной войне

Большинство исследователей исторической памяти согласны в том, что события и ценности сегодняшнего дня определяют видение прошлого в гораздо большей степени, чем факты и работы профессиональных историков. Это можно проследить и по тому,

⁴ См., например: Schuman H., Scott J. (1989) Generations and Collective Memories. *American Sociological Review*. Vol. 54. P. 359—381; Schuman H., Corning A. (2012) Generational Memory and the Critical Period. Evidence for National and World Events. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 76. No. 1. P. 1—31; Griffin L.J. (2004) Generations and Collective Memory Revisited: Race, Region, and Memory of Civil Rights. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 4. P. 544—557.

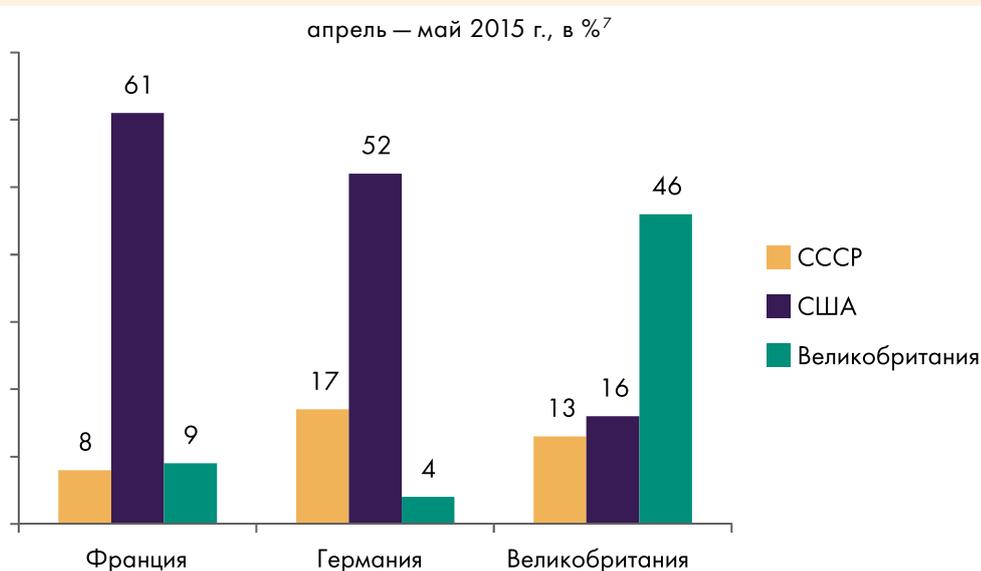
⁵ Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Аналитический отчет // Евразийский монитор. 2009. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-18-28>; Исторические события: узнаваемость и оценки // ЦИРКОН. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact>.

⁶ Источник: Евразийский монитор, 2009. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia>.

как менялись представления о роли стран — участниц Второй мировой войны и оценки связанных с войной событий.

Согласно опросу, проведенному компанией ICM Research в 2015 г. во Франции, Германии и Великобритании (рис. 2), на вопрос о том, какая страна сыграла наибольшую роль в победе над Германией в 1945 г., более половины опрошенных во Франции и Германии назвали Соединенные Штаты, а в Великобритании выше всего поставили вклад своей страны. Роль СССР назвали решающей лишь от 8 % во Франции до 17 % в Германии.

**Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос:
«По Вашему мнению, какая страна в наибольшей степени
способствовала победе над Германией в 1945 г.?»**

Близкие результаты были получены в опросе YouGov, в котором принимали участие жители семи государств. Граждане США и Великобритания выше всего оценивали роль своей страны. При этом ни в одной европейской стране роль СССР не оценивалась как наиболее значительная (рис. 3).

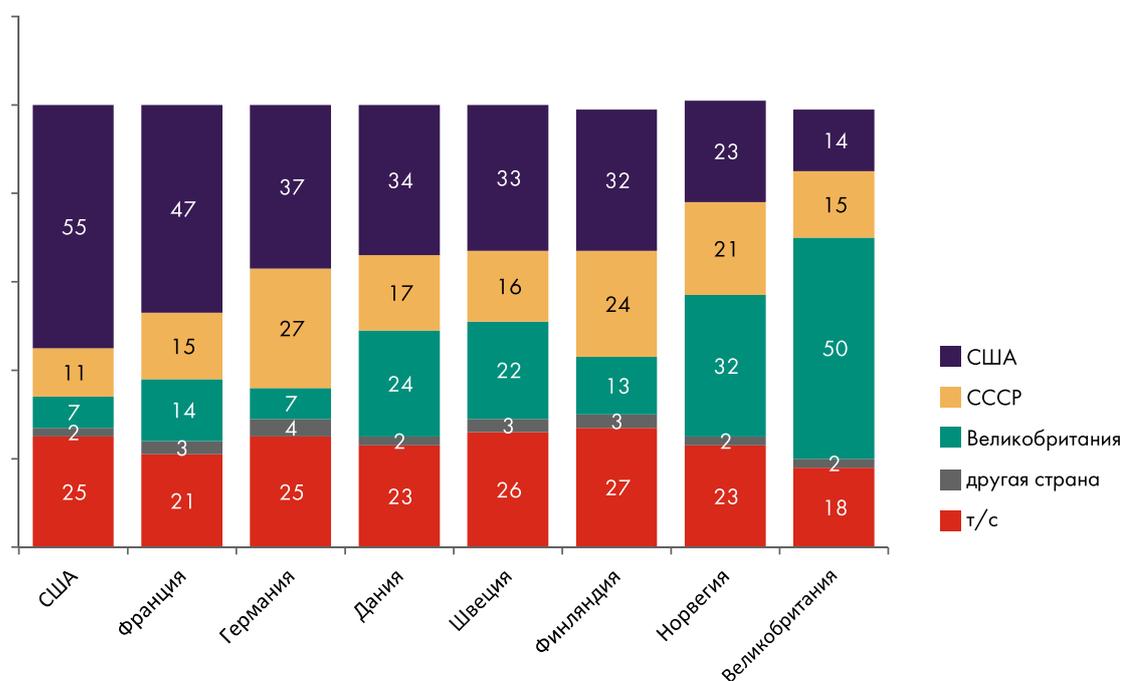
В представлениях о вкладе каждой страны, конечно, отражается исторический опыт Западной Европы, которую освобождали в основном Союзные войска. Национальная политика памяти концентрируется преимущественно на событиях, происходивших в собственной стране, а событиям за ее пределами уделяется сравнительно меньше внимания⁸. Свою роль сыграла и холодная война, когда вклад Советского Союза и советских солдат хотя и не замалчивался полностью, но уходил на второй план в сравнении

⁷ Источник: ICM Research. URL: <https://newcoldwar.org/europeans-underestimate-soviet-armys-role-in-wwii-victory-over-nazism>.

⁸ Вклад собственной страны в победу над Германией, как правило, оценивается много выше, чем вклад других стран. См. об этом: Roediger H.L. et al. (2019) Competing National Memories of World War II. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 116. No. 34. P. 16678—16686.

с вкладом США и Великобритании. Это можно видеть и в школьных учебниках истории многих стран, и в СМИ, и в художественных и документальных фильмах.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, какая страна в наибольшей степени способствовала победе над Германией во Второй мировой войне?» Апрель 2015 г., в %⁹

Данные Французского института общественного мнения (IFOP) позволяют более детально рассмотреть динамику массовых представлений и служат дополнительным аргументом в пользу предложенной интерпретации (рис. 4). В мае 1945 года ведущая роль СССР отмечалась большей частью французских респондентов. Однако к 1994 году доля придерживающихся этой позиции снизилась более чем вдвое — до 25%. При этом выросло число тех, кто считает решающим вклад США (до 49%). В последующие годы доля первых уменьшалась до 20—23%, доля вторых росла до 54—58%. Можно предположить, что данные 1994 года показывают, как противостояние в холодной войне отразилось на восприятии прошлого, в результате чего место «главного победителя» во Второй мировой войне заняли Соединенные Штаты.

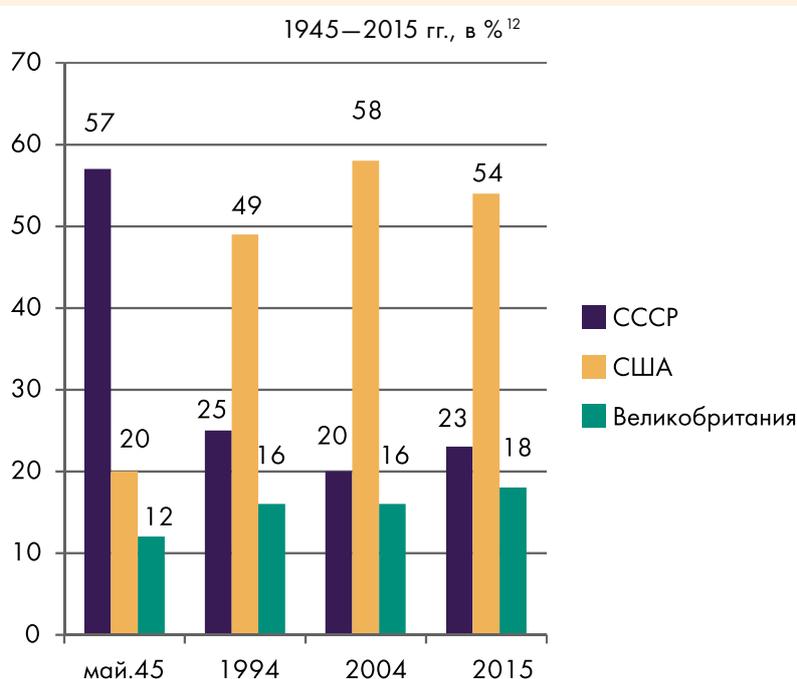
Данные еще одного исследования, которое проводилось качественными методами, демонстрируют, что на сегодняшний день у молодых людей в самых разных странах мира (Канада и Австралия, Италия и Германия, Франция и Великобритания, Китай и Япония, США и Новая Зеландия) сложилась западно/американоцентричная картина войны. Молодым людям (прежде всего, студентам университетов)¹⁰ задавался открытый

⁹ Источник: YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/05/01/Britain-America-disagree-who-did-more-beat-nazis>.

¹⁰ Существенным ограничением исследования является то, что во многих странах опрос проводился на английском языке, за исключением стран Оси.

вопрос о главных событиях войны. Авторы исследования подчеркнули, что картина Второй мировой войны (Великой Отечественной для россиян) разительно отличает респондентов из России от всех остальных. Молодые россияне, в целом продемонстрировавшие неплохие в сравнении с другими респондентами базовые исторические знания Второй мировой войны, главными событиями называли Сталинградскую битву, Курскую дугу, блокаду Ленинграда, но не говорили о Холокосте. Молодые люди других стран не вспоминали ни одного из этих сражений на Восточном фронте, для них главными были Перл-Харбор, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, Холокост. Единственным общим событием — символом Второй мировой оказалось открытие Второго фронта¹¹.

**Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос:
«Какая страна, по Вашему мнению, сыграла наибольшую роль
в победе над Германией в 1945 г.»?**

Разумеется, общая картина Второй мировой войны в странах за пределами Европы гораздо сложнее: особый взгляд у Японии, Китая, Южной и Северной Кореи, Турции, Индии, Ирана, арабских стран и стран Африки и Южной Америки¹³. Представление о целях и задачах стран-участниц, общих итогах, роли своей страны/континента и даже о датах начала и окончания войны могут разительно отличаться от европейских и североамериканских.

¹¹ Abel M., Umanath S., Fairfield B., Takahashi M., Roediger H. L., Wertsch J. V. (2019) Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. Vol. 8. No. 2. P. 178—188.

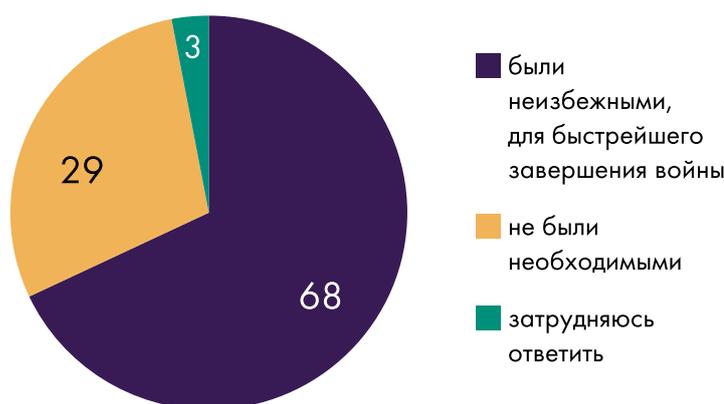
¹² Источник: IFOP. URL: <https://www.ifop.com/publication/la-nation-qui-a-le-plus-contribue-a-la-defaite-de-lallemagne/>.

¹³ См. об этом: Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А. И. Миллера, А. В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.

Вплоть до недавнего времени сохраняется существенное различие в оценке атомных бомбардировок японских городов. Американцы в 2005 г. в целом оценивали их негативно¹⁴, но продолжали считать, что они способствовали быстрейшему окончанию войны (рис. 5), а 80 % полагали, что эти бомбардировки спасли жизни американцев, приблизив окончание войны¹⁵.

**Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос:
«Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки
в 1945 г. Как Вы считаете, бомбардировки...»**

США, N = 1000, 2005 г., в %¹⁶

Очевидно, что взгляды на эти бомбардировки в США и Японии не совпадают. Подтверждение этому — данные опроса Pew Research Center в США и Японии. В 2015 году оправданными атомные бомбардировки японских городов считали 56% жителей США и только 14% — Японии. Неоправданными — 34% и 79% соответственно¹⁷. Хотя в настоящее время жители двух стран считают Японию и США дружественными государствами, но последствия прошлого противостояния продолжают сказываться. Косвенным свидетельством этого могут служить ответы на вопросы о личных характеристиках: американцы приписывают японцам разнообразные положительные качества значительно чаще, чем японцы — американцам.

Может ли в будущем измениться видение роли каждой страны-участницы? Ответ на этот вопрос можно предложить, исходя из данных опросов населения США, Японии и Германии. Эти страны были противниками во Второй мировой войне, в глазах друг друга выглядели недружественными державами, а в отношении их граждан друг к другу отрицательные оценки абсолютно доминировали. Однако к 2015 году, по данным Pew Research Center, более двух третей жителей США считали, что Японии можно доверять, причем данная позиция доминировала во всех социальных группах¹⁸.

¹⁴ Associated Press World War II/ Japan Study Conducted by Ipsos Public Affairs Release. Date: July 12, 2005. Project #81-4621-13. URL: <https://bit.ly/3PM2MaN>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Источник: там же.

¹⁷ Americans, Japanese: Mutual Respect 70 Years After the End of WWII. Pew Research Center. 07.04.2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii>.

¹⁸ Там же.

Во взаимоотношениях США с Германией наблюдается еще большее доверие и взаимно высокие оценки дружественности в обеих странах, хотя в США сохраняется память о Холокосте. Более того, ассоциации Второй мировой войны и Германии с Холокостом заметно сильнее в поколении младше 35 лет (то есть социализировавшихся после холодной войны), чем в старших поколениях. В этом поколении соблюдение прав человека ценится особенно высоко.

Среди исследователей исторической памяти доминирует конструктивистский подход: актуальные события могут существенно трансформировать публичный исторический нарратив, оценки исторических событий и деятелей, в целом отношение к прошлому может меняться в зависимости от того, что происходит в настоящем. Это означает, что недооценка и/или негативная оценка роли СССР в победе (наблюдаемые сегодня во многих странах по данным кросс-национальных исследований¹⁹) может измениться в будущем.

---

¹⁹См., например: данные на рис. 1; Giner-Sorolla R. et al. (2021) Assigning Moral Roles within the Second World War in Europe: National Similarities, Differences, and Implications for Group-Level Moral Representations. *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 24. No. 3. P. 3,7, 11.

**КАРАБЧУК
ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА**

кандидат социологических наук,
профессор, Университет ОАЭ;
ассоциированный сотрудник, ЛЭСИ НИУ ВШЭ

ЭТИ МАНЯЩИЕ «ЧУЖИЕ БЕРЕГА»: КАК ВЫБИРАЮТ СТРАНУ ДЛЯ МИГРАЦИИ?¹

Введение

Ученые объясняют механизм миграции в основном с помощью теории факторов выталкивания и притяжения (pull and push factors), которые определяют желание уехать из страны. Предыдущие исследования показали, что экономические мотивы часто дополняются факторами удовлетворенности жизнью в данной стране как на индивидуальном², так и на национальном уровне³. Однако никто не пытался проследить влияние взаимосвязи национального субъективного благополучия, индекса человеческого развития и гендерного равенства и индивидуального уровня удовлетворенности жизнью на желание уехать из страны.

Данные Всемирного исследования Гэллапа позволяют это сделать с использованием многоуровневого регрессионного анализа, включая такие страновые переменные, как индекс человеческого развития, индекс гендерного неравенства и агрегированное среднее удовлетворенности жизнью. Модели многоуровневого анализа были построены на базе микроданных Всемирного исследования Гэллапа за 2017 год, которая включала в себя 127 государств с пострановой выборкой от 1000 до 3000 человек в зависимости от размера страны⁴.

¹ Статья написана на основе текста, принятого к публикации в журнал «Международная миграция» (IOM) в соавторстве с Карин Джонсон и Мариной-Селини Катсаити: Karabchuk, T., Katsaiti, M.-S. & Johnson, K. A. C. (2022) Life Satisfaction and Desire to Emigrate: What Does the Cross-National Analysis Show? *International Migration*. <https://doi.org/10.1111/imig.13064>.

² Bartolini L., Gropas R., Triandafyllidou A. (2017) Drivers of Highly Skilled Mobility from Southern Europe: Escaping the Crisis and Emancipating Oneself. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 652–673; Shamsuddin M., Katsaiti M.-S. (2019) Migration and Happiness: Evidence from Germany. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 21. No. 8. P. 2931–2955.

³ Chindarkar N. (2014) Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? *Social Indicators Research*. Vol. 115. No. 1. P. 159–182; Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40–49.

⁴ How Does the Gallup World Poll Work? Measures the Attitudes and Behaviors of the World's Residents. *Gallup*. <https://www.gallup.com/178667/gallup-world-poll-work.aspx>.

○ Что говорят существующие исследования?

В целом страны довольно сильно различаются по доле желающих уехать навсегда в другую страну. В некоторых регионах она достигает 60% взрослого населения — например, в странах Латинской Америки или Центральной Африки. Велика эта доля и в некоторых странах постсоветского пространства. Почему возникает желание эмигрировать?

Теория культурной эволюции Р. Инглхарта⁵ разъясняет, что социальные нормы и ценности во многом определяют устойчивое развитие любого общества, в том числе и субъективное благополучие населения страны и желание жить или уехать из этой страны. В свою очередь, такие показатели макроуровня, как индекс человеческого развития и индекс гендерного неравенства, отражают не только социально-экономическое развитие, но и систему ценностей, социальные нормы. Развитие человеческого капитала и установки на гендерное равенство определяют возможности для улучшения жизни в стране и влияют на уровень удовлетворенности жизнью. Поэтому мы поставили перед собой задачу определить, во-первых, влияет ли индивидуальная удовлетворенность жизнью на желание уехать из страны и, во-вторых, есть ли взаимосвязь между уровнем удовлетворенности жизнью в стране в целом, индексом человеческого развития и индексом гендерного неравенства и индивидуальным уровнем удовлетворенностью жизнью, с одной стороны, и желанием эмигрировать — с другой. Таким образом, статья отвечает на вопрос, есть ли модулирующий (стимулирующий) эффект этих трех страновых показателей на взаимосвязь между индивидуальными показателями удовлетворенности жизнью и желанием уехать из страны.

Литература, посвященная взаимосвязи таких переменных, как удовлетворенность жизнью (уровень счастья) и желание переехать в другую страну, свидетельствует о четкой негативной зависимости между уровнем удовлетворенности жизнью и желанием эмигрировать⁶. Однако последние исследования, которые раскрывают проблему эндогенности, показывают параболическую зависимость, когда самый низкий и самый высокий уровни счастья сопряжены с более высокими потоками эмиграции⁷.

Несмотря на достаточно большое внимание к исследуемой проблеме, опубликованные результаты имеют ряд недостатков. Например, подавляющая их часть относится к узким региональным территориям, то есть нет межнациональных исследований на эту тему. Чаще всего изучалась Южная Европа: Испания, Италия, Греция, Португалия, а также Центральная Азия и Латинская Америка. Данные всемирного исследования Гэллапа уже использовались для анализа 154 стран по миграционным предпочтениям⁸, однако

⁵ Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>.

⁶ Cai R., Esipova N., Oppenheimer M., Feng S. (2014) International Migration Desires Related to Subjective Well-Being. *IZA Journal of Migration*. Vol. 3. No. 1. Article 8. <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-8>; Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40–49; Shamsuddin M., Katsaiti M.-S. (2019) Migration and Happiness: Evidence from Germany. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 21. No. 8. P. 2931–2955.

⁷ Ivlevs A. (2015). Happy Moves? Assessing the Link between Life Satisfaction and Emigration Intentions. *Kyklos*. Vol. 68. No. 3. P. 335–356. <https://doi.org/10.1111/kykl.12086>; Grimes A., Wesselbaum D. (2019) Moving Towards Happiness? *International Migration*. Vol. 57. No. 3. P. 20–40.

⁸ Cai R., Esipova N., Oppenheimer M., Feng S. (2014) International Migration Desires Related to Subjective Well-Being. *IZA Journal of Migration*. Vol. 3. No. 1. Article 8. <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-8>.

там не тестировались страновые переменные, анализ ограничился несложными корреляциями переменных индивидуального уровня. Тем не менее была показана сильная связь между удовлетворенностью жизнью и желанием уехать из страны, причем эта связь оказалась сильнее связи доходов и желания эмигрировать⁹.

Преыдушие работы фокусировались на выявлении взаимосвязи между экономическими показателями, неравенством, безработицей и желанием эмигрировать¹⁰. Не так много исследований затрагивают вопросы удовлетворенности жизнью и уровня счастья, с одной стороны, и вопросы миграции — с другой. Так, С. Лово¹¹ указывает на влияние страновых характеристик: более высокий уровень счастья, более низкий уровень безработицы и коррупции в стране-реципиенте привлекают мигрантов. Р. Инглхарт и К. Вельцель¹² пишут о социально-политических индикаторах, таких как индекс гендерного неравенства и индикаторы модернизации, притягивающих образованную молодежь (особенно женщин). Страновые показатели ценностей могут объяснить культурные изменения, которые ранее не изучались в эмпирических исследованиях.

Принимая во внимание все перечисленные недостатки опубликованной литературы, наше исследование добавляет новые научные результаты, основанные на межстрановом анализе (127 стран) микро- и макропоказателей, тестирующем влияние макропоказателей на взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и желанием эмигрировать. Эмпирическая модель построена на теоретических предпосылках о стремлениях и возможностях¹³. Данная теоретическая рамка учитывает макропоказатели миграционной среды и микрохарактеристики индивидов. В исследовании тестируется гипотеза о негативном взаимодействии индивидуального уровня счастья и желания эмигрировать, а также о влиянии общестранового уровня удовлетворенности жизнью на эту взаимосвязь. Мы предполагаем, что в странах с более высоким уровнем человеческого развития, высоким уровнем гендерного равенства и высоким уровнем счастья неудовлетворенные жизнью люди будут скорее желать эмигрировать.

Методология и результаты анализа

Иерархический характер данных (выборка из 117 523 индивидов в 127 странах) позволяет оценить многоуровневые модели, чтобы определить взаимосвязи на индивидуальном и страновом уровнях. В качестве зависимой переменной был использован вопрос

⁹ Там же.

¹⁰ Chindarkar N. (2014). Chindarkar N. (2014) Is Subjective Well-Being of Concern to Potential Migrants from Latin America? *Social Indicators Research*. Vol. 115. No. 1. P. 159—182; Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis) Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40—49.

¹¹ Lovo S. (2014) Potential Migration and Subjective Well-Being in Europe. *IZA Journal of Migration*. Vol. 3. No. 1. Article 24.

¹² Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>; Welzel Ch. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139540919>.

¹³ Carling J. (2014). *The Role of Aspirations in Migration* [Conference Presentation]. Oxford: Determinants of International Migration.

о желании эмигрировать: «В идеальной ситуации, если бы у Вас были возможности, хотели бы Вы переехать в другую страну на постоянное место жительства или бы предпочли остаться жить в данной стране?» В качестве основной тестируемой независимой переменной на индивидуальном уровне использовался вопрос об удовлетворенности жизнью по шкале от 0 до 10: «Пожалуйста, представьте лестницу со ступенями от 0 до 10. Вершина лестницы (10) представляет собой самую лучшую жизнь для вас, тогда как низ лестницы (0) самую худшую жизнь для вас. Как вы чувствуете, на какой из ступеней жизни вы сейчас лично стоите?». На макроуровне мы тестируем индекс человеческого развития, индекс гендерного неравенства и общий средний уровень удовлетворенности жизнью в стране.

На индивидуальном уровне мы контролируем такие социо-демографические детерминанты, как здоровье, возраст, пол, факт рождения в данной стране, количество детей до 15 лет, количество членов семьи, наличие высшего образования, проживание в городской или сельской местности, доход, статус занятости и удовлетворенность свободой принятия решений в жизни. Мы также включаем в модели индивидуальное восприятие экономической и политической ситуации в стране, доверие таким национальным институтам, как законы, полиция, суды и медиа.

В среднем в мире 23,6% взрослого населения заявили, что хотят переехать в другую страну на постоянное место жительства. Менее доходные африканские страны насчитывают гораздо больше таких желающих среди своего населения, в более богатых европейских странах доля желающих эмигрировать намного меньше. Интересно, что среди женщин (26%) процент потенциальных мигрантов выше, чем среди мужчин (21,5%). Среди всех стран самыми привлекательным и популярным выбором для переезда оказались США (19,2%), Германия (7,7%), Канада (6,5%) и Франция (6,2%).

Многоуровневое моделирование позволило подтвердить предыдущие результаты исследований: действительно, чем выше уровень удовлетворенности жизнью, тем чаще индивиды выбирают остаться в стране, в то время как низкий уровень удовлетворенности жизнью сильно коррелирует с желанием уехать. Результаты также подтвердили, что прямого эффекта от страновых тестируемых параметров на желание эмигрировать нет, тогда как они оказывают модулирующий эффект на связь между удовлетворенностью жизнью и желанием уехать из страны.

Интересным оказался результат, что страны с более высоким уровнем счастья притягивают более счастливых людей, тогда как менее благополучные по среднему уровню удовлетворенности жизнью — потенциальные экспортеры более счастливых индивидов. Если посмотреть на географию стран — доноров потенциальных мигрантов, то мы увидим, что страны постсоветского пространства как раз относятся к менее счастливым, в них доля желающих уехать больше среди тех, кто удовлетворен своей жизнью. Другими словами, счастье притягивает счастье. Топ принимающих стран выглядит привлекательным не только с экономической точки зрения, но также занимает высокие позиции по среднему уровню счастья (США, Канада, Германия, Франция).

В странах с низким индексом человеческого развития уровень удовлетворенности жизнью обуславливает желание эмигрировать. В то время как индекс гендерного неравен-

ства оказывает обратное влияние на негативную взаимосвязь между уровнем счастья и желанием уехать в другую страну.

Оценка моделей для разных возрастных групп, а также отдельно для мужчин и женщин показала, что для женщин фактор удовлетворенности жизнью перестает выполнять роль детерминанты желания эмигрировать. Более значимо для них наличие детей в возрасте до 15 лет. Для мужчин же негативная взаимосвязь между счастьем и желанием уехать из страны значима и достаточно ощутима. Аналогичные результаты были получены и для всех возрастных групп, различий по возрасту не обнаружено. Несмотря на возраст, люди с низким уровнем удовлетворенности жизнью скорее будут желать уехать в другую страну.

Важный вывод позволяют сделать модели оценки модулирующего эффекта индекса гендерного неравенства для женщин: в странах с высоким уровнем неравенства женщины чаще хотят эмигрировать, если они не удовлетворены жизнью.

Заключение

Исследование показало, что существует прямая обратная связь между удовлетворенностью жизнью и желанием уехать в другую страну. Включение страновых переменных позволило сделать дополнительные выводы о том, что в странах с более высоким уровнем счастья и с высоким уровнем человеческого развития хотят уехать те, кто больше удовлетворен жизнью. Индекс гендерного неравенства выступает сдерживающим фактором: в странах с высоким уровнем гендерного равенства меньше желания покинуть страну, особенно значим этот результат для женщин.

**КУЗНЕЦОВ
РОМАН СЕРГЕЕВИЧ**

младший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН;
руководитель Исследовательского центра
«Дискурс»; исполнительный директор
Международной ассоциации исследовательских
агентств «Евразийский монитор»

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ В РАЗНЫХ СТРАНАХ СНГ

Выбор образовательного пути обычно обусловлен социально-экономическими, институциональными, и психологическими факторами. Когда же речь идет о получении образования в другой стране, набор таких факторов заметно пополняется, значение приобретают экономический, политический и культурный контексты принимающего государства, наличие или отсутствие у него богатого исторического опыта и профессиональных кадров в сфере образования, особенности миграционной политики и перспектив трудоустройства. Поэтому понимание того, как молодежь разных стран относится к высшему образованию в странах ближнего и дальнего зарубежья, критически важно для повышения привлекательности российского образования, а в конечном счете — для развития интеллектуального потенциала России. Ряд важных выводов об образовательных предпочтениях российской молодежи и молодежи стран СНГ можно сделать по результатам межстрановых сравнительных исследований: «Интеграционный барометр ЕАБР — 2017»¹ (2017 г.), «Отношение населения стран СНГ к получению российской гуманитарной помощи»² (2021 г.), «Общественное мнение населения стран региона

¹ Летом 2017 года Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития и Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор» провели шестую волну измерения настроений населения стран СНГ в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР». Исследование включало общенациональные опросы в семи странах: Армении, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, России, Таджикистане (не менее тысячи человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам).

² В июле — сентябре 2021 года Международная ассоциация исследовательских агентств «Евразийский монитор» провела измерение настроений населения стран постсоветского пространства в рамках проекта «Отношение населения стран СНГ к получению российской гуманитарной помощи». Исследование включало проведение общенациональных опросов в пяти странах: Азербайджане, Армении, Казахстане, Кыргызстане и Молдове (не менее тысячи человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам). Вопросы по образованию задавались в четырех странах: Армении, Казахстане, Кыргызстане и Молдове.

СНГ о российской гуманитарной помощи и вкладе в содействие международному развитию»³ (в 2022 г.).

По результатам опроса «Интеграционный барометр ЕАБР — 2017» Россия была наиболее привлекательной страной для получения высшего образования для населения Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана — от четверти и более респондентов хотели получить образование в РФ сами или отправить туда на учебу своих детей (табл. 1). Для респондентов в Армении, Беларуси и Молдове обучение в России уступало по привлекательности другим странам. Значительная часть респондентов в странах СНГ и в России предпочли бы для обучения США, Великобританию, Германию, Францию. При этом россияне практически не рассматривали для получения образования страны постсоветского пространства. Опрошенные из Таджикистана и Казахстана отметили востребованность обучения в Китае, что обусловлено географической близостью стран. Под влиянием социокультурной близости и активной работы турецких властей жители Казахстана и Кыргызстана чаще других респондентов называли Турцию как страну для обучения.

В 2021 году аналогичный вопрос про привлекательность обучения в различных государствах мира задавался в четырех странах (Молдове, Армении, Казахстане, Кыргызстане), в 2022 году — в трех (Армении, Казахстане, Кыргызстане). Результаты опросов демонстрируют сохранение западного вектора в предпочтениях стран для получения образования. В Кыргызстане и Казахстане практически вдвое увеличилось количество респондентов, желающих пройти обучение в Турции. Это говорит об эффективной гуманитарной политике Турции, которая пытается интегрировать некоторые страны в единое социокультурное пространство. Китай в 2022 году стал более привлекателен для респондентов из Кыргызстана и Казахстана. Показатели привлекательности российского образования в Казахстане незначительно сократились, в Кыргызстане — существенно выросли (табл. 2).

Обзор трех волн межстранового сравнительного исследования показывает сохранение привлекательности российского образования в среднеазиатских республиках. В ноябре 2021 года было проведено 20 экспертных интервью с представителями науки и образования из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Узбекистана. Некоторые эксперты отметили, что качественное российское образование в технической и медицинской сферах являются следствием сохранения высокого уровня обучения, которое было заложено советской системой образования. Востребованность российского образования, по их мнению, рассматривается иностранными студентами с точки зрения их дальнейшего трудоустройства и проживания в России.

³ В августе — сентябре 2022 года Международная ассоциация исследовательских агентств «Евразийский монитор» в партнерстве с ВЦИОМ и Исследовательской группой ЦИРКОН провели измерение настроений населения стран постсоветского пространства в рамках проекта «Общественное мнение населения стран региона СНГ о российской гуманитарной помощи и вкладе в содействие международному развитию». Исследование включало проведение общенациональных опросов в восьми странах СНГ: Азербайджане, Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане и Узбекистане (не менее тысячи человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам). Для сопоставления данных в статье вопрос получения предпочтительного образования анализировался по четырем странам: Армении, Казахстана, Кыргызстана и Молдовы.

Таблица 1. «В какую из перечисленных стран Вы лично хотели бы поехать на учебу, с образовательной целью? / В какую из перечисленных стран Вы хотели бы отправить на учебу своих детей?»⁴ (2017 г., в %)

Куда хотели бы поехать на учебу	Страна проживания респондентов (место проведения опроса)						
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан
Азербайджан	0	0	0	1	0	0	0
Армения	0	0	0	0	0	0	0
Беларусь	0	0	2	0	0	0	2
Грузия	1	0	1	0	0	0	0
Казахстан	0	0	0	2	0	0	4
Кыргызстан	0	0	1	0	0	0	1
Молдова	0	0	0	0	0	0	1
Россия	11	11	24	29	12	0	36
Таджикистан	0	0	0	0	0	0	0
Туркменистан	0	0	0	1	0	0	1
Узбекистан	0	0	1	1	0	0	4
Украина	0	0	1	0	0	0	2
Великобритания	19	17	14	5	13	14	6
Германия	16	10	10	9	13	10	9
Франция	15	5	6	4	7	7	3
Другие страны Европейского союза	0	3	4	1	14	1	1
Индия	0	0	1	0	0	1	5
Китай	0	2	13	5	0	2	11
США	23	13	16	9	9	5	11
Турция	0	0	9	11	1	1	5
Япония	1	2	7	4	1	2	1
Страны арабo-исламского мира (Ближний Восток и Северная Африка)	1	0	2	6	0	0	2
Другие страны	0	0	1	2	1	0	1
Таких стран нет	19	38	14	22	34	53	8
Затрудняюсь ответить	20	21	17	11	18	15	17

⁴ Интеграционный барометр ЕАБР—2017 (шестая волна измерений). СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017.

Таблица 2. «В какую из перечисленных стран Вы лично хотели бы поехать на учебу, с образовательной целью? / В какую из перечисленных стран Вы хотели бы отправить на учебу своих детей?» (2021 и 2022 гг., в %)

Куда хотели бы поехать на учебу	Страна проживания респондентов (место проведения опроса)						
	Молдова	Армения		Казахстан		Кыргызстан	
Годы	2021	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Азербайджан	0	0	0	1	0	1	0
Армения	0	0	0	1	1	1	0
Беларусь	1	0	0	1	1	2	1
Грузия	0	0	0	3	2	1	1
Казахстан	0	0	0	0	0	1	4
Кыргызстан	0	0	0	2	1	0	6
Молдова	0	0	0	1	1	0	2
Россия	13	10	10	31	27	30	40
Таджикистан	0	0	0	1	1	1	1
Туркменистан	0	0	0	2	0	2	1
Узбекистан	0	0	0	1	3	2	3
Украина	1	0	0	1	1	1	1
Великобритания	21	15	8	19	14	8	10
Германия	20	14	17	19	19	22	22
Франция	15	13	12	15	9	8	8
Другие страны ЕС	37	6	4	5	5	8	1
Индия	0	0	0	2	1	1	2
Китай	1	1	2	8	14	5	9
США	14	24	25	21	24	22	24
Турция	1	0	0	22	20	21	18
Япония	2	0	1	10	11	9	6
Страны арабо-исламского мира	1	0	0	3	7	13	9
Другие страны	2	2	4	1	2	2	3
Таких стран нет	17	27	25	5	10	2	1
Затрудняюсь ответить	9	5	7	13	15	2	6

Встречной заинтересованности респондентов из России в образовании в странах СНГ нет, то есть нет оснований для кумулятивного эффекта от совместных образовательных программ. Низкая информированность об образовательных услугах в странах СНГ и, напротив, высокая информированность об обучении на Западе, наличие множества западных стипендиальных фондов формируют однонаправленный образовательный поток учащихся из стран СНГ и России на Запад, показывают будущие перспективы и потенциал западных стран в интегрировании лучших молодых специалистов в свою экономику. Пример Турции показывает, как сфокусированная государственная политика в сфере привлечения иностранных студентов из культурно близких государств может значимо повысить желание населения из некоторых стран СНГ получить турецкое образование.

По результатам количественных опросов и экспертных интервью можно сделать вывод, что наметился нисходящий тренд в желании получить российское образование. Привлекательность образования в России для жителей стран СНГ строится на представлениях о качественном советском образовании, достижениях в науке и технике того исторического периода. Отсутствие международного целеполагания в современной российской системе образования и социокультурной интеграционной модели не позволяет эффективно реализовывать стратегию повышения привлекательности российского образования среди граждан СНГ.

**РЕКЕДА
СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

кандидат исторических наук, доцент базовой кафедры евразийской экономической интеграции Института права и национальной безопасности РАНХиГС, генеральный директор Центра изучения перспектив интеграции

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЕНИЯ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 2022 ГОДУ

Начало специальной военной операции России на Украине и дальнейшая эскалация конфликта между Россией и западными странами фактически толкнули евразийские интеграционные процессы в новую реальность — регион переживает мощнейший за постсоветский период стресс-тест. Анализ медийного пространства ЕАЭС позволяет понять, как в новых условиях трансформируются образ евразийской интеграции и отношение к ней в странах объединения.

Эрозия интеграционного ландшафта

В 2022 году страны Евразийского экономического союза функционируют фактически в двух правовых режимах: Россия и Белоруссия находятся под беспрецедентным санкционным давлением (с февраля против обеих стран введено около 5000 санкций), остальные страны Союза вынуждены искать возможности сохранить сотрудничество с Россией, не попав под вторичные санкции.

Стремясь обезопасить экономическое пространство от санкционной токсичности, Россия форсирует создание самостоятельной валютной зоны и переводит торговые операции внутри ЕАЭС в национальные валюты¹. Для обхода санкций создаются параллельные западным финансовые инструменты: в августе, например, было анонсировано создание Евразийской перестраховочной компании² для поддержки внутренней и внешней торговли и стимулирования инвестиционного сотрудничества. Ограничения,

¹ Страны ЕАЭС договорились о переходе на расчеты в нацвалютах // Ведомости. 18.03.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/03/18/914184-eaes-perehode-natsvalyutah>.

² Завершена работа над Соглашением об учреждении Евразийской перестраховочной компании // Евразийская экономическая комиссия. 26.08.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/zavershena-rabota-nad-soglasheniem-ob-uchrezhdenii-evraziyskoy-perestrahovochnoy-kompanii>.

с которыми столкнулась Россия на европейском энергетическом рынке, вплоть до подрыва газопровода «Северный поток», Москва пытается решить через формирование газового хаба в Турции³.

На наднациональном уровне тоже предпринимаются попытки сдержать эрозию интеграционного пространства. Так, распоряжением Евразийского межправсовета летом была создана специальная комиссия по кооперации и импортозамещению в приоритетных и высокотехнологичных отраслях промышленности в ЕАЭС⁴. Среди ключевых задач нового органа Союза — координировать промышленные политики и отбирать для поддержки наиболее перспективные проекты в приоритетных отраслях.

Тем не менее изменения в траектории развития евразийской интеграции не всегда однозначно воспринимаются в странах ЕАЭС, не подпавших под санкции. Например, осенью Казахстан отказался переводить всю торговлю газом на рубли⁵, оставив право выбирать валюту для сделок самим договаривающимся сторонам. Российско-турецкое сближение не может не вызывать вопросов в Ереване. Кроме того, участились случаи отказов банков стран ЕАЭС в обслуживании карт «МИР».

На официальном политическом уровне практически не демонстрируется пересмотр отношения к интеграции. Тем не менее традиционные СМИ как инструмент, формирующий общественное мнение, способны косвенно отражать изменения в образе евразийской интеграции, который конструируется среди граждан стран ЕАЭС.

Для изучения медийного образа Евразийского экономического союза были использованы базы данных компании «Медиалогия» с публикациями о ЕАЭС в СМИ различного формата всех стран Союза за период с октября 2021 года по сентябрь 2022. Было проанализировано более 200 тыс. публикаций из российских СМИ, почти 20 тыс. — из казахстанских, более 15 тыс. — из белорусских, более 10 тыс. — из киргизских, 2,8 тыс. — из армянских. Собранный корпус источников позволил исследовать динамику публикационной активности о ЕАЭС в национальных медийных полях, уровень критичности этой активности и качественное наполнение медийной евразийской повестки в каждой из стран.

Интерес к интеграции сохраняется

Динамика публикаций о ЕАЭС в СМИ стран Союза не свидетельствует о резкой и однозначной трансформации медийного образа объединения.

Наиболее ожидаемо в сложившихся политических условиях было бы снижение присутствия евразийской повестки в СМИ Казахстана. Тем не менее в этом информационном

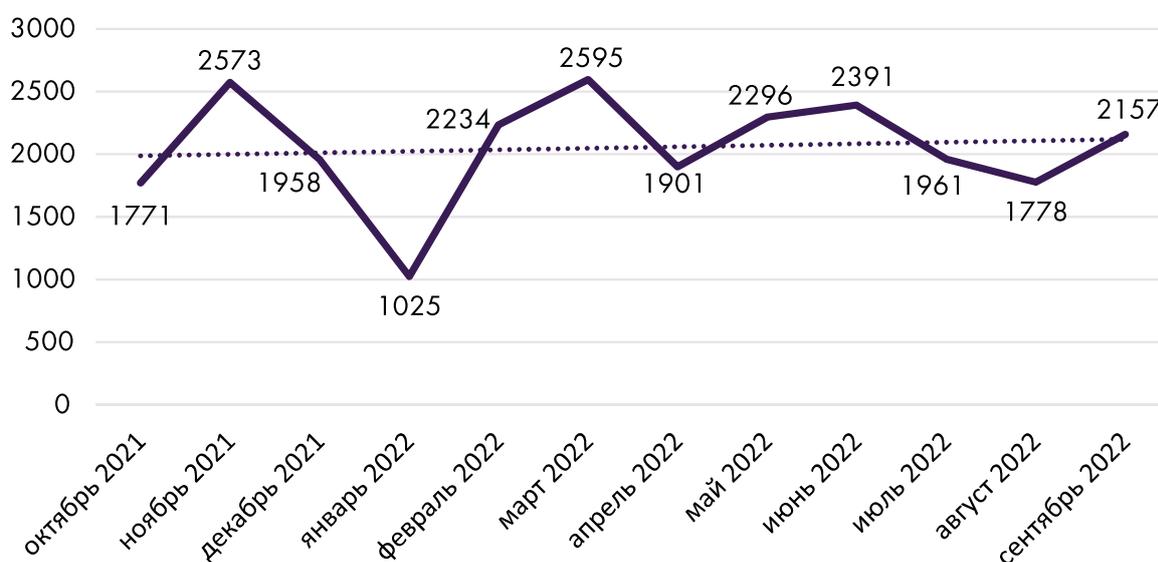
³ В Турции ответили на предложение Путина создать в стране газовый хаб // РБК. 12.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/10/2022/6346b4c19a79477e64693adb>.

⁴ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 21.06.2022 № 10 «О комиссии по кооперации и импортозамещению в приоритетных и высокотехнологичных отраслях промышленности в рамках Евразийского экономического союза».

⁵ Казахстан отказался от предложения России расплачиваться за газ только в рублях // Inbusiness.kz. 22.10.2022. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/kazahstan-otkazalsya-ot-predlozheniya-rossii-rasplachivatsya-za-gaz-tolko-v-rublyah>.

поле ЕАЭС сохранил свои позиции — ему посвящены примерно 2 тыс. публикаций ежемесячно. При этом сохраняющийся уровень — довольно низкий для объема медийного рынка Казахстана. В стране зарегистрировано более 5 тыс. СМИ, в соседней Киргизии — 1,5 тыс., в Белоруссии — более 2 тыс. Тем не менее количество публикаций о Союзе в казахстанских СМИ сравнимо с публикационной динамикой в этих двух странах. Почти в 2/3 публикаций ЕАЭС упоминается лишь эпизодически (16 557 сообщений из 24 736), начало СВО на Украине не повлияло на этот показатель.

Рисунок 1. Динамика публикационной активности (количество публикаций) о ЕАЭС в СМИ Казахстана в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года⁶

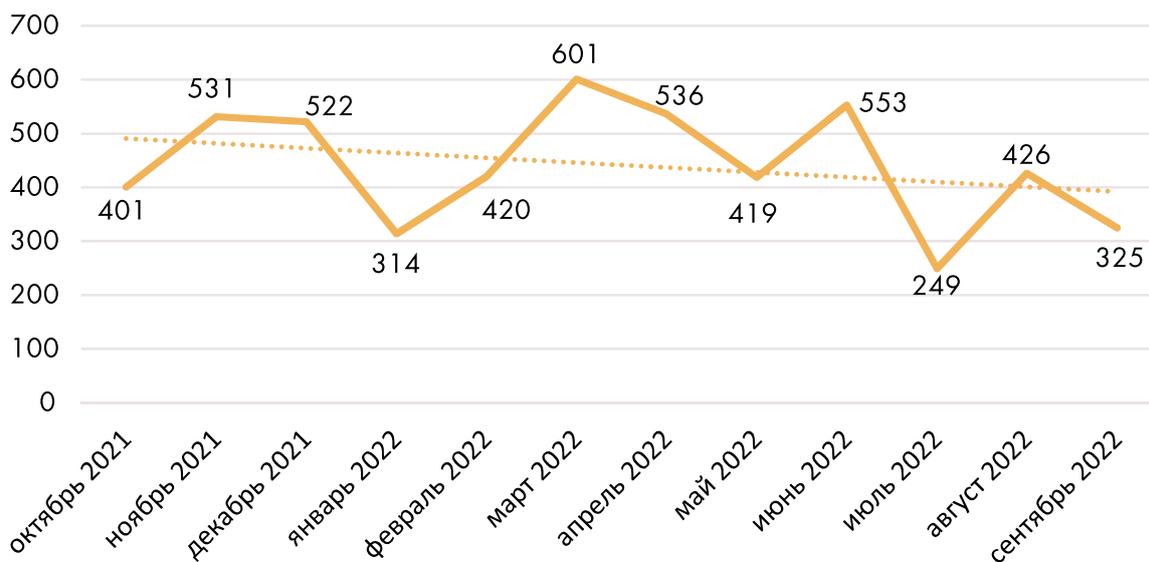
Тенденция к сокращению присутствия евразийской повестки заметна в медиаполе двух стран ЕАЭС — Армении и Белоруссии. Однако этот процесс, очевидно, не был вызван спецоперацией на Украине и последовавшим обострением международной обстановки. Так, в Армении за год с октября 2021 по сентябрь 2022 года наибольшая публикационная активность пришлась на месяцы после начала СВО — с марта по июнь (рис. 2), а в Белоруссии публикационная активность после СВО сохранялась стабильной — в диапазоне 1700—1900 публикаций в месяц (рис. 3). Единственное изменение, которое фиксируется после февраля 2022 года, — это нарастание числа материалов в армянских СМИ, где ЕАЭС упоминается лишь эпизодически: если до февраля в 774 публикациях против 680 ЕАЭС упоминался в качестве главного объекта, то за последующие месяцы соотношение стало 1686 против 2157 соответственно. В белорусских медиа данное соотношение стабильно сохраняется примерно 1: 1.

Две страны, в которых заметна тенденция к повышению публикационной активности о ЕАЭС, — это Россия и Киргизия. С февраля 2022 года количество ежемесячных пуб-

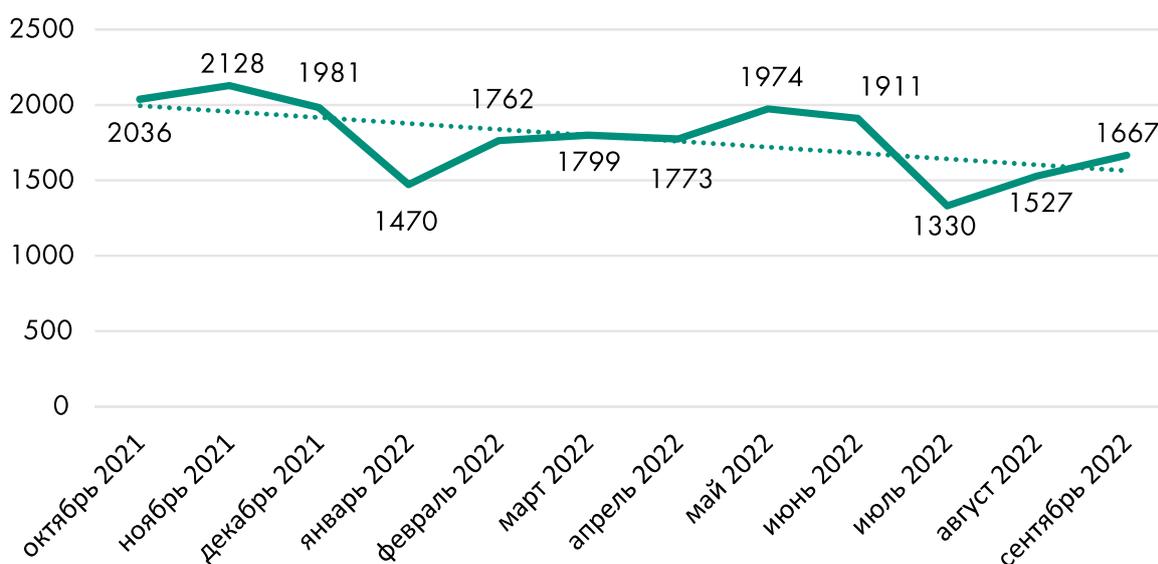
⁶ Здесь и далее в рисунках источник: «Медиалогия», собственные расчеты.

ликаций в киргизских СМИ начинает превышать отметку в 2000 публикаций и больше не опускается ниже, за исключением двух месяцев традиционного «летнего затишья» в медиа и политической сфере (рис. 4). При этом соотношение упоминаний Союза в качестве основного объекта и эпизодического сохраняется во все месяцы примерно 1 : 1, что для стран объединения довольно высокий показатель.

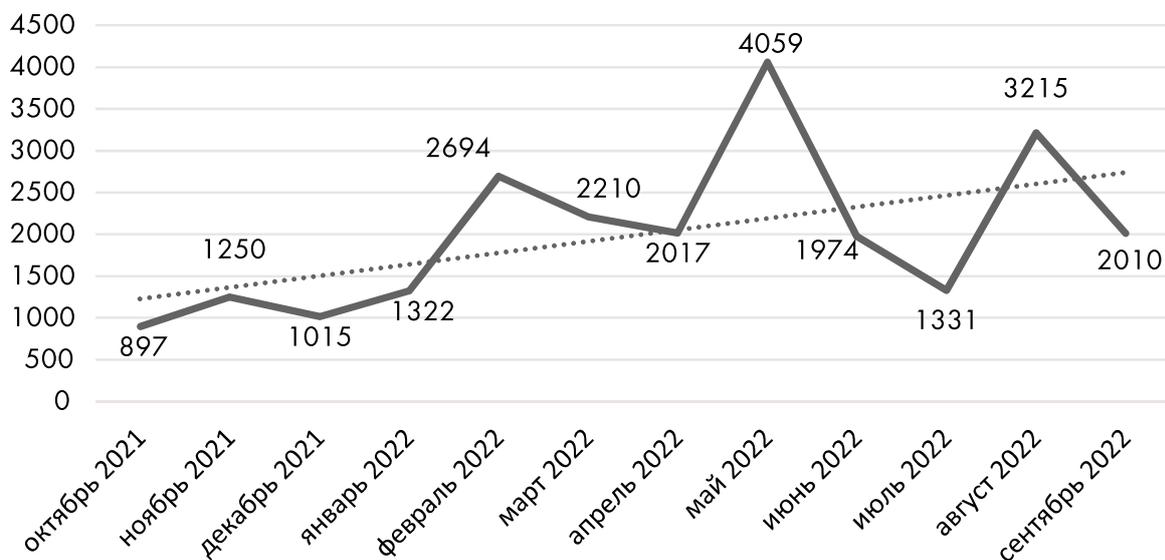
Рисунок 2. Динамика публикаций о ЕАЭС в СМИ Армении в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года

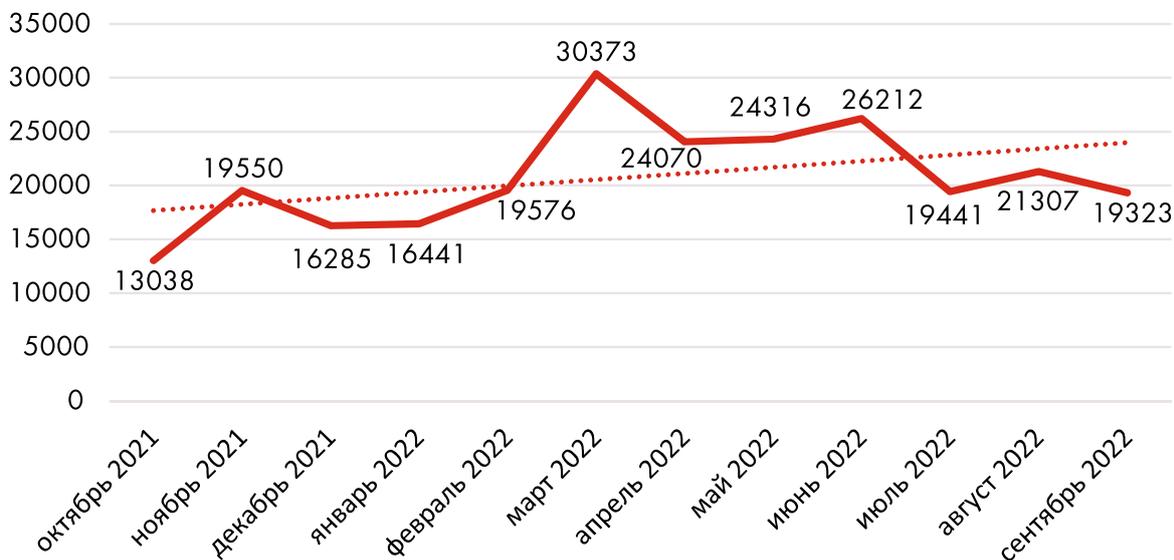
Рисунок 3. Динамика публикаций о ЕАЭС в СМИ Белоруссии в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года

Рисунок 4. Динамика публикаций о ЕАЭС в СМИ Киргизии в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года

Рисунок 5. Динамика публикаций о ЕАЭС в СМИ России в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года

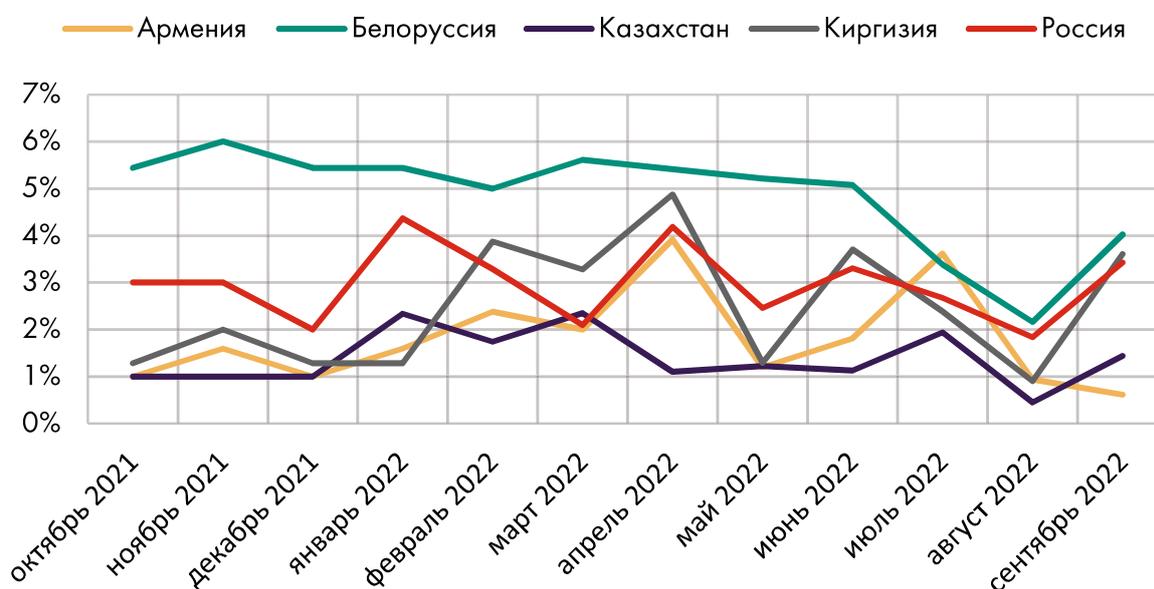

Столь резкий рост публикационной активности объясняется тем, что с января 2022 года председательство в Евразийском экономическом союзе перешло к Киргизии — этот факт не мог остаться незамеченным местными СМИ и привел к насыщению местного медиаполя евразийской повесткой. В случае с российскими СМИ рост публикационной активности не столь значительный (рис. 5) и вызван, скорее, обсуждениями «разворота на Восток» в условиях санкций и формированием Большого евразийского партнерства, одним из элементов которого должен стать ЕАЭС. Неслучайно в российских СМИ пре-

обладают материалы, в которых Союз упоминается лишь в контексте более глобальных проблем: публикаций, где Союз упоминается эпизодически, в два раза больше, чем тех, где объединение выступает главным объектом.

В медиополе стран ЕАЭС после начала спецоперации на Украине не прибавилось и негатива относительно объединения. Наиболее критичной к интеграции традиционно⁷ остается Белоруссия с долей негативных сообщений в 5–6%. Доля же таких сообщений в других странах колеблется на уровне 1–3%. Но на протяжении всего периода исследования количество негативных публикаций не превышало количество позитивных, хотя в рамках проекта «Евразийский медиаиндекс» в предыдущие годы подобные ситуации фиксировались во время обострения проблем с интеграционным строительством.

Рисунок 6. Динамика доли негативных сообщений о ЕАЭС в СМИ ЕАЭС в период с октября 2021 по сентябрь 2022 года

Начало СВО и обострение международной обстановки не нивелировало евразийскую интеграционную повестку в медиополе объединения. Интерес к деятельности объединения сохраняется и подогревается через СМИ. Количественные негативные тенденции в информационном обеспечении интеграции, которые фиксируются в 2022 г., имеют системную природу и проявлялись еще до старта СВО.

Новая интеграционная повестка

Качественно медийный образ ЕАЭС после начала спецоперации на Украине изменился более значительно, нежели количественно. В различной степени, но в каждой стране

⁷ Евразийский медиаиндекс 2017–2022 гг. // Центр изучения перспектив интеграции. URL: <http://perspectivecenter.org/mediaindex/iv-kvartal-2021-goda>.

в евразийской повестке появились вопросы, связанные с обсуждением либо формирования нового миропорядка, либо санкций и их последствий.

Менее всего подверженным кризисной конъюнктуре оказалось медиаполе Киргизии. Как и отмечалось, локомотивом повестки и публикационной активности стало председательство страны в ЕАЭС, поэтому наиболее резонансные инфоповоды здесь были связаны с протокольными мероприятиями (визиты председателя Евразийской экономической комиссии, премьеров и др.), а также отдельными рабочими визитами глав стран Союза. Освещались и вопросы внутрирегиональной экономической кооперации в Центральной Азии. Эти темы несколько оттеснили традиционно важный и отчасти проблемный для Киргизии блок тем, связанных с положением мигрантов в ЕАЭС.

В Армении влияние меняющейся международной обстановки проявляется в активном обсуждении последствий для экономики (прежде всего с точки зрения развития транспортных коридоров), армяно-азербайджанской и армяно-турецкой нормализации отношений. При этом традиционно образ экономического союза искажается в сторону вопросов безопасности. Остальные резонансные поводы в период после начала СВО связаны непосредственно с обсуждением возможности обхода антироссийских санкций.

Тематика обхода санкций и обеспечения экономической безопасности в различных отраслях объединяет евразийскую повестку и в остальных трех странах Союза. Так, из топ-10 наиболее резонансных тем о ЕАЭС в российских СМИ после начала СВО только одна носит протокольный характер: «Премьер Киргизии: страны ЕАЭС имеют огромный потенциал для интеграции». Все остальные инфоповоды связаны с преодолением санкционных ограничений:

- ⇒ создание Евразийской перестраховочной компании;
- ⇒ введение новой платежной единицы;
- ⇒ временный запрет на экспорт зерновых в страны ЕАЭС и сахара в третьи страны;
- ⇒ формирование перечня товаров, запрещенных к вывозу из России;
- ⇒ обеспечение продовольственной безопасности.

Белорусская евразийская повестка выглядит практически идентично российской. Отдельный акцент в ней делается на теме электронной торговли и ее развитии, а также на вопросах сопряжения ЕАЭС и ШОС для формирования каркаса нового миропорядка.

В казахстанском медиаполе к этим темам евразийской повестки добавляются традиционно важные для местного бизнеса вопросы снятия барьеров внутри ЕАЭС. Новые же темы евразийской повестки практически полностью связаны с последствиями СВО и санкциями против России:

- ⇒ приезд россиян в Казахстан;
- ⇒ запрет на вывоз иностранной валюты и золота;
- ⇒ вопросы продовольственной безопасности;
- ⇒ легализация иностранных автомобилей;
- ⇒ формирование мирной и сильной Евразии.

Анализ медиaprостранства стран ЕАЭС свидетельствует, что в условиях геополитического шторма страны объединения сохраняют интерес к интеграционным процессам, однако меняются акценты в их освещении. «Дистиллированная» социально-экономическая

повестка, увязанная прежде всего с официальными встречами, сохраняется, но отходит на второй план. Интеграция трансформируется из инструмента по коллективному встраиванию в глобальную экономику в инструмент по выживанию и конструированию самостоятельного экономико-технологического полюса. Соответственно меняется и образ интеграции — эта тематика в новых условиях выходит в авангард евразийской интеграционной повестки. Если новые приоритеты получат подкрепление в практической плоскости, можно будет ожидать и преодоление указанных системных негативных тенденций в медийном сопровождении деятельности ЕАЭС.

**ЗАДОРИН
ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ**

руководитель
исследовательской группы
ЦИРКОН

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В МИРОВОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ, ИЛИ КАК ВОЙНА РАСКАЛЫВАЕТ НЕ ВОЮЮЩИХ

С момента своего начала 24 февраля 2022 года перешедший в горячую фазу российско-украинский конфликт (специальная военная операция, invasion и т. п.) находится в центре международного внимания, а заявления зарубежных политиков по данному вопросу постоянно обсуждаются в СМИ. Однако об общественном мнении жителей стран, не вовлеченных в военный конфликт напрямую, известно немного. Настоящий анализ (обзор) массовых опросов в разных странах осуществляется с целью представить картину восприятия и первичной реакции жителей разных стран на этот конфликт.

Обзор подготовлен на основании анализа источников (данных отчетов, презентаций, публикаций), которые содержатся в открытом доступе. Данные компилировались в два этапа. На первом этапе целевым образом отбирались материалы у авторитетных и крупных международных исследовательских организаций — YouGov, Gallup, Kantar, IPSOS, а также Pew Research Center (в выборку попадали все опубликованные результаты исследований по теме). На втором этапе через поисковики Google и «Яндекс» производился поиск по ключевым словам материалов, опубликованных локальными компаниями в разных странах.

Следует отметить, что представленные в обзоре опросы проводились с использованием различных методологий (CATI, CAPI, онлайн), шкал измерения и в разное время. Таким образом, полученные результаты нельзя сравнивать напрямую, а скорее их следует использовать для выявления некоторых общих оснований для различий — расколов в общественном мнении.

Общественная реакция на российско-украинский конфликт (далее по тексту — RUC) была неоднозначной и нестабильной — с самого начала общественное мнение по всему миру заметно разделилось и изменялось с течением времени под воздействием

огромного числа факторов (информационного влияния, изменений внутривнутриполитической обстановки и т. д.). В данной работе не рассматривается изменение общественного мнения в динамике в каждой конкретной стране, но делается попытка обозначить некоторые схожие паттерны первичной реакции и тренды, которые можно было зафиксировать в первые пять месяцев RUC — с марта по июнь 2022 года¹. Кроме того, имеющиеся данные позволяют оценить, как воспринимается конфликт на фоне других глобальных проблем.

В целом можно выделить три сложившиеся модели общественного отношения к конфликту: 1) **определенная позиция** — население в большинстве поддерживают одну из сторон конфликта; 2) **раскол либо позиция нейтралитета (балансирования)** — и та, и другая сторона получают равноценную поддержку опрошенных; 3) **безразличие (неопределившееся большинство)** — опросы показывают низкую осведомленность респондентов о конфликте или сознательную позицию «безоценочности». Далее рассмотрим каждую из этих моделей на характерных примерах².

Модель 1 — определившееся большинство

Поддерживают Украину в основном европейские страны, США и Япония, в которых большинство населения считает, что руководство их страны принимает правильные решения на стороне Украины, поддерживает санкции против России и выступает за то, чтобы их страны принимали украинских беженцев, опасается выхода конфликта за пределы Украины. В начале конфликта, согласно опросу YouGov³, за дополнительные экономические санкции против России больше всех выступали британцы (77%), а также 65% немцев, 60% французов и 59% итальянцев. При этом мнение европейцев в отношении санкций, которые приведут к увеличению стоимости жизни в их странах, было не столь однозначным: британцы — за, немцы раскололись, а французы и итальянцы выступили против. На фоне конфликта также выросла поддержка Европы и вступления Украины в ЕС.

Американцы разделились по поводу обязательств Америки перед Украиной: в то время как 41% избирателей в США сказали, что их правительство несет ответственность за защиту Украины от России, 39% выразили мнение, что это не так (данные Morning Consult Global⁴). Этот раскол сохраняется на протяжении года — с февраля по декабрь доля респондентов, разделяющих мнение об ответственности США за защиту Украины, колеблется от 50% (апрель — май) до 39% (начало ноября). По этому вопросу су-

¹ Везде по тексту ссылки на источники данных сопровождаются указанием дат проведения опросов.

² Оговоримся, что, основываясь на разных данных, ряд стран можно отнести сразу к двум моделям. Например, по одним данным общественное мнение в Венгрии можно охарактеризовать как разделенное между двумя сторонами конфликта, с другой — скорее как пророссийское. Цель этого обзора не обозначить четкие позиции населения каждой страны, а показать вариативность общественных реакций на военный конфликт России и Украины.

³ URL: Public Opinion on the War in Ukraine. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2022/public-opinion-on-the-war-in-ukraine/en-public-opinion-on-the-war-in-ukraine-20220304.pdf> (март 2022).

⁴ Tracking Sentiment on the Russian Invasion of Ukraine. URL: <https://morningconsult.com/tracking-the-russia-ukraine-crisis/> (26–27 февраля 2022).

ществует и партийные расхождения: такое обязательство перед Украиной видят 50 % демократов и только 37 % республиканцев⁵.

Кроме того, в мартовском опросе YouGov⁶ сравнивалось мнение европейцев о России до и во время начала боевых действий. Респонденты уже гораздо чаще видели в России серьезную угрозу, чем до 24 февраля. В каждой стране, где прошел опрос, более половины респондентов оценили Россию на 8 из 10 баллов или выше, то есть как серьезную угрозу для их страны. В Польше большинство людей (57 %) оценили Россию на 10 баллов, в то время как даже Иран, Северная Корея и ИГИЛ (организация запрещена в РФ) воспринимаются как меньшие угрозы.

Такая позиция характерна не только для стран Европы, но и для некоторых бывших республик Советского Союза — 76 % жителей Грузии оценивают Россию как серьезную угрозу в рамках ответа на открытый вопрос, 78 % респондентов возлагают вину за конфликт на Россию и ее президента⁷.

Наибольшие доли согласных с тем, что за сложившуюся ситуацию несут ответственность в первую очередь российские власти, наблюдаются в Финляндии и Польше (90 % и 91 % соответственно). Об этом свидетельствовали данные опроса Flash Eurobarometer⁸, проведенного по заказу Европейской комиссии во всех государствах — членах ЕС в апреле 2022 года.

Поддержка Украины воспринимается европейцами как защита европейских ценностей. С этой позицией, согласно майскому опросу Евробарометра (2022)⁹, согласны 8 из 10 европейцев.

Поддержка России — в начале марта в развязывании войны шесть из десяти опрошенных в Сербии¹⁰ обвиняли США, каждый второй — НАТО, и только 26 % указали на Россию как на виновного.

По данным Central Asia Barometer¹¹, 49 % респондентов в Кыргызстане считают виновниками войны Украину и/или Соединенные Штаты (14 % возлагают вину на Россию). Также в Кыргызстане по сравнению с другими республиками Средней Азии отмечается самая высокая доля тех, кто верит в будущую победу России.

⁵ Там же (26–27 февраля 2022).

⁶ YouGov — NATO attitudes. URL: <https://docs.cdn.yougov.com/c5hwi6ql8h/YouGov%20-%20European%20attitudes%20to%20NATO%20March%202022.pdf> (март 2022).

⁷ Taking Georgians' pulse Findings from August 2022 face to face survey. URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/Taking%20Georgians%E2%80%99%20pulse%20Findings%20from%20August%202022%20face%20to%20face%20survey%20%28English%29.pdf> (март 2022).

⁸ Eurobarometer: Europeans approve EU's response to the war in Ukraine. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2784 (апрель 2022).

⁹ Key challenges of our times — the EU in 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2694> (апрель — май 2022).

¹⁰ Zaskrbljenost in pesimizem ob vojni v Ukrajini sta v Sloveniji višja kot kadarkoli v času epidemije. URL: <https://www.valicon.net/sl/2022/03/zaskrbljenost-in-pesimizem-ob-vojni-v-ukrajini-sta-v-sloveniji-visja-kot-kadarkoli-v-casu-epidemije/> (март 2022).

¹¹ Russia-Ukraine War: Public Opinion in Central Asia. URL: <https://ca-barometer.org/assets/files/froala/f67ac6f34d17e7e3b51e3be30aedb9ffe60d9ae9.pdf> (май — июнь 2022).

Три четверти (75 %) опрошенных респондентов в КНР согласны с тем, что поддержка России в Украине является национальным интересом Китая, и примерно 60 % респондентов поддерживают посредничество Китая в прекращении конфликта. Об этом свидетельствуют результаты опроса Центр Картера China Focus¹², проведенного в марте — апреле 2022 г.

Согласно данным апрельского глобального опроса IPSOS¹³, 63 % респондентов в Турции, 62 % — в Индии и 60 % — в Израиле высказались за продолжение дипломатических отношений с Россией. С самого начала войны Нью-Дели призывал к мирным переговорам и прекращению насилия. Индия продолжила закупать нефть у РФ и не критиковала Россию за «вторжение в Украину». Отметим также, что Индия также воздержалась при многократном голосовании на трибунах ООН по осуждению российской агрессии.

o Модель 2 — раскол либо позиция нейтралитета (балансирования)

Греция, Болгария и Кипр — единственные три европейские страны, где почти половина населения не согласны с тем, что российские власти несут ответственность за войну (45 %, 46 % и 52 % соответственно).

Болгары были наиболее критичны к санкциям против России: 42 % сочли их слишком жесткими, и большинство считали, что Болгария должна сохранять «нейтралитет»¹⁴. Две трети (67 %) респондентов высказались за сохранение «нейтралитета», а 16 % считают, что Болгария должна активно поддерживать Украину.

Довольно редкие опросы в Беларуси показывают, что примерно половина белорусских респондентов выступают за нейтральный, неаффилированный статус Беларуси, а примерно треть одобряют членство страны в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). По данным «Белорусской аналитической мастерской» (компания зарегистрирована в Польше), тех, кто в целом одобряет действия России в РУС, в марте насчитывалось 43 %, в мае — 40 %. Не одобряли соответственно 50 % в марте и 51 % в мае¹⁵.

Подавляющее большинство опрошенных в Турции — 78 % — заявили, что Турция должна быть нейтральной в конфликте¹⁶. Доля тех, кто сказал, что Турция должна быть на стороне НАТО, составила 19 %, а доля высказавшихся за поддержку России составила 2 %.

¹² Chinese Public Opinion on the War in Ukraine URL: <https://uscnpm.org/2022/04/19/chinese-public-opinion-war-in-ukraine/> (март — апрель 2022).

¹³ 61 % Globally Think the War in Ukraine Poses a Significant Risk to Their Country. URL: <https://www.ipsos.com/en/war-in-ukraine-april-2022> (март — апрель 2022).

¹⁴ Survey: 67 % are for Bulgaria's Neutrality in the Russia-Ukraine Conflict. URL: <https://www.novinite.com/articles/214545/Sur-vey%3A+67+are+for+Bulgaria%27s+Neutrality+in+the+Russia-Ukraine+Conflict> (март 2022).

¹⁵ Вардомацкий: 40 % белорусов одобряют действия России в войне в Украине, 50 % сочувствуют украинцам. URL: <https://belsat.eu/ru/news/07-08-2022-vardomatskij-40-belarusov-odobryayut-dejstviya-rossii-v-vojne-v-ukraine-50-sochuvstvuyut-ukraintsam/> (март, май 2022).

¹⁶ What Should Turkey Do in the Ukraine-Russia War? URL: <https://www.turkeyresearchcompany.com/what-should-turkey-do-in-the-ukraine-russia-war/> (март 2022).

Велика доля сторонников нейтралитета и в Казахстане — такой позиции придерживаются 46 % жителей¹⁷ (к ноябрю эта доля выросла до 59 %, а доля респондентов, поддерживающих Россию, существенно снизилась с 39 % до 13 %, в то время как поддержка Украины выросла с 10 % до 22 %¹⁸).

o Модель 3 — безразличие (неопределившееся большинство)

Согласно данным апрельского глобального опроса IPSOS¹⁹, 69 % респондентов в Саудовской Аравии, 67 % в Венгрии и 59 % в Малайзии указали, что проблемы Украины их не касаются и они не должны вмешиваться.

Опрос Arab News-YouGov²⁰, проведенный в самом начале обострения РУС, показал, что большинство жителей стран Ближнего Востока и Северной Африки не имеют никакой позиции по конфликту. 66 % респондентов из арабского мира не имеют мнения по поводу РУС, по сравнению с 18 %, которые поддерживают Украину, и 16 %, которые поддерживают Россию. По результатам опроса, большинство респондентов, вставших на сторону России, проживают в основном в четырех из 14 опрошенных стран: Алжире (19 %), Омане (19 %), Катаре (19 %) и Тунисе (18 %). Тем временем в Иордании респонденты разделились поровну (по 13 %) между Россией и Украиной. Среди стран Персидского залива 22 % респондентов поддержали Украину, 15 % — Россию. Хотя разница незначительна, два государства Персидского залива выделяются тем, что отдают предпочтение России, а не Украине, а именно Оман и Катар.

Арабская молодежь чаще винит в украинском конфликте США и НАТО — об этом свидетельствуют результаты опроса Arab Youth survey²¹, проведенного в мае — июне 2022 г. в 17 арабских странах. На вопрос, кто в наибольшей степени виноват в конфликте между Россией и Украиной, 31 % респондентов в возрасте 18—24 года винят НАТО/США, 18 % — Россию, 15 % — Украину. В Леванте 41 % винят НАТО/США, по 15 % — Россию или Украину. В странах Северной Африки 29 % винят НАТО/США, 17 % — Россию, 13 % — Украину. В странах Персидского залива 21 % молодежи считает виновными НАТО/США, 22 % — Россию, 18 % — Украину. При этом большинство опрошенных (37 %) затруднились ответить на вопрос.

¹⁷ Опрос: Значительная часть казахстанцев подвержена влиянию российской пропаганды. URL: <https://demos.kz/opros-znachitel'naja-chast-kazahstancsev-podverzhena-vlijaniju-rossijskoj-propagandy/> (март 2022).

¹⁸ Опрос: Основная доля сторонников России в Казахстане старше 60 лет, за Украину — молодежь. URL: <https://demos.kz/opros-osnovnaja-dolja-storonnikov-rossii-v-kazahstane-starshe-60-let-za-ukrainu-molodezh/> (ноябрь 2022).

¹⁹ 61 % Globally Think the War in Ukraine Poses a Significant Risk to Their Country. URL: <https://www.ipsos.com/en/war-in-ukraine-april-2022> (март — апрель 2022).

²⁰ Poll Finds That Arab Street Has No Stance on Russia-Ukraine Conflict. URL: <https://www.arabnews.com/node/2092841/middle-east> (май 2022).

²¹ Charting a New Course. URL: <http://arabyouthsurvey.com/wp-content/uploads/whitepaper/ays-2022-top-findings-presentation-en.pdf> (май — июнь 2022).

Общая динамика восприятия конфликта в сравнении с другими глобальными проблемами

Начиная с лета 2022 года результаты опросов в западных странах и США показывают, что общественное мнение и общественная поддержка меняются. Согласно опросу Pew Research Center²², спустя семь месяцев после начала боевых действий России в Украине американцы выражают меньше беспокойства, чем весной, по поводу поражения Украины от России и распространения войны на другие страны.

Интересен вопрос о восприятии российско-украинского конфликта **как локального** (Россия — Украина) или **как части общемирового** (Россия + Китай + Индия vs. коллективный Запад во главе с США), и по этому поводу обнаружены различия между странами. Позиции СМИ относительно российско-украинского конфликта и интерпретации сопутствующих событий во многом определяются позицией государственной власти соответствующих стран. Поэтому в тех странах, где правительства пытаются осуществлять многовекторную (или нейтральную) политику, в общественном мнении более распространено представление о локальности конфликта («естественный конфликт между отдельными фрагментами бывшей империи») с желанием максимально дистанцироваться от него. В тех же странах, которые «определились» в мировом противостоянии и выбрали одну из сторон, распространяется отношение к российско-украинскому конфликту как части большой мировой войны (пока холодной). В этих странах RUC не локальная проблема, и страхи вызывают по-настоящему глобальные проблемы. Наибольшие опасения связаны с глобальной эскалацией конфликтов (в том числе замороженных), ядерным оружием и спорными территориями в других местах. Наиболее обеспокоенные страны не обязательно являются географически ближайшими к боевым действиям²³. Из топ-5 стран, наиболее обеспокоенных эскалацией конфликта, ни одна не находится в Европе (ЮАР, Турция, Индия, США, Мексика).

Спустя месяц с начала военных действий тревоги и страхи почти улеглись: в конце марта 2022 года европейцы в основном уже были обеспокоены «ростом цен и инфляцией», «тем, что конфликт на Украине может перерасти в мировую войну», и «что Россия может применить ядерное оружие»²⁴. В апреле предполагаемые риски (например, экономические или война, распространяющаяся на другие страны), были самыми высокими в Польше (77%), Швеции (75%), Италии (74%), Германии (69%) и Венгрии (68%)^{25,26}.

²² As War in Ukraine Continues, Americans' Concerns about It Have Lessened. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/09/22/as-war-in-ukraine-continues-americans-concerns-about-it-have-lessened/> (сентябрь 2022).

²³ Reactions to the Ukraine Crisis. URL: https://f.hubspotusercontent20.net/hubfs/304927/Reports/reactions-ukraine-crisis.pdf?__hstc=93079362.97aa80ffb3aa4cd08be6da794d1b205c.1647549326849.1647549326849.1647549326849.1&__hssc=93079362.1.1647549326850&__hsfp=1243728505&hsCtaTracking=570aef32-aa17-46f6-86ce-4dcbac78d576%7Ca92655cc-d37d-4cf7-8fed-c35aeb982925 (март 2022).

²⁴ Public Opinion of European Citizens on the War in Ukraine. URL: https://www.gallup-international.com/fileadmin/user_upload/surveys_and_news/2022/PA_Charts_GI_Ukraine_25032022.pdf (март 2022).

²⁵ Ep Spring 2022 Survey: Rallying around the European Flag — Democracy as Anchor Point in Times of Crisis. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792> (см. отчет EBO41 EP) (апрель — май 2022).

²⁶ April 2022 the World's Response to the War in Ukraine. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-04/Global%20Advisor%20-%20War%20in%20Ukraine%20-%20April%202022%20-%20Graphic%20Report.pdf> (апрель 2022).

Далее, как показывают различные опросы, **экономические интересы стали первостепенными в глазах граждан**. Во Франции 92 % были обеспокоены экономическими последствиями войны на Украине. При этом опасения по поводу выхода конфликта за пределы Украины оставались высокими (74 %), хотя с февраля они уже снизились. В мае Европейская комиссия опубликовала специальный отчет Flash Eurobarometer о войне на Украине. Более двух третей респондентов в каждом из 27 государств-членов были лично обеспокоены войной в Украине, при этом доля респондентов варьировалась от 69 % в Словакии до 95 % в Португалии. В Германии же больше половины опрошенных (55 %) считают дипломатические усилия, прилагаемые их правительством для прекращения конфликта между Россией и Украиной, недостаточными²⁷.

Спустя полгода после начала военный конфликт в Украине оставался серьезной проблемой для многих стран, но его важность существенно снизилась. Главной глобальной проблемой в настоящее время признается инфляция: согласно исследованию IPSOS²⁸ «Что беспокоит мир», в котором приняли участие 29 стран ЕС и не входящих в ЕС, 40 % опрошенных называют инфляцию самой большой проблемой, стоящей перед их страной.

Согласно опросу Pew Research Center²⁹, проведенному с февраля по март в 19 странах, главную глобальную угрозу представляет собой изменение климата. В среднем 75 % респондентов в 19 странах Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона считают глобальное изменение климата серьезной угрозой.

В сентябре 2022 г. Morning Consult³⁰ опубликовала топ основных событий, которые волнуют американцев. Озабоченность «Russia's invasion of Ukraine» находится на 11 месте из 14: в пятерку важнейших внешнеполитических проблем эту тему включили 25 % американцев (отношения с Китаем — чуть больше, 26 %; ядерную сделку с Ираном — чуть меньше, 23 %). В первой тройке: терроризм (61 %), кибератаки (49 %), иммиграция (44 %).

В социологическом опросе, проведенном Datapraxis, YouGov³¹ в августе 2022 г. в 22 странах мира, в тройке приоритетных проблем климатический кризис и стоимость жизни назывались чаще, чем конфликт на Украине. 36 % респондентов назвали главной из проблем, стоящих перед миром, чрезвычайную климатическую ситуацию (по сравнению с 28 %, которые выбрали RUC). 49 % респондентов назвали одной из трех главных проблем инфляцию и стоимость жизни. Обеспокоенность по поводу изменения климата разделялась довольно широко: более 20 % респондентов выбрали ее в качестве одной из трех главных проблем во всех опрошенных странах, кроме Египта (где в ноябре этого года прошла климатическая конференция ООН) и Саудовской Ара-

²⁷ Опрос: ФРГ должна добиваться прекращения войны в Украине. URL: <https://www.dw.com/ru/opros-germania-dolzna-dobivatsa-prekrasenia-vojny-v-ukraine/a-63643616> (ноябрь 2022).

²⁸ What Worries the World? URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-09/Global-report-what-worries-the-world.pdf> (сентябрь 2022).

²⁹ Climate Change Remains Top Global Threat Across 19-Country Survey. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/08/31/climate-change-remains-top-global-threat-across-19-country-survey/> (март 2022).

³⁰ Measuring Americans' Views on Isolationism, Multilateralism and the Country's Most Pressing Foreign Policy Challenges. URL: <https://morningconsult.com/united-states-foreign-policy-tracker/> (август — декабрь 2022, на графике данные октября).

³¹ Fault Lines: Global Perspectives on a World in Crisis. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/publications/fault-lines-global-perspectives-on-a-world-in-crisis> (июль — август 2022).

вии. Изменение климата вошло в тройку главных глобальных проблем в девяти странах: Колумбии, Франции, Германии, Индии, Мексике, Сенегале, Сингапуре, Турции и США. Авторы исследования отмечают, что в некоторых европейских странах в результате аномальной жары, обрушившейся на европейский континент в июле, «изменение климата» как проблема намного опередило «экономику», это характерно для Великобритании (где более 50 % респондентов назвали ее одной из трех главных проблем), Франции, Германии и Сербии.

Пока российско-украинский конфликт был второй по значимости проблемой в мире, это восприятие было особенно ярко выражено в странах Восточной Европы и странах G7, за заметным исключением США. В сентябрьском опросе 50 % респондентов в Японии включили Украину в тройку главных проблем, 45 % — в Польше и 39 % — в Великобритании. Распространенность такого мнения снизилась до 21 % в Нигерии и Индии и менее 20 % в Колумбии, Египте, Мексике, Саудовской Аравии и Турции. Вместе с тем, несмотря на экономические издержки, жители ряда стран декларируют высокую степень готовности поддерживать Украину и украинских беженцев (Швеция, Испания), за ограничение такой помощи выступают жители Венгрии и Чехии³².

В самом общем виде можно наблюдать, что позиции населения, как правило, соотносятся с политическими заявлениями и риторикой правительства их стран. Так, риторика правительства Польши, которое не только активно выступает против послабления санкций ЕС против России (наряду со странам Прибалтики), но и вводит собственные санкции, находит поддержку у населения страны. Попытки правительства Турции «придерживаться политики баланса»³³ созвучны с мнением большей части жителей в том, что их страна должна придерживаться нейтралитета в этом конфликте. Официальная позиция Сербии по русско-украинскому конфликту (одна из немногих стран Европы, которая не поддержала санкции против России) также близка населению страны. В странах Северной Евразии (бывший СССР) присутствуют все три отмеченные выше модели восприятия российско-украинского конфликта. При этом в странах, где отмечается раскол общественного мнения по отношению к российско-украинскому конфликту, это во многом отражает имеющийся внутриэлитный (внутриполитический) раскол.

* * *

Данный краткий обзор наблюдаемых первичных общественных реакций на актуальный военный конфликт, на наш взгляд, должен подвигнуть исследователей к дальнейшему более детальному анализу факторов, формирующих позиции населения по этой теме, а также способствующих их изменениям.

Участники семинара Ассоциации «Евразийский монитор» в июне 2022 года отметили повышенный интерес коллег во многих странах к горячей теме общественного восприятия российско-украинского конфликта и связанной с ним перестройки междуна-

³² Solidarität mit Ukraine und ukrainischen Geflüchteten hält an — aber nicht um jeden Preis / Ablehnung anderer Geflüchteter stark. URL: <https://forum-midem.de/medien/pm-jahresstudie-2022/> (сентябрь — октябрь 2022).

³³ Турция пообещала не присоединяться к санкциям против России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/06/2022/62b8ae2e9a794761dafbea24>.

родных отношений в глобальном масштабе. Такой интерес понятен, но в общем потоке опросных данных довольно часто появляются материалы, которые вызывают сомнения специалистов в силу их методической непрозрачности, а также порой нарочитой ангажированности и политизированности. «Участники семинара призвали к осторожному отношению к данным опросов в странах — участницах конфликта в силу специфичности ситуации, а также к данным компаний, появившимся в информационном поле только во время конфликта и во многом на его фоне. Такие данные могут нести специальный манипулятивный заряд, а их производители реально осуществляют скорее пропагандистскую, нежели исследовательскую функцию»³⁴.

Дальнейший анализ можно и нужно проводить в направлении исследований политических, социокультурных и информационных детерминант, которые могут определять формирование общественного мнения о международном конфликте. Важным представляется и отдельное изучение методологии исследований отношения населения к военным конфликтам — как можно видеть, прямых вопросов в рамках массовых опросов о поддержке одной из сторон конфликта недостаточно для понимания реакции общества, и здесь, вероятно, требуются иные методики измерения, которые более детально фиксируют перцепцию обществом внешних военных конфликтов, а также широкий спектр факторов, обладающих потенциалом формировать восприятие.

---

³⁴ Меморандум по итогам семинара Международной Ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор» 28 июня 2022 года.

ИЛЕУОВА ГУЛЬМИРА

президент Общественного фонда
«ЦСПИ «Стратегия» (Казахстан)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ: КАЖДЫЙ СЕДЬМОЙ — НЕОПРЕДЕЛИВШИЙСЯ

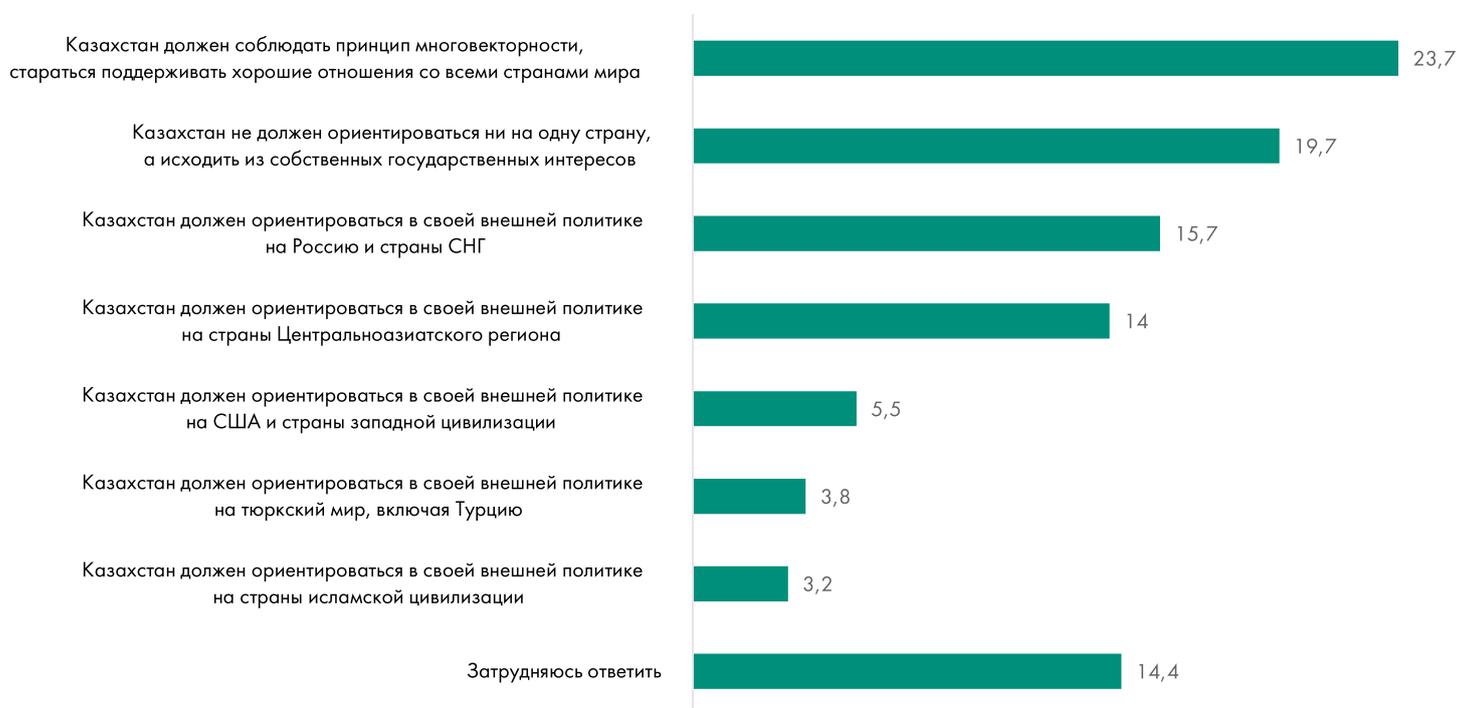
Мир приходит в активное движение, слушаешь новости — возникает ощущение значительных изменений в международных отношениях, слома сложившегося мирового «порядка». Как помнится, у нас было принято считать, что Казахстан, да и весь Центральнoазиатский регион, находится в зоне интересов великих держав, что мы представляем некий особый интерес для мировой политики. На волне таких обсуждений начиная с 2008 года Фонд «Стратегия» стал задавать казахстанцам вопросы на внешнеполитическую тематику, что позволяет нам теперь сделать определенные выводы на основе сравнения показателей разных лет.

Один из вопросов касается того, какие приоритеты во внешней политике лучше всего отражают интересы Казахстана. По итогам опроса 2021 года (было опрошено 2000 респондентов во всех регионах страны) видно, что многовекторность является приоритетом для каждого четвертого опрошенного; каждый пятый полагает, что Казахстан во внешней политике должен исходить исключительно из собственных национальных интересов; каждый шестой поддерживает в качестве приоритета направление СНГ и России.

Интересно, что каждый седьмой респондент затруднился с ответом на вопрос, какие приоритеты внешней политики должны быть у Казахстана. Казалось бы, ничего необычного — вопросы внешней политики сравнительно сложные, не все граждане должны иметь на них ответы. Однако на рис. 2 видно, что из года в год число затруднившихся с ответом растет: с 6% в 2008 году до 14% в 2021 году. Эта тенденция может быть связана, как минимум, с двумя обстоятельствами. Социально-демографическим, предполагающим, что из жизни уходит поколение людей, для которых внешнеполитическая проблематика была одной из частей общего мировоззрения. И второе — информационное освещение вопросов внешней политики, прежде всего государственными СМИ. Этой теме в информационной повестке уделяется гораздо меньше внимания, чем другим темам, что и приводит к сложностям формирования собственного представления у некоторой части населения.

**Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос:
«Какое из утверждений, на Ваш взгляд, лучше всего описывает
приоритетные цели Казахстана во внешней политике?»**

% от общего числа опрошенных, 2021 г.

Если сравнить результаты трех опросов, то можем увидеть две самые большие сенсации: увеличение в семь раз (с 2 % до 14 %) числа тех, кто в качестве приоритета во внешней политике Казахстана видит центральноазиатское направление, и снижение более чем в два раза числа тех, кто выбирал приоритетом Россию и страны СНГ (с 36 % в 2008 году до 16 % в 2021). При этом если доля поддержки направления ЦА увеличилась в 2021 году, то снижение поддержки пророссийского вектора фиксировалось нами еще в 2018 году (14 %) и, как видим, подтвердилось/закрепилось в 2021 (16 %).

Интересно, что в 2018 году снижение поддержки российского направления произошло за счет заметного увеличения (21 % в 2008 году vs. 35 % в 2018) числа сторонников самостийного пути развития («Казахстан не должен ориентироваться ни на одну из стран»). Однако к 2021 году доля поддерживающих эту точку зрения вернулась к результату 2008 года (20 % в 2021 году и 21 % в 2008 году).

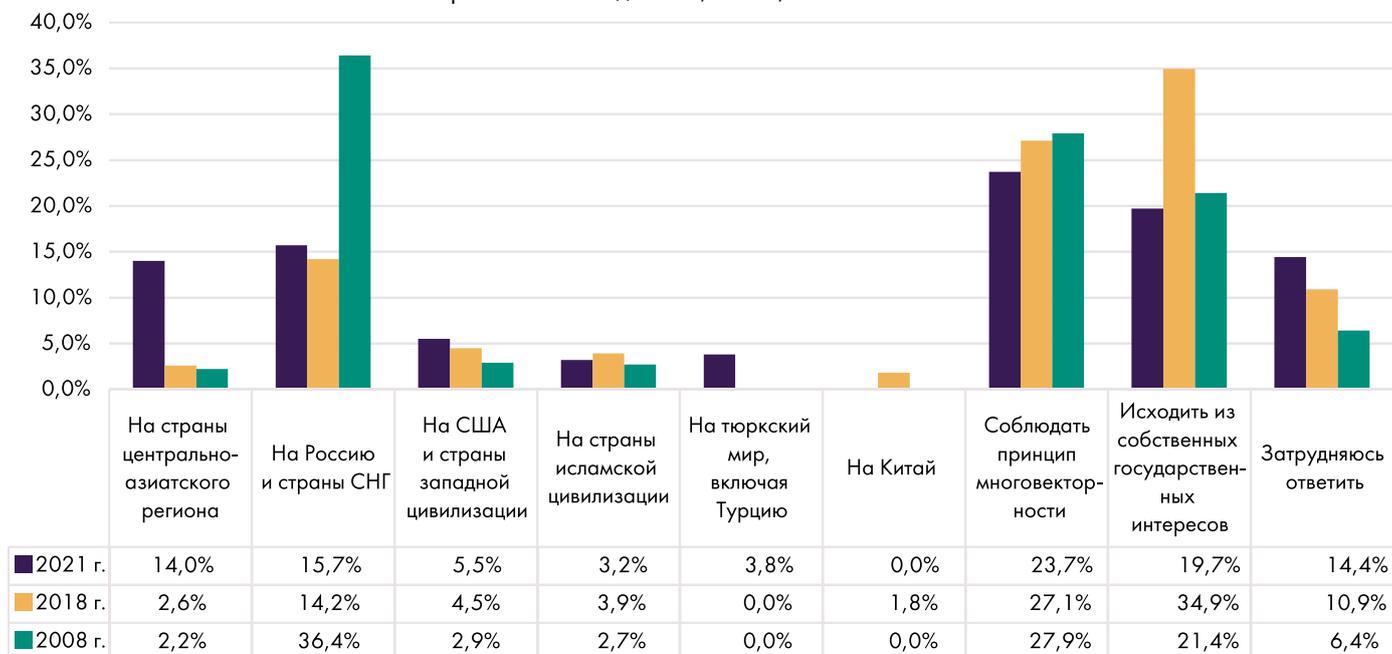
Что характерно, количество поддерживающих политику многовекторности остается примерно на одном и том же уровне за все годы наблюдений (24—28 %).

Если проанализировать данные 2021 года с точки зрения социально-демографических характеристик респондентов, то можно обнаружить особенности групп поддержки различных направлений внешней политики РК. Например, центральноазиатский вектор имеет самую высокую поддержку в группе молодежи от 18 до 24 лет (24 %), казахов (18 %), жителей сел (21 %), респондентов со среднедушевым доходом до 50 тысяч тенге (29 %). Российское направление во внешней политике в качестве приоритета рассма-

тривают старшее поколение (55+) (25%), жители городов областного подчинения/ малые города (26%), русские (33%). При этом с точки зрения такого показателя, как доход, опрос показал самую низкую поддержку российского направления в наиболее обеспеченной группе казахстанцев — 9%.

Рисунок 2. Приоритетные цели Казахстана во внешней политике

сравнительные данные, 2008, 2018 и 2021 гг.

Если взять отдельно молодых респондентов до 24 лет, то среди них выявляются самые высокие доли поддержки западного направления (9%) и исламского мира (7%; для сравнения: в самых старших возрастах это направление поддерживает 1% опрошенных). В то же время среди молодежи этого возраста самые небольшие доли приверженцев многовекторности (16%) и сторонников самостийного развития (13%). Что интересно, в этой группе число затруднившихся примерно такое же, как в среднем по выборке (13%).

Представители разных этносов, участвовавшие в опросе, по-разному видят приоритеты внешней политики. Как уже отмечалось, русские называют в качестве главного внешнеполитического направления прежде всего Россию и СНГ, а на второе место ставят опору на национальные/государственные интересы Казахстана; представители других этнических групп в первую очередь поддерживают политику многовекторности (35%) и также национальный путь государства.

Более неоднозначная картина получена по казахам: исследование не выявило явного предпочтения, то есть мнения респондентов-казахов по приоритетам внешней политики находятся в стадии активной трансформации. Но если взять за основу внешнеполитические ориентации молодежи до 24 лет, то она не отказывается от интеграции с внешним миром, однако приоритетными считает тюркско-исламский вектор и западные ценности. К чему нас это приведет — вопрос открытый.

Таблица 1. Приоритетные цели Казахстана во внешней политике

в разрезе характеристик респондентов, 2021 г., в %

	18–24	25–34	35–44	45–54	55+	Казахи	Русские	Другие этносы	ГРЗ	Областной центр	Города областного подчинения	Районные центры/села
Страны Центрально-азиатского региона	24,4	15,1	15,4	11,9	7,4	17,5	6,2	3,3	9,3	7,7	12,6	21,2
Россия и страны СНГ	13,3	9,7	12,8	17,3	24,5	10,0	32,9	10,9	10,4	17,7	25,5	14,4
США и страны западной цивилизации	9,0	8,1	3,8	3,6	3,3	6,7	2,4	4,3	8,8	6,9	2,4	3,7
Страны исламской цивилизации	6,8	4,4	3,6	1,8	0,8	4,2	0,8	2,2	2,5	3,1	3,2	3,8
Тюркский мир, включая Турцию	4,7	5,6	4,9	1,8	2,2	5,0	0,8	2,2	4,3	4,6	3,2	3,2
Соблюдение принципа многовекторности	16,1	22,6	22,3	28,6	27,0	24,3	20,1	34,8	29,5	23,8	26,3	19,7
Собственные государственные интересы	13,3	20,4	20,8	20,5	21,1	18,8	20,9	23,9	20,2	23,1	13,8	19,0
Затрудняюсь ответить	12,5	14,1	16,4	14,6	13,7	13,5	15,9	18,5	15,0	13,1	13,0	15,1

**ЭРГАШЕВ
БАХТИЁР ИСМАИЛОВИЧ**

директор Центра исследовательских инициатив «Ma'no» (Ташкент)

УЗБЕКИСТАН: ВЗГЛЯД НА МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ¹

— Бахтиёр Исмаилович, если говорить в целом, то насколько важен внешний мир для рядового узбекистанца? В какой степени вопросы внешней политики влияют на его жизнь и представления? Какова здесь динамика за последние годы?

— Вопрос о том, насколько внешний мир, внешнее окружение важно для простого жителя Узбекистана, имеет два аспекта. В ходе наших исследований — интервью, фокус-групп — мы видим, что для граждан приоритетны вопросы экономического развития внутри страны: респонденты почти всегда выходят на тематику уровня жизни, устойчивых источников доходов, рабочих мест и безработицы, решения проблем молодых семей, жилья и т. п. Но при этом узбекистанцы довольно активно интересуются событиями во вне. Может быть, не на самом глубоком уровне, но информация есть, и ею интересуются. Почти любой узбекистанец сможет сказать о последних политических событиях не только в соседних странах, но и, например, о событиях в Европе, Америке. И это не зависит от того, житель ли это столичного Ташкента или какого-нибудь районного центра. Например, вопрос об угрозе ядерной войны на территории Украины сейчас стал главным в общении людей между собой, даже дети, школьники обсуждают эту тему. Люди понимают, что то, как будут развиваться события, критически важно для их собственной жизни. Неужели они приобретут катастрофический характер? Я точно могу сказать, что за последнюю неделю², даже чуть больше, это тема номер один.

— Да, внимание к угрозе ядерной войны, причем на довольно близкой территории, вполне ожидаемо. Но это экстраординарная ситуация. А как складывался и менялся интерес к внешнему миру до этого, за последние пять, десять, тридцать лет?

— Я бы сказал, что интерес узбекистанцев к событиям на внешнем фронте никогда не был на первом месте — и в 1995 году в приоритете были темы экономического раз-

¹ Интервью с Бахтиёром Эргашевым взяла Наталья Седова специально для СоциоДиггера.

² Интервью состоялось 25 октября 2022 года.

вития, доходов, рабочих мест, молодежи, выделения земель под жилищное строительство для молодых семей. Остаются они в приоритете и сейчас, через тридцать лет после получения Узбекистаном независимости, потому что это вопросы выживания (хотя, конечно, их состав может со временем меняться).

Интерес к событиям вовне сохраняется примерно на прежнем уровне. Бывали, правда, особые моменты — такие как андижанские события 2005 года, когда были объявлены санкции против отдельных узбекистанцев. Тогда был всплеск общественного интереса к событиям вокруг Узбекистана — со стороны Америки, Европы, Европейского союза, НАТО. И, соответственно, узбекистанцы тоже стали больше узнавать об этих странах и регионах. Другой пример — результат этнических чисток в Южной Киргизии 2010 года. Всех волновало, как разные страны отреагировали и почему. Почему у России такая позиция? Почему у Запада такая позиция? А у Китая какая позиция? Всплески интереса были, но они уходили и все возвращалось к некоторой норме, когда, условно, 30% твоего внимания — это вопросы внутреннего развития, касающиеся лично тебя, твоей семьи и экономического положения.

— *Говоря о пиках интереса, Вы упоминали прежде всего события политического характера. А насколько привлекают внимание другие процессы — социальные, экономические, культурные? Что, например, в интересе к России доминирует в содержательном смысле?*

— Из общения с экспертами из западных стран, особенно из Соединенных Штатов, с дипломатами, с представителями либеральной общественности Узбекистана (которая настроена жестко прозападно) я вижу, что в последние годы они начали продвигать тезис, что узбекское население зомбировано российской пропагандой, работает «зомбоящик Путина», что пророссийские настроения среди простого населения Узбекистана связаны с ежедневной российской пропагандой. Но я бы не оценивал столь высоко эффективность российской пропагандистской машины — пусть и такой большой, государственной. Почему простой узбекистанец интересуется Россией? Потому что у нас 2,5 миллиона человек работает в России, а это значит, что 2,5 миллиона узбекских семей смотрят, какая сейчас погода в России, какие события происходят. Несколько миллионов узбекских семей в той или иной мере зависят от переводов своих детей, братьев, отцов из России. В 2020 году, по сведениям российской статистики, против всех ожиданий увеличилось количество узбекских трудовых мигрантов. И это не пропаганда, а просто получать зарплату в российских рублях стало выгоднее. Есть сильные экономические и человеческие связи, которые делают интересной Россию или, например, Казахстан, где тоже большое количество узбекистанцев живут и работают.

Россия сейчас — главное пространство получения зарубежного высшего образования для узбекистанской молодежи. Из всех постсоветских стран Узбекистан занимает второе место после Казахстана по количеству обучающихся в российских вузах — 40 тысяч. А это значит, что 40 тысяч семей в Узбекистане отслеживают события в стране, где обучается их дочь, сын, внук или внучка. Вот маленький пример. Еду в такси, таксист быстренько на своем сотовом набирает «global-weather», смотрит погоду в Новосибирске. Я спрашиваю: «А почему вы интересовались погодой в Новосибирске?». А он

отвечает: «У меня сын там учится. Там Сибирь, там уже холодно. Думаю послать деньги, чтобы он купил себе там новую зимнюю одежду». Для него это важно. Ему неинтересна погода в Бомбее или в Нью-Йорке, потому что нет у него интереса к этим странам. Его сын, его наследник, учится в Новосибирске, и он хочет, чтобы тот был по погоде одет в Новосибирске.

Сейчас мы видим просто огромный всплеск интереса узбекистанцев к событиям на Украине. Это еще и потому, что довольно значительное количество — несколько сот тысяч узбекистанцев — получили за последние десять-пятнадцать лет гражданство России. Вопросы мобилизации напрямую коснулись людей здесь, в Узбекистане, потому что их родственники или отслужили, или служат сейчас в Российской армии. И таких моментов очень много, это миллионы живых человеческих связей, которые определяют интерес к событиям в России.

У интереса к России мощная экономическая основа. Не будут продаваться узбекские дыни и фрукты в таком объеме в Лондоне и в Вашингтоне. Пока их туда довезешь, они станут золотыми, согласитесь. А Россия была, есть и, наверное, еще долгое время будет главным рынком поставки узбекских фруктов и овощей. И почти каждая сельская семья заинтересована в том, чтобы связи с Россией оставались и развивались. Не будет в таких объемах узбекский текстиль продаваться на рынках ЕС или Америки. В силу логистики российский рынок остается основным рынком сбыта узбекской текстильной продукции наряду с Казахстаном. Из Канады лес пока доедет до Узбекистана, тоже станет золотым. А Россия была, есть и, вероятно, еще долго будет ключевым поставщиком лесоматериалов для жилищного строительства в Узбекистане. У нас нет своего леса, и каждый понимает, что для строительства дома для моего сына я должен купить лес, который придет из России. Или металлический прокат для крупного строительства — его ключевым поставщиком до сих пор остается Россия. Есть налаженные экономические связи, есть логистика. Понятно, что, где, какого качества и у кого что брать, цепочки десятилетиями налажены.

У нас, к сожалению, если и проводятся исследования об отношении узбекистанцев к другим странам, они недоступны. Но могу привести некоторые результаты исследования «Молодежь Центральной Азии», в котором мой центр участвовал в 2016 году. Оно проводилось по заказу фонда Эберта³ и было посвящено молодежным идентичностям. Отвечая на вопрос «Должен ли Узбекистан стремиться наладить отношения с...?» (далее давался список стран), 70% молодых людей до 30 лет, которые участвовали в этом огромном исследовании (а было свыше тысячи анкет, десятки углубленных интервью и фокус-групповых дискуссий), назвали Россию. Второй шла Корея (51%), потом Казахстан (48%), Китай (46%), Европейский союз (41%), США (34%). Подчеркиваю, это молодежь, которая не видела Советский Союз, родилась после 1991 года. В вопросе «На кого необходимо ориентироваться Узбекистану в своем развитии?» тоже чаще называли Россию — 45% (страны Европы — 8%, США — 6%, Китай — 5%, «на себя» — 10%). Так что действительно развитие отношений с Россией в приоритете. И у этого есть как экономические, так и неэкономические причины.

³ Признан в России нежелательной организацией.

— За счет чего формируется интерес к другим странам, на чем он фокусируется?

— Узбекистанцы, например, позитивно относятся к Казахстану, это показывают и результаты исследования, которые я сейчас приводил. Если говорить о причинах интереса к Казахстану, то они, прежде всего, экономические. Во-первых, у Узбекистана и Казахстана нет ни одной отрасли, в которой они бы конкурировали. Ни одной! Ничто из производимого в Узбекистане, не производится в Казахстане. И того, что есть в Казахстане, нет у нас. Например, у нас нет металлов, зерна, поэтому часть зерна и металла из Казахстана экспортируется к нам. Мы им отправляем текстиль, фрукты. У нас взаимно дополняемые экономики. Во-вторых, в Казахстане больше денег, там уровень доходов выше, чем в Узбекистане, поэтому казахстанский рынок интересен для наших производителей, там есть платежеспособный спрос. Что бы ни производилось в Узбекистане, всегда можно найти сбыт в Казахстане. Поэтому сейчас узбекская мебель, узбекская обувь, узбекские автомобили активно заходят в Казахстан. А еще, конечно, Казахстан — это соседняя страна. Сотни лет узбеки, киргизы и казахи жили рядом, сложился симбиоз оседлой земледельческой культуры узбеков и степной, кочевой культуры казахов. Они всегда обменивались, торговали... воевали иногда, конечно. Основу симпатии к Казахстану во многом составляет эта многовековая история взаимоотношений между кочевым и узбекским оседлым населением.

Часть населения в качестве партнеров и ориентиров для Узбекистана видит другие страны. По данным все того же исследования фонда Эберта*, из зарубежных стран в 2017 году популярнее всего для узбекистанцев была Южная Корея — в первую очередь с точки зрения того, с кем нужно работать, на кого можно ориентироваться в экономической деятельности. Южнокорейский бизнес очень широко присутствует в Узбекистане. Кроме того, растет трудовая миграция в Южную Корею. Конечно, это не такие объемы, как в Россию, но, по нашим оценкам, около 100 тысяч узбекистанцев сейчас работают в там.

Есть также молодежь, которая хотела бы и получить образование, и жить на Западе. Этот тренд последние двадцать лет развивается — точных данных у нас нет, но мы видим это по косвенным признакам. Хотя до уровня интереса к России здесь еще далеко.

— А какую роль в изменении интересов и жизненных планов людей играет новый вектор государственной политики в Узбекистане, заявляемая открытость страны? Это действительно меняет ситуацию для рядовых жителей?

— Да, после прихода к власти нового президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в 2017 году у нас действительно развивается политика открытости и выстраивания добрососедских отношений с соседними странами. Ключевой приоритет внешней политики Узбекистана — регион Центральной Азии, а цель — выстраивание пояса добрососедства и партнерства вокруг страны. Это есть и в концепции внешней политики Узбекистана, и в стратегии развития до 2030 года.

При этом Узбекистан начал открываться не только для Центральной Азии, но и для всех стран, активизировал внешнеполитические усилия по всем направлениям. Экономическая открытость — для инвестиций, технологий, новых компетенций — ведет за собой

открытость гуманитарную, образовательную. За последние пять лет у нас открыто более двадцати филиалов зарубежных вузов. Из них больше десяти — российские (в Узбекистане вообще самое большое количество филиалов российских вузов на постсоветском пространстве — если не ошибаюсь, 14). И вузы других стран тоже открывают здесь филиалы — Гонконгский институт менеджмента, американские университеты, английские, корейские.

Также Узбекистан хочет стать туристической страной, в этом направлении поставлены большие цели: увеличить количество туристов с нескольких сот тысяч до 10 миллионов в год. Ковид, конечно, помешал, но уже в этом году мы ожидаем не менее 2 миллионов. А развитие туризма подталкивает к отмене виз. За последние пять лет Узбекистан сделал безвизовый въезд больше чем для пятидесяти стран, позволяющий иностранцу без визы находиться у нас до десяти суток. Так что процесс открытия Узбекистана для мира и открытия Узбекистаном мира идет, и довольно динамично.

— *Вот мы сейчас говорим о поясе дружественных стран, о политике открытости. А есть ли в восприятии узбекистанцев какое-то недружественное внешнее окружение? Есть ли здесь какие-то векторы и факторы, столь же понятные, как в позитивном восприятии внешнего мира?*

— Если у нас есть, пусть даже пятилетней давности, но хоть какие-то данные о том, кого узбекистанцы считают, условно говоря, друзьями, на кого следует ориентироваться, то опросов или отдельных вопросов о том, кого Узбекистану следует опасаться, откуда исходит угроза, я не видел. Поэтому у меня нет результатов новых исследований, чтобы с опорой на них что-то определенно утверждать.

— *Это элемент культуры, политкорректность дискурса, опросного инструментария или что?*

— Наверное, это элементы сложившейся политической культуры в Узбекистане, когда стараются не педализировать подобные вопросы, не портить отношения. А вдруг эти исследования, особенно если они будут публичными, открытыми, покажут некрасивые числа? А потом правительству нужно будет оправдываться. Уж лучше не задавать эти вопросы.

Но, несомненно, Узбекистан довольно настороженно относится к событиям в Афганистане, есть четкое понимание угрозы распространения оттуда радикального джихадистского исламизма. Узбекистанцы с опаской относились, например, к тому, что талибы захватили власть в Кабуле в августе прошлого года. Опросы мы проводить не можем по этим вопросам, но отслеживание социальных сетей показывает очень широкую, глубокую озабоченность событиями в Афганистане и понимание того, что есть опасность распространения экстремизма, терроризма, наркотиков. И есть такой нарратив, который тоже можно отслеживать по социальным сетям, постам, комментариям: что американцы сделали все, чтобы оставить после себя в Афганистане бардак, а теперь нам, странам-соседям, придется этот бардак разбирать.

До этого, в 2005 году, триггером для негативных настроений были андижанские события, в раскручивании которых по сценарию антиконституционного переворота была

видна роль западных стран. После этого против нас санкции ввели, а мы их военную базу убрали из Узбекистана.

В Ферганской долине жители высказывают, особенно в частных разговорах, опасения в отношении Китая, китайской экспансии, прежде всего экономической.

В вопросе взаимоотношений с Россией на современном этапе, на мой взгляд, образовалась некоторая смычка прозападных либерально настроенных узбекистанцев, которые в основном сосредоточены в Ташкенте, в пределах ташкентской кольцевой автодороги, и националистов, раскручивающих широкую волну русофобии. Особенно в связи с нынешними событиями на Украине. Но эта волна не всегда успешна.

Вообще события на Украине после 24 февраля 2022 года очень активно обсуждаются в Узбекистане, в связи с ними появляются разделительные линии внутри семей, между друзьями. Если взять узбекскую часть Facebook⁴, то там немало сообщений такого типа: «У меня в семье меня не понимают. Я за Киев, а мои родители нет. В семье мы перестаем разговаривать. Что происходит?!». Украина в данном случае — это пример событий во внешнем мире, которые касаются многих узбекистанцев, меняют их жизнь. В том числе через родственников, которые стали гражданами этих стран.

Интересный кейс изменения отношения к стране — Турция. К ней до 2017 года относились скорее негативно, там жили бежавшие из Узбекистана оппозиционеры, государственные отношения были испорчены, бизнес в основном был вытеснен из страны. После 2017 года⁵ Турция начала активно работать с Узбекистаном, инвестировать в него, развивать экономическое сотрудничество. Сейчас она уже третий после Китая и России инвестор в узбекскую экономику. Количество совместных узбекско-турецких предприятий — третье после российско-узбекских и узбекско-китайских. Активно работает в Узбекистане турецкий бизнес, увеличилось количество узбекистанцев, уехавших на заработки в Турцию. С усилением экономического взаимодействия растет и общественный интерес к стране, в общественном сознании тоже заметны изменения: уходят негативные нарративы в отношении Турции, появляются позитивные нарративы в отношении турков, турецкой культуры, турецких сериалов. Это очень живой процесс, тренд последних пяти лет, очень явный, четкий и, как мне представляется, долгоиграющий.

— В завершение разговора хотела бы вернуться к вопросу об исследованиях общественного мнения по геополитической повестке, об отношении узбекистанцев к другим странам, народам. Насколько такого рода опросы важны, нужны, могут на что-то влиять? Тем более что, как Вы обратили внимание, с 2015 года подобных исследований не было. Может, они и не нужны, достаточно мнения правящих элит?

— Несомненно, целеполагание — одна из самых важных функций политической элиты любой страны. И когда элита предлагает какие-то внешнеполитические приоритеты, ориентиры — страны, с которыми дружим, страны, с которыми не дружим, — конечно же, она в значительной мере определяет, задает общественные настроения. Но усилия

⁴ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

⁵ 16 апреля жители Турции проголосовали за конституционные поправки, значительно расширяющие полномочия президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана.

элиты будут пустыми, если под ними нет серьезной внутренней поддержки на уровне общественного сознания, некоторого контура общенационального масштаба. Я плохо себе представляю, чтобы завтра кто-то сказал в Узбекистане: «Всё, мы теперь, отворачиваемся от России, бросаем там всё, она теперь наш враг». Или: «С завтрашнего дня у нас главный друг — западные страны, Соединенные Штаты, идем туда». Такая элита не проживет долго. Ты это заявишь, а где миллионы связей — экономических, социальных, которые бы поддерживали твою позицию? Например, внешнеторговый оборот Узбекистана и России по итогам 2021 года достигает 7 миллиардов долларов в год, а Узбекистана и США — 400 миллионов долларов, разница на порядки. И нет в США 40 тысяч студентов из Узбекистана! Там даже тысячи нет. А ведь это все про человеческие связи и личные интересы.

Элита может выдавать какие-то приоритеты, но, если они не основаны на понимании глубинных аспектов общественного сознания, они будут мертворожденными, несмотря ни на какую государственную пропаганду. Государственная машина не сработает, если пойдет против объективных экономических, социальных, гуманитарных вопросов и оснований.

ИНТЕРВЬЮ

В рамках серии интервью мы просили коллег поделиться своими соображениями о том, как граждане их стран воспринимают другие страны, мир в целом, как относятся к важнейшим мировым событиям. Ожидаемое различие взглядов и суждений между экспертами разных стран дополнилось и различием экспертных оценок внутри одной страны, например, в интервью Ю. Шевцова и А. Вардомацкого, представляющих Беларусь. Дифференциация экспертных взглядов подтверждает известный факт, что внутри одной страны может быть более серьезный разброс мнений, чем дифференциация общественного мнения между отдельными странами. Поэтому мы решили, что для профессионального обсуждения неправильно затушевывать противоречия во взглядах, и представляем мнения обоих уважаемых коллег, выступающих с разных позиций. Противоречивый мир — противоречивые эксперты.

**ШЕВЦОВ
ЮРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

политолог, директор
Центра по проблемам
европейской интеграции (Беларусь)

БЕЛАРУСЬ: МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ¹

— Юрий Вячеславович, насколько для жителей Беларуси внешний мир является важным, как он связан с жизненным пространством людей, влияет на него?

— Для Беларуси это особенно важный вопрос, возможно, самый главный с момента распада Советского Союза. К началу 1990-х в БССР доля вывозимой промышленной продукции составляла около 80% от всей производившейся на ее территории, а завозимые извне, в основном из России, энергоносители и разные так называемые промежуточные продукты составляли около 70%. Степень вовлечения белорусской промышленности во внешние связи была громадной, и это определяло соответствующее мировоззрение белорусского политического руководства, да и общества в целом — оно было нацелено вовне. С другой стороны, после войны здесь сформировалась культура, не содержащая языкового национализма, как, например, в Восточной Европе, где традиции языковых национализмов развивались с конца XIX века, или в Прибалтийских республиках, где языковой национализм был важной составляющей национальной идентичности. В Беларуси доминировала советская версия белорусской идентичности, Родиной считался скорее Советский Союз, чем БССР. И благодаря этим двум компонентам, экономическому и культурному, в эпоху распада Советского Союза Беларусь вступила без внутреннего желания этого распада.

¹ Интервью с Юрием Шевцовым взяла Наталья Седова специально для Социодиггера.

Построить здесь национальную государственность на националистических принципах не вышло, хотя попытки развивать сценарий по аналогии с Прибалтийскими республиками и Украиной были, вплоть до выборов 1994 г., приведших к власти Александра Лукашенко. Не вышло, потому что здесь нельзя было закрыть крупные промышленные предприятия, как в Прибалтике, и быстро развить структуры рынка, сбросить куда-то избыточное население, которое не было бы занято на этих предприятиях. Каждый даже небольшой город имел в своей основе крупное градообразующее экспортоориентированное предприятие, и закрытие крупной промышленности, «шоковая терапия» повлекли бы нерешаемые социальные проблемы и гражданскую войну. Собственно, выборы 1994 года и были такой войной без насилия, в ходе которой общество высказалось за того лидера, который решил основные задачи: сохранить близкие отношения с Россией и остановить разрушение государства.

В 1990-х годах здесь возникло и стало развиваться государство, которое поломало все шаблоны в Восточной Европе. Все остальные восточноевропейские страны развивались по одной и той же модели: закрывались крупные промышленные экспортоориентированные предприятия, привязывавшие экономики этих стран к России; приходили к власти националисты с антирусской и антикоммунистической традицией; во внешней политике была взята ориентация на вступление в Европейский союз и в НАТО. Из этой схемы выбивалась только Беларусь, где государственное строительство отталкивалось от тех пунктов в идеологии и ценностях, которые предусматривали скорее восстановление Советского Союза или некой «большой России», нежели построение отторгающего Россию государства. Одновременно, пусть и в необычных формах, но в Беларуси шли рыночные реформы. За тридцать лет тут развился частный сектор (сегодня более половины населения заняты в негосударственном секторе). Сформировался сектор услуг, он стал производить значительную часть внутреннего продукта, потеснив промышленность. Своего рода НЭП. При этом появились социальные группы, ориентированные на свою маленькую частную жизнь, на свое маленькое государство. Национализм вбрасывается сюда извне и противостоит существующей в Беларуси социальной, экономической и культурной мейнстримовой реальности.

При этом есть много аспектов повседневности, связывающих людей с другими странами, на массовом уровне белорусы очень хорошо знают Запад. До 2020 года в стране был самый высокий в мире процент людей, обладавших шенгенскими визами. Люди ездили в Вильнюс, те же студенты, на денек походить по сувенирным улочкам, зайти в кабачки, из Вильнюса летали дешевыми лоукостами по всему миру. Массово ездили в Польшу — из Бреста до Варшавы в два раза ближе, чем до Минска, — всего несколько часов, и вы в Варшаве. Через Гродно привыкли ездить в Белосток на «закупы». У литовцев целые сектора экономики развились на приграничной торговле с Беларусью. Традиционно через Минск и Брест шли поезда из Москвы в Европу, обычно на Берлин. От Минска до Москвы раньше ходили поезда каждый час, это даже более интенсивное движение, чем между Москвой и Петербургом. То же самое по самолетам, автомобильному транспорту. В эту массовую коммуникацию с Западом были вовлечены большие массы белорусского населения в ряде регионов — прежде всего в Минске, Бресте, Гродно.

Население Могилева или Гомеля тоже хорошо знает Запад, но имеет другую традицию коммуникации с ним, связанную с последствиями аварии в Чернобыле. Эта катастрофа прихлась на время распада Советского Союза и больших экономических сложностей в Беларуси. Тогда в охваченные радиацией регионы пришли западные гуманитарные организации, их было огромное количество. Временами их медикаменты составляли основную часть помощи в сельских районах этих областей. Сотни тысяч детей побывали для оздоровления в семьях на Западе, в основном в Италии, Германии, в Ирландии. Жители Могилевской и Гомельской областей, особенно молодежь, в свое время столкнулись с лучшей частью западного общества. Это поколение детей, которое прошло через глубокую коммуникацию с Западом и является одновременно потомками тех, кто помнил Запад совсем другим — по немецкой оккупации. И вот эти факторы совместились. Из этой среды, кстати, вышла Светлана Тихановская, лидер белорусской эмиграции и националистической оппозиции, она в детстве ездила по чернобыльской линии в Ирландию.

В целом можно сказать, что в Беларуси через личное практическое общение с Западом прошло большинство общества, и отказ от западного пути здесь осуществлен сознательно.

— *Выглядит несколько противоречиво — люди постоянно ездили на Запад на «закупы», получали гуманитарную помощь, но при этом сознательно отказываются от западного вектора развития страны. Как Вы это объясняете?*

— В основном белорусы ездили в Польшу и Литву, не самые благополучные страны. Когда житель Минска приезжал в Вильнюс, пока шел с вокзала до старого города, он видел город в ужасном состоянии, огромные контрасты между районами города. Ни в Бресте, ни в Гродно, ни в Минске даже близко нет таких депрессивных частей, как в Вильнюсе. Потом обычные жители Минска видели, что в том же Вильнюсе нечего делать: зашли в пару ресторанчиков, выпили пива, а дальше что? Их музеи для большинства жителей Беларуси неинтересны. Тот же исторический музей, где история Великого княжества Литовского дается в литовской интерпретации, но даже у националистов есть вопросы к литовской идентичности.

Есть еще важные особенности. В Беларуси основная масса населения — православные, правильнее сказать, «советские православные», как в Москве. Но есть и католики — от 800 тысяч до 1,5 миллионов, живут в основном вдоль границы с Литвой. По происхождению они такие же поляки, которые живут на территории Вильнюсского края. С точки зрения литовцев, это не поляки, не славяне, не белорусы, а полонизированные, русифицированные, белорусизированные литовцы-язычники, которых славяне по-разному славянизировали за последние 600 лет. На этом строится политика литуанизации поляков в Вильнюсском крае в Литве. И вот когда в Литву приезжают местные поляки или их потомки, белорусы-католики из Минска, они воспринимают Литву вовсе не с восхищением, потому что о польско-литовских отношениях осталось в памяти много негативного. Кроме того, местные славяне в социальном плане находятся внизу, это бросается в глаза.

Еще один важный аспект связан с приграничными районами. Вдоль границы с Польшей расположены два белорусских областных центра, Брест и Гродно. Они очень специфичны. Брест — это православный город, там много потомков советских офицеров, северных пенсионеров, католиков здесь всего 1—2%. И жители Бреста вовсе не являются носителями польской идентичности, тем более что в Польше есть православные регионы, где у многих родня, и это самая отсталая часть Польши в социально-экономическом отношении. В Гродно доля поляков в местном населении около 20%, они чаще симпатизируют Польше, но тоже далеко не всегда, потому что в польской культуре есть такой феномен, как польская русофилия. То, что мы видим сегодня в Польше, это господство только одной из двух версий польской культуры, русофобской, но в стране сильна и традиция позитивного отношения к России. Поэтому в Беларуси польская идентичность нередко связана с польской русофильской традицией.

— *Насколько в современной Беларуси есть потребность и смысл в изучении общественного мнения, на что оно может повлиять? Кому оно важно, нужно?*

— В Беларуси вокруг этого была большая дискуссия еще лет пятнадцать назад, когда социологические структуры стали активно изучать белорусское общество. В основном они были на западном финансировании, искали ключики, как «взорвать» наше общество. И тогда в стране было введено лицензирование на общенациональные социологические опросы, очень жестко выстроено законодательство относительно социологических исследований. В результате есть всего несколько структур, которые имеют лицензию на проведение общенациональных социологических опросов. Но государственное управление и без них обходится, поэтому особой необходимости в этом просто нет. По крайней мере, в независимых от государства формах эта деятельность невозможна.

**ВАРДОМАЦКИЙ
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ**

доктор социологических наук, кандидат философских наук,
руководитель частной исследовательской лаборатории
аксиометрических исследований «НОВАК» (Минск),
руководитель «Белорусской аналитической мастерской»

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: КООПЕРАЦИЯ — ДА. ВХОЖДЕНИЕ — НЕТ¹

— Андрей Петрович, если говорить в целом, насколько сегодня внешний мир важен для жителей Беларуси, определяет жизнь рядового гражданина страны? Какова динамика интереса к внешнеполитической повестке?

— Конечно, рядовой житель Беларуси не думает постоянно, ежечасно, ежеминутно о том, как разворачивается геополитическая повестка в мировых столицах, о чем говорят и что делают глобальные политики. Но Беларусь, ее жители в силу естественных географических, политических и экономических причин сильнее ощущают значимость геополитического контекста, чем жители больших стран, таких как, например, Китай, США, Россия. Жители больших стран геополитический контекст ощущают через формулу «влияния на». А житель Беларуси — через формулу «зависимость от».

Теперь по поводу динамики. В предшествующие годы речь шла о восприятии России прежде всего в экономическом смысле — как наиболее вероятного места заработка для граждан республики, это было легко осуществить. Житель Беларуси мог сесть вечером в поезд, выпить пива, а утром уже начинать зарабатывать свой первый российский рубль — без бюрократических проволочек, без визы, без языкового барьера, в атмосфере сходной культуры. В отличие от поездок в западные страны, где визово-бюрократическая и языковая составляющая представляли собой некоторую преграду. В последнее время произошла смена вектора трудовой миграции, доминанта сместилась в сторону западных стран. Сейчас показатель потенциала отъезда в страны Запада по экономическим причинам вырос, и это долговременная история.

Геополитическая составляющая значительно актуализировалась в связи с началом СВО на Украине. Подавляющее большинство белорусов не желают, чтобы белорусские войска вступили на территорию Украины для проведения военных действий (85 % в марте и мае, 81 % в сентябре 2022 года). Что касается формирующегося у населения образа событий на Украине, то официально доступные в Беларуси средства массовой

¹ Интервью с Андреем Вардомацким взяла Наталья Седова специально для СоциоДиггера.

информации показывают ситуацию в Украине таким образом, что военные действия ведутся высокоточным оружием и в благородных целях. То есть подается «мягкий» образ. И в целом отношение к СВО сейчас — это консолидация неучастия, «консолидация без флага», если говорить о каких-то политических персоналиях, которые бы могли выступить в качестве флага.

Вообще, геополитические ориентации населения — это такое явление, которое социологически можно измерять очень большим количеством способов. Например, через вопрос о том, хотят ли люди, чтобы Беларусь вошла в состав Российской Федерации в качестве ее субъекта. По данным опросов, на протяжении нескольких десятилетий доля тех, кто этого хочет, составляет 3—5%, и это число держится постоянно. Если респонденту предлагается с одной стороны Российская Федерация, с другой стороны — Европейский союз, а третья опция — вне какого-либо союза, то здесь доминирует внесоюзная ориентация. Если вопрос о том, в союзе с кем было бы лучше жить народу Беларуси — с Российской Федерацией или с Европейским союзом, — имеет только два этих варианта, то мы видим доминанту Российской Федерации, которая постепенно ослабевает. В 2018 году российский «коридор» составлял 60—62% в разные месяцы, в 2019—40—60% (шло поступательное снижение), в 2020—2021 гг. показатель разнонаправленно колебался в коридоре 33—55%. Коридор ЕС в этот же период менялся от 22—25% в 2018 г. до 23—40% в 2020—2022 годах.

Если речь идет о военно-политических союзах, то здесь доминанту составляет внеблоковая ориентация, потом идет ОДКБ, а ориентация на НАТО получает 4—5%. То есть по отношению к НАТО и к вхождению в Российскую Федерацию мы видим примерно одинаковые малые числа (3—5%).

— Вы говорили об экономических мотивах отношения жителей Беларуси к России и о том, что в последнее время идет переориентация на западные страны. С чем связана эта переориентация? Люди стали больше видеть барьеров в отношении России или появился какой-то упрощенный формат во взаимодействии с западными странами?

— Мы понимаем, что нет такого социального явления, в котором бы абсолютно доминировала какая-то одна причина, всегда есть комплекс причин. Жители Беларуси стали ощущать, что на Западе больше возможностей в прагматически-экономическом смысле, западные страны стали восприниматься, как места с большими экономическими возможностями, нежели Россия. Это диктовалось развитием самой экономической ситуации, сыграло роль и поведение работодателей. Одновременно действительно облегчается визовый процесс и формируются привычки путешествий — сегодня Беларусь является чемпионом по количеству выдач виз в другие страны, на Запад. Если раньше поездка на Запад воспринималась как некий прыжок, который довольно сложно сделать, то постепенно это стало привычным бытовым явлением. Информация, которая поступала непосредственно из уст в уста от путешествовавших, сформировала восприятие легкости поездки, что подкреплялось облегчением визовой процедуры. Ушли психологические барьеры, снизился языковой барьер.

Есть здесь и ценностный момент. Мы можем посмотреть данные об иерархии мотиваций и ценностей людей, которые в вопросе о том, в каком союзе было бы лучше

жить, выбирают Россию или ЕС. В структуре мотивации выбирающих Россию первое место заняли общие славянские ценности (табл. 1). А вот среди тех, кто ориентирован на Европу, ценностная составляющая, наоборот, стоит на предпоследнем месте. Зато у них в топе мотивы и ценности рационально-материального характера: возможность путешествовать без виз, новые технологии, широкие возможности выбора места работы, получения образования и проживания (табл. 2). То есть ценностная матрица как бы перевернута. Поэтому и произошла переориентация вектора трудовой миграции. Но когда смещается вектор трудовой миграции, вектор экономического развития, товарооборота, то это тянет за собой и ментальность. Цинично говоря, геополитические ориентации в общем и целом соответствуют структуре товарооборота.

Таблица 1. «Если Вы поддерживаете союз с Россией, оцените от 1 до 9 важность, силу и вес каждого перечисленного ниже фактора, суждения или события, где 1 — абсолютно не важно, 9 — очень важно»

среди поддержавших союз с Россией²

	Среднее
У нас общие славянские ценности	8,25
Россияне — наши братья	8,24
Мы говорим на одном языке	8,23
Когда-то мы жили в одном государстве — Советском Союзе	8,23
У нас общая история	8,19
Мы сражались и страдали вместе во время Второй мировой войны	8,04
Российская Федерация — основной поставщик энергоресурсов для Белоруссии	7,96
Это важно для обороны страны	7,89
Отсутствие виз	7,83
Россия — основной рынок для белорусских товаров	7,80
Союз с Россией принесет Белоруссии экономическое процветание	7,37
Союз с Россией гарантирует геополитическую безопасность для Белоруссии	7,36
Отказ от союза с Россией может привести к серьезным экономическим проблемам	7,34
Россия сейчас на подъеме и быстро развивается	7,25
Отказ от союза с Россией может привести к дестабилизации ситуации в стране и повторению сценария с Украиной	7,04
Союз с Россией сделает мою жизнь более безопасной	7,00
Мои доходы вырастут	6,52
У меня будет больше возможностей выбирать место работы, получения образования и место жительства	6,06

² Исследование проведено в марте 2022 г. Белорусской аналитической мастерской.

Таблица 2. «Если Вы поддерживаете союз с Европой, оцените от 1 до 9 важность, силу и вес каждого перечисленного ниже фактора, суждения или события, где 1 — абсолютно не важно, 9 — очень важно»³

	Среднее
Союз с Европой позволит без визы путешествовать во многие страны мира	8,26
У Европы есть новые технологии	8,01
Больше возможностей выбирать место работы, получения образования и место жительства	7,77
Союз с Европой позволит привлечь инвестиции в белорусскую экономику	7,72
Мои доходы вырастут	7,53
ЕС сейчас на подъеме и быстро развивается	7,46
ЕС поможет белорусской экономике	7,35
Союз с Европой позволит улучшить систему образования в Белоруссии	7,19
Союз с Европой приведет к демократизации белорусского общества и государства	7,10
Союз с Европой сделает жизнь более безопасной	6,59
В ЕС ниже уровень преступности и коррупции	6,35
Вместе с Европой мы будем более защищены в плане обороны страны	6,26
Союз с Европой позволит сохранить национальную культуру	6,11
У нас европейские ценности	5,87
Европейцы — наши братья	5,65

И есть еще одно интересное наблюдение. Возьмем вопрос: «На Ваш взгляд, в каком союзе государств было бы лучше жить народу Белоруссии?» — о котором я уже говорил, и вопрос: «Какой вариант российско-белорусских отношений Вам нравится больше всего?» В первом случае союз с Россией выбирали от 60—62 % в 2018 г. до 42—55 % в 2021 г. Во втором ответ «Белоруссия должна стать частью Российской Федерации» выбрали 3 %, ответ «Белоруссия и Россия должны создать межгосударственный союз» — 14 % (рис. 1). Мы видим существенную разницу, и в качестве вывода я бы предложил такую формулу геополитического массового сознания белорусов относительно Российской Федерации: «Кооперация — да. Вхождение — нет».

³ Исследование проведено в марте 2022 г. Белорусской аналитической мастерской.

Рисунок 1. «Какой вариант российско-белорусских отношений Вам нравится больше всего?»⁴

— Как Вам кажется, насколько актуальны сейчас исследования общественного мнения вот по такого рода геополитическим вопросам для Беларуси? Насколько понимание массовых настроений важно, например, с точки зрения формирования внешней политики государства? Есть в этих исследованиях какой-то практический смысл?

— Глубинный смысл этого вопроса заключается в том, что есть особенности взаимодействия общественного мнения и принятия больших политических решений большими лидерами страны. В Беларуси нет такой прямой связи, в отличие от западных стран. Мы можем привести массу примеров, когда общественное мнение не повлияло на принятие решений. Не будет смотреть лидер страны, нравится или не нравится людям, что он встречается с лидером Х-Джонсоном или с лидером Y-Ивановым. Но в нынешней ситуации военного конфликта на Украине роль и влияние общественного мнения усиливается. Потому что это связано с политическим будущим лица, принимающего решения. Я говорил уже, что 81 % белорусов не хотят вступления белорусских войск на территорию Украины, и лицо, принимающее решение по этому поводу, понимает последствия, к которым приведет такой шаг. Есть и понимание того, что общественное мнение граждан в целом и мнение внутри воинских подразделений — это сообщающиеся сосуды. Общественное мнение большинства граждан «перетекает» в воинские подразделения, и это тоже имеет свои последствия. Сегодня сложилась особая ситуация, очень чувствительная, когда взаимовлияние общественного мнения и принятия политического решения много сильнее, чем обычно. Общественное мнение стало значимой детерминантой поведения политического лидера страны.

⁴ Исследование проведено в марте 2022 г. Белорусской аналитической мастерской.

**НАВАСАРДЯН
АРАМ ЮРЬЕВИЧ**

директор «Эмо Пи Джи», президент
Армянской Ассоциации Маркетинга

АРМЕНИЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ ВНЕШНЕГО МИРА¹

— Арам, давайте начнем с самого общего рамочного вопроса: насколько вообще внешний мир для рядового жителя Армении сегодня важен, значим? Внешняя политика, геополитика — включены ли эти темы в общественный дискурс, как влияют на жизнь рядового гражданина, какая в этой сфере наблюдается динамика?

— До 2018 года общество было весьма политизированным, люди интересовались не только внутренними политическими событиями, но и внешняя повестка была у всех на устах, интересовала обывателя — процессы в России, в Европе, в Америке. В 2018 году, после революции², произошел всплеск внимания к внутренним процессам. События 2020 года³ снова направили взоры наших людей на внешнюю политику, на отношение основных игроков к Армении. Такая вот динамика, переключение внимания с внешнеполитической обстановки на внутреннюю и обратно.

— А есть ли какие-то значимые отличия в этой включенности во внешнеполитический дискурс среди разных социальных групп, слоев или же можно говорить о некотором «обывателе» в целом?

— Конечно, эта динамика интереса и включенность характерны в первую очередь для жителей Еревана и больших городов, таких как Гюмри, Ванадзор. Другие региональные центры и сельские поселения менее вовлечены во внешнеполитический дискурс. Если же говорить про Ереван, то здесь наиболее активны люди 30 лет и старше. Молодое население не интересуется этой повесткой.

¹ Интервью с Арамом Навасардяном взяла Наталья Седова специально для СоциоДиггера.

² «Бархатная революция» в Армении, в результате которой премьер-министр Серж Саргсян и правительство ушли в отставку, премьер-министром стал Никол Пашинян.

³ Массовые протесты против премьер-министра Армении Никола Пашиняна после подписания соглашения о прекращении военных действий в Нагорном Карабахе.

— Несколько неожиданное наблюдение. Ожидаемым был бы интерес к внешнему миру именно со стороны молодежи — применительно к собственным жизненным стратегиям, профессиональным перспективам и т. д. То есть сейчас нет выраженного тренда на освоение зарубежного пространства молодежью или он как-то специфично локализован?

— У нас в этом плане все очень разновекторно. Хотя, конечно, в процесс самой революции молодежь была активно вовлечена (не берусь сейчас говорить — сама ли или ее вовлекли в эти процессы).

Если же смотреть глобально, куда обращены взоры молодежи, то, конечно, больше на Европу и в Америку. Есть часть молодежи, трудовые мигранты, которые до последнего времени ориентировались на Россию как на страну, куда можно приехать и устраивать там свою жизнь. Но в нынешней ситуации взгляды тех, кто не хочет оставаться в Армении, направлены в основном на США и Европу. И это связано не только с тем, что у них есть представления об Америке или о Европе как о развитых странах, лидерах экономики с возможностями самореализации. Здесь работает фактор диаспоры — у нас одна из самых больших диаспор в Америке, соответственно, встать на ноги и реализоваться под ее «присмотром» более комфортно.

— А какие есть особенности в восприятии жителями Армении разных стран как дружественных и недружественных? Какие векторы настроений сегодня в этом смысле прорисовываются как самые сильные, актуальные?

— Когда я говорю, что большинство из тех, кто хочет уехать из Армении, смотрят на Америку, это не значит, что они плохо относятся к России. Здесь речь не о противоречиях или о политическом выборе. Только об экономической обоснованности и возможностях самореализоваться на том или ином рынке. Подчеркну, выбор тут не политизированный, а экономический, рациональный.

Если же идти по дружественным странам, то это, конечно же, пока что Россия. Но в последние десять лет динамика меняется не в пользу России. Опять же, я сейчас не готов говорить насчет того, меняется ли эта динамика естественным образом или над этим работают какие-то страны, но мы регистрируем заметный спад интереса и дружественности к России. Особенно с учетом последних событий, которые происходят очень активно и очень быстро в Армении, в России и вообще в глобальном мире.

За Россией следуют США, Франция, Грузия. Уверен, что сейчас, исходя из событий последних трех-четырех месяцев, в этом списке появится Иран — все очень динамично меняется.

— Вы говорили, что на отношение жителей Армении к другим странам сильное влияние оказывает большая армянская диаспора. Говорили об экономических сюжетах, о влиянии текущих актуальных событий. А какие еще есть значимые факторы?

— Самый важный фактор, который обуславливает изменения в общественных настроениях трех-четырех последних месяцев и в целом после 2020 года, — это фактор ста-

бильности и безопасности. Он превалирует над экономической, культурной и другими составляющими. Почему я говорю про Иран? Потому что в сентябре, когда было нападение Азербайджана на территорию Армении⁴, мы увидели со стороны России не очень понятную для населения реакцию, которая воспринимается как нежелание брать на себя ответственность и соблюдать обязательства, записанные в договоре о взаимной помощи между Россией и Арменией. Приходится выуживать какие-то комментарии со стороны России, которые позволили бы армянскому обществу понимать, что да — Россия наш друг, наш союзник, что она поможет в любой ситуации. В этой связи Россия постепенно теряет свои позиции, к сожалению.

На этом фоне мы видим четко сформулированную позицию Ирана, представители которого не раз на высоком уровне заявляли, что не потерпят никаких изменений границ в регионе. Они сейчас проводят широкомасштабные учения на границе с Азербайджаном, давая понять, что будут вовлечены в процесс в случае агрессии со стороны — есть слова и есть действия, формирующие общественное восприятие. Да, Иран — мусульманская страна, а Армения — христианская. Но с учетом противоречий между Ираном и Турцией как союзником НАТО можно сказать, что сейчас наши интересы во многом близки.

Кстати, на армяно-азербайджанском конфликте играют и прозападные силы. От американской и европейской стороны хотя бы формально признана агрессия со стороны Азербайджана; может, это только слова, но они фиксируются в сознании людей как признак поддержки со стороны европейцев и американцев.

— *Вы еще называли Грузию как один из векторов усиления позитивного восприятия. С чем этот тренд связан?*

— Мы живем в регионе, где единственная рядом расположенная христианская страна — это Грузия. На протяжении последних тридцати лет она стабильно выстраивала свою политику в отношении Армении на основе добрососедства, у нас практически нет проблематичных вопросов. И при этом еще Грузия является единственным выходом для наземных сообщений Армении с Европой и другими частями света. Выход к морю — тоже через Грузию. Есть возможность и через Иран, но Грузия — более доступный и близкий вариант. Для нас фактор транспортных коммуникаций критически важен, у нас блокада с 1991 года, закрыты все границы с Азербайджаном и Турцией.

— *Вы сейчас говорите о возможностях для международной экономической деятельности, которые дает путь через Грузию, и это понятный и важный фактор с точки зрения взаимодействия государств, бизнеса. А как к Грузии относится население Армении, что для простых людей важно в отношении к этой стране?*

— У нас традиционно очень хорошие отношения и грузин к армянам, и армян к грузинам. Большая наша диаспора живет в Грузии, есть регионы, где в некоторых селах критическое большинство жителей составляют армяне, например Джавахк. Здесь работает и религиозный фактор, но не только он. Исторически так сложилось, что у нас

---

⁴ Вооруженный конфликт на границе Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе.

практически не было конфликтов с грузинами. Они тоже древний народ, и тоже с древних времен живут в этом регионе. И вот на протяжении всей этой долгой истории соседства, кроме мелких каких-то вопросов, у нас с Грузией не было серьезных трений.

— *А какие страны или, может быть, группы стран воспринимаются сейчас в Армении как недружественные?*

— Турция и Азербайджан — это страны, от которых исходит угроза. Ситуация настолько понятная, объяснимая, четко проявленная, что не нужно искать каких-то других вариантов. Да, может быть, какой-то маленький процент населения говорит, что проблематичные отношения есть с Россией, с Израилем. Но есть основная угроза, которая исходит не потенциально, а в реальности. Стреляют сейчас, и очень близко. Соответственно, думать о каких-то других, потенциальных угрозах — контрпродуктивно.

Мы в наших исследованиях на протяжении двадцати лет задаем вопрос, какие проблемы люди считают основными для Армении. До 2020 года на первые места выходили экономические и социальные проблемы. На пятом-шестом месте шел нерешенный вопрос Карабаха. В последние два года во всех наших опросах проблема номер один — это вопрос безопасности. Остальные проблемы в первой пятерке — вопросы, связанные с безопасностью. А все другие ранее актуальные вопросы уходят вниз рейтинга. То есть в восприятии людей все поломалось, они думают совершенно по-другому, на своей коже чувствуют, что если вопрос безопасности не решен, то все остальные вопросы — ничтожные. Приведу пример. Буквально два месяца назад было нападение на Армению в районе Джермука и Сисиана. Джермук — это курортная зона, оттуда в течение полудня выехало семь тысяч людей, все гостиницы перестали работать, более ста квартир и домов были уничтожены. Никто не знает, что произойдет на следующий день, планировать и о чем-то задумываться на будущее стало бесполезным занятием.

— *Да, сложившаяся ситуация радикально меняет фокус и всю схему восприятия внешнего мира. В такой ситуации остается место для какой-то рефлексии в отношении других стран региона, может быть, где-то на периферии общественного сознания? Как сегодня происходит осмысление отношений, например, с Казахстаном, Узбекистаном, другими странами?*

— Страны, которые вы отметили, воспринимаются как части бывшего Советского Союза. И, может быть, как что-то близкое к России. То есть в любом случае мы тут говорим о векторе Россия — Армения. Россия по массе своей — по объему, по территории — настолько большая, что по закону притяжения затмевает все остальные страны. Мы, Армения, от вас, России, далеко, на расстоянии, но мы для вас как Луна для Земли. Поэтому что все вокруг и рядом.

— *Очень поэтичный и яркий образ 😊 Как Вы думаете, исследования общественного мнения по вопросам восприятия себя и мира, своей страны и других стран — насколько они важны сейчас? Особенно в моменте, когда от этого самого общественного мнения, как кажется, почти ничего не зависит.*

— Исследования очень важны для понимания ситуации. Вот камень в ваш огород, в огород России: зачастую эксперты и власти в России думают, что они знают и понимают, что может и что не может произойти у нас или в других странах. Это шапкозакидательское отношение — одна из причин того, как складывается ситуация на Украине, в Грузии, в Армении. Сегодня не только Россия действует и работает в Армении, но и многие другие страны. Наш регион (не только страна) интересен очень многим центрам силы, и они проводят работу по укреплению одних связей и по ослаблению других. Соответственно, это нужно постоянно мониторить, чтобы вовремя корректировать те или иные действия. Вот американцы и европейские страны на постоянной основе проводят очень детальные исследования и смотрят, как и почему меняются различные векторы настроений. Российская сторона тоже проводит исследования, но если сравнивать их объемы и частоту, то это, конечно, несоизмеримо.

И здесь два ключевых вопроса. Первый: векторы меняются, потому что меняются, или потому что их меняют? На него нужно отвечать в первую очередь. А второй вопрос состоит в том, как данные исследований читаются, правильно ли понимаются, делаются ли по ним выводы и что на этой основе делается по исправлению ситуации? Это тоже вопросы, которые требуют осмысления и очень большой работы.

ЦЭЦЭНБИЛЭГ ЦЭВЭЭНИЙ

Ph. D., доцент кафедры социальной педагогики
Института иностранных языков РУДН;
главный научный сотрудник Института философии
АН Монголии; президент НКО «Оператив»,
г. Улан-Батор, Монголия

МОНГОЛЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИХ СТРАН¹

— Цэцэнбилэг, давайте начнем разговор с самого общего, рамочного вопроса. На сколько внешний мир, то, что происходит в других странах, важно для обычного жителя Монголии, определяет его повседневность?

— Понятие «простой житель Монголии» сложно применить. Очень важно, городской это житель или сельский, малообразованный или образованный. Потому что малообразованные, как правило, за внешним миром не следят, у них очень узкий круг интересов — бытовые проблемы, проблемы выживания. Но при этом монголы как кочевая нация, номады, скотоводы — они очень любознательные и открытые. Например, я встречала в степи американца — без знания языка взял в аренду лошадь и едет по степи, живет у скотоводов. Скотоводы ведь живут по две-три семьи, кругом степь и скот, взаимопомощь в таких обстоятельствах — необходимый механизм выживания.

Еще важно иметь в виду, что население Монголии составляет немногим более трех миллионов человек на всю страну, у нас плотность населения одна из самых низких. За внешними событиями все должны следить, когда страна маленькая, а у нас ситуация другая — страна большая, но население маленькое.

Но в целом вопросы геополитики для Монголии, конечно, очень важны. Мы — страна-буфер между двумя имперскими державами, Россией и Китаем. Континентальная страна, выходы к морю тоже только через Россию и Китай. Поэтому у нас во внешней политике с 1990-х годов с легкой руки американцев была и существует стратегия «Дипломатия третьего соседа». «Третий сосед» — это условное понятие, им может быть любая страна, с которой у нас имеется стратегическое сотрудничество, это может быть и Америка, и Япония, и Корея, и Европа. Суть стратегии — не быть закрытыми между двумя соседями, поддерживать многополюсность, открытость внешнему миру, участие в международных организациях, таких как ООН.

— А если говорить о главных особенностях представлений монголов о мире, то кого они считают другом, а с кем складываются напряженные отношения? Какие сейчас векторы позитивного и негативного восприятия внешнего мира?

¹ Интервью с Цэвээний Цэцэнбилэг взяла Наталья Седова специально для СоциоДиггера.

— Давайте начнем с истории, со времен Хуннской империи на территории нынешней Монголии. Она тогда завоевывала Китай, и династия Хань построила Великую стену, отгораживаясь от захватчиков. В этой связи есть еще исторический анекдот: «Велик тот народ, который построил такую великую стену! — Велик тот народ, от которого защищаются такой стеной!». То есть существует историческое противостояние между, условно, оседлостью и номадностью. С Севером у нас не было войн, там были близкие нам сибирские, лесные племена, монголоязычные или тюркоязычные эвенки, вены, алтайские народы. Но в XVII—XVIII веках начались российские завоевания Сибири, бурятов начали ассимилировать и т. д. И появилась опаска уже в отношении русских, которых называли «Цаган-хан», то есть белый царь. Так сложилось наше восприятие себя как страны между двумя империями: с одной стороны Цин, с другой — Белое царство. Сформировалась геополитическая осторожность.

В 1921 году, когда нужна была помощь в защите от клики, пришедшей после распада Цинской империи, делегация во главе в Сухэ-Батором обратилась к России. Началось социалистическое строительство, это было время дружбы народов, политика добрососедства, помощи друг другу, время легендарных конных дивизий, которые монгольский народ посылал на помощь России во время Великой Отечественной войны. В 1960-х годах, когда Советский Союз поссорился с Мао Цзэдуном, у нас тоже расстроились отношения с Китаем. То есть Россия продолжала рассматриваться как братская страна, а с Китаем отношения были осторожные.

Эти исторические параллели воспроизводятся и сейчас. По данным исследований «Сант Марал», при ответах на вопрос «Кого Вы считаете самым лучшим партнером для Монголии?» всегда лидировала Россия. Так, в 2010 году Россия получила 75,7% среди всех опрошенных по стране (среди более традиционных жителей села — 86%), а в 2019 году показатель поднялся на 10 п. п., стало 85,2% (на селе 89,7%).

На втором месте Китай, причем его показатель тоже подрос (с 18,8% до 27,3%), далее следуют США (19,9%). Также в этом списке Япония, Корея, страны ЕС. Почему, несмотря на исторические параллели, на втором месте Китай? Потому что сейчас в экономике мы очень сильно от него зависим, из Китая идет мощный экспорт товаров, для людей это важно.

Если говорить о том, с какой страной монголы хорошо ладят и находят общий язык, то здесь в 2010 году тоже на первом месте была Россия (62,4%), к 2019 году показатель снизился на 10 п. п. (52,4%, табл. 2). Обратная тенденция наблюдается в отношении к Южной Корее: показатель за десять лет вырос более чем в два раза (с 26,3% в 2010 до 59,7% в 2019 году). Основные факторы изменений отношения к Корее связаны с тем, что очень много монголов поехало туда учиться и многие там работают, это сегодня одна из самых мощных стран — реципиентов трудовых мигрантов. Кроме того, большое влияние на настроения жителей Монголии оказывают средства массовой информации и современная корейская культура. Сейчас у нас очень популярно кино, последние двадцать-тридцать лет постоянно показывают корейские фильмы, как когда-то крутили латиноамериканские сериалы типа «Рабыни Изауры». Очень популярен k-pop (Korean pop — музыкальный жанр), и это не только в Монголии, но и по всему миру, эти все BTS (южнокорейский бойз-бэнд) и так далее.

Таблица 1. Лучшая страна — партнер Монголии

респонденты могли выбрать 2 варианта ответа, в %

	Россия	Китай	США	ЕС	Япония	Республика Корея
2010 Всего	75,7	18,8	27,4	10,6	15,8	11,4
2010 Улаанбаатар	60,5	23,2	35,5	18,4	22,4	8,8
2010 Село	86,0	15,9	22,0	5,4	11,3	13,2
2019 Всего	85,2	27,3	19,9	13,9	23,5	15,8
2019 Улаанбаатар	80,1	28,3	19,9	16,3	28,5	15,6
2019 Село	89,7	26,5	19,9	11,8	19,2	15,9

Источник: Политический барометр № 7 (40), апрель 2010 г. Фонд «Сант Марал». Политический барометр № 18 (52), март 2019 г. Фонд «Сант Марал». Опрошено 1200 человек в 7 аймаках и г. Улан-Батор.

Таблица 2. «На Ваш взгляд, с какой страной монголы хорошо ладят и находят общий язык?»

респонденты могли выбрать 2 варианта ответа, в %

	Россия	Китай	США	ЕС	Япония	Республика Корея
2010 всего	62,4	30,4	12,3	4,8	13,4	26,3
2010 Улаанбаатар	53,9	37,4	14,1	7,0	17,1	29,0
2010 Село	68,1	25,6	11,1	3,3	10,9	24,4
2019 всего	52,4	26,4	10,1	7,8	20,3	59,7
2019 Улаанбаатар	50,7	26,7	11,6	11,4	20,5	58,4
2019 Село	53,8	26,1	8,8	4,7	20,2	60,8

Источник: Политический барометр № 7 (40), апрель 2010 г. Фонд «Сант Марал». Политический барометр № 18 (52), март 2019 г. Фонд «Сант Марал». Опрошено 1200 человек в 7 аймаках и г. Улан-Батор.

Наше исследование «Восприятие стран и пространства Евразии» 2022 г. также фиксирует наиболее положительное отношение к России (суммарно 61,7% оценок «очень положительно» и «положительно»), на втором месте — Республика Корея (43%, табл. 3). При этом из российской культуры лучше всего люди знают кино, сказки, легенды, музыку. Кино — это прежде всего «С легким паром» и другие советские фильмы. Сказки — о Колобке, о золотой рыбке — все они давно адаптированы, во всех учебниках по литературе. Это все наследие тех самых семидесяти советских лет.

Таблица 3. Восприятие жителями Монголии стран на пространстве Евразии, %

	Очень положительно (6)	Положительно (5)	Скорее положительно (4)	Скорее отрицательно (3)	Отрицательно (2)	Очень отрицательно (1)	Не знаю	Среднее арифм. значение (1–6)
Китай	2,6	11,3	26,4	22,4	18,8	10,8	7,7	3,18
Казахстан	2,9	14,3	34,8	19,9	5,2	1,2	21,7	3,82
Россия	16,9	44,8	25,9	4,2	1,4	0,6	6,2	4,74
Республика Корея	9,5	33,5	34,2	8,8	2,5	0,4	11,0	4,42
Индия	4,3	12,4	36,0	16,5	6,1	1,2	23,6	3,86
Турция	6,2	13,0	32,9	17,1	7,1	1,6	22,1	3,86

Источник: Исследование «Восприятие стран и пространства Евразии», проведено при поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии, совместного проекта № 19-511-44012 «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства» Приводятся данные первой части исследования, проведенного в сентябре — октябре 2020 года среди сельских жителей в 6 аймаках (приграничных, отдаленных от российской границы и традиционных).

— Когда мы говорили про Китай, Вы обратили внимание на исторические и экономические причины его восприятия. Применительно к Корее акцент сильнее сделали на культуре. Все же что в восприятии монголами внешнего мира важнее, что является доминирующим — история, экономика, культура, личные жизненные стратегии?

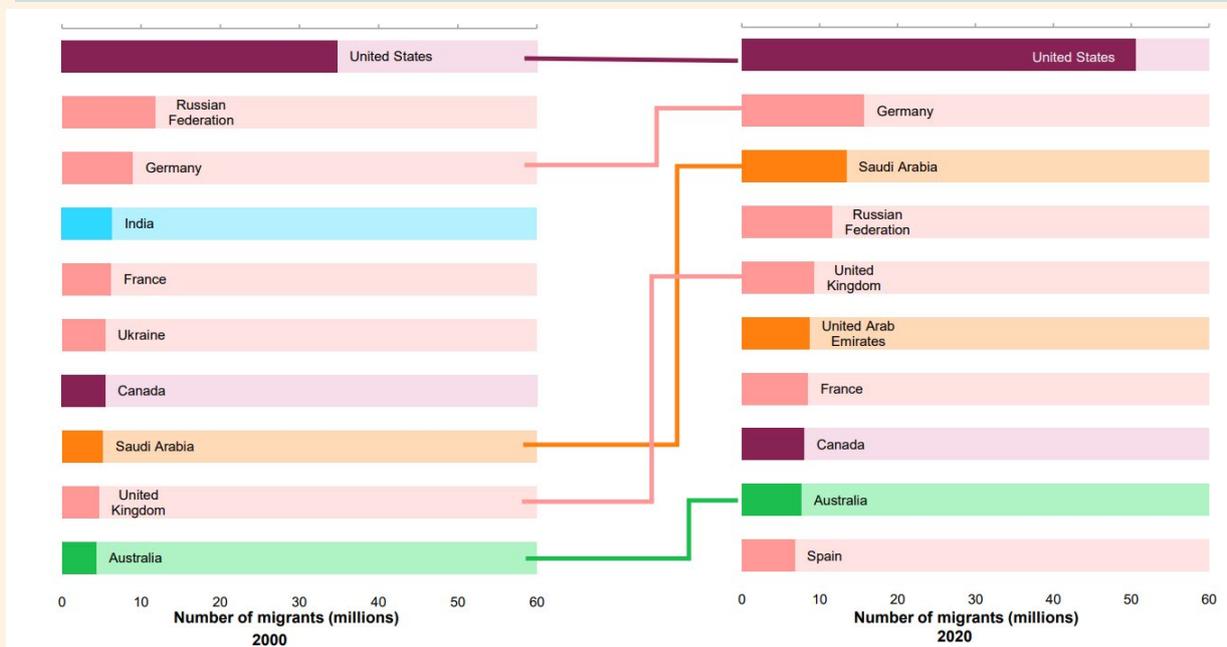
— В отношении к Корее вряд ли можно говорить об исторических составляющих. Здесь скорее работают культурные и экономические причины. Как я сказала, Корея — это страна — реципиент рабочей миграции, люди едут туда на заработки, потом возвращаются с воспринятой там культурой, воспитанием, привычками. Нам в принципе легче выехать в Корею, а труднее всего в Америку. Но у нас многие живут и в Японии, в США, в ЕС, многие учились и учатся в разных странах. Вообще монголы очень адаптивные, быстро приспосабливаются ко всем культуральным особенностям, начинают разговаривать на местном языке.

Что касается Америки, то она была гегемоном, образ американца был культурным аттрактором для всей планеты. «Где лучше всего живется? — В Америке!» А образ благополучной страны сильно влияет на отношение к ней. Демократия — это Америка, благополучие — это Америка. Развитые страны — Америка, Япония, Европа — это все такие социальные и культурные аттракторы.

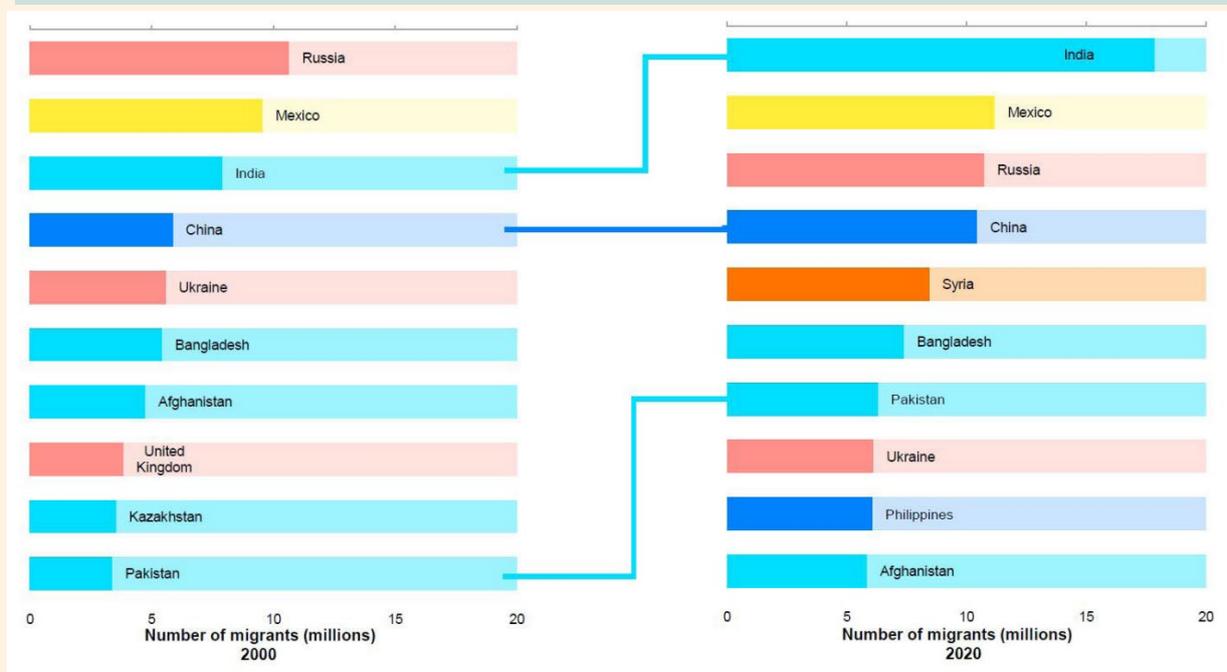
Я приведу данные о том, жители каких стран больше всего мигрируют и какие страны больше всего принимают мигрантов (рис. 1 и 2). С 1990 года традиционно больше всего людей принимали США и Россия, в 2019 году показатель России несколько снизился, ее обогнали Германия и Саудовская Аравия. По выездам россияне тоже в числе самых активных — в 2015 году наиболее массово выезжали из Индии, Мексики, Китая, России, Бангладеш. В 2019 году в это число попала Сирия. Глядя на эти данные, применительно

к вопросу о факторах привлекательности тех или иных стран я бы говорила о некоторой глобальной тенденции: люди ищут место, где лучше.

Рисунок 1. Десять стран, принимающих наибольшее число международных мигрантов (миллионы человек)²

Рисунок 2. Десять ведущих стран происхождения международных мигрантов по регионам, 2000 и 2020 гг. (миллионы человек)³

² Источник: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights (ST/ESA/SER.A/452).

³ Источник: там же.

— Вы привели буквально говорящие данные миграционной статистики, которые позволяют делать далеко идущие выводы. В этой связи насколько, на Ваш взгляд, важны исследования общественного мнения по вопросам геополитики? Востребованы ли они у Вас в стране, кем? Интерес к ним носит сугубо научный характер или за ним стоит какой-то практический запрос?

— У нас есть несколько организаций, занимающихся исследованиями, как в России ВЦИОМ, «Левада-Центр»⁴, ФОМ, — например, компания «Сант Марал», ММСГ и т. д. Такие компании постоянно проводят подобные исследования, у каждой есть свои «фишечные» замеры, барометры. Они интересны всем, их публикуют и показывают в СМИ, они очень интересны политикам, особенно в период предвыборных кампаний. Вообще, в предвыборный период информация об исследованиях становится очень значима, общественное мнение сильно влияет на ситуацию. К тому же у нас появилась такая тенденция: если раньше люди выбирали партию, то теперь больше внимания обращают на конкретных кандидатов. Поэтому то, как позиции партий и лидеров по геополитическим вопросам соотносятся с мнением людей, становится очень важным.

---

⁴ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агента».

**ЯКИМОВА
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА**

кандидат социологических наук, редактор-переводчик
департамента издательских программ ВЦИОМ

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Текст подготовлен на основе материалов текущего номера СоциоДиггера и представляет собой их аналитическое резюме, цель которого — выявить основные тренды восприятия народами стран Евразии друг друга в условиях актуальной геополитической реальности.

Не успело научное сообщество отрефлексировать глобальные трансформации 2020—2021 годов, принесенные пандемией COVID-19 практически во все сферы нашей жизни, как 2022 год положил начало глубоким геополитическим изменениям, переструктурирующим мировую экономику, миграционные потоки и социальные связи. В этом выпуске мы сфокусировались на социологическом аспекте проблемы и собрали мнения экспертов о том, как в условиях геополитического шторма у людей меняется восприятие себя и мира, собственной страны и других государств. Какие в этом контексте можно выделить тренды?

На постсоветском пространстве отношение к России постепенно перестает определяться через призму советского наследия (в зависимости от оценки роли СССР в истории каждой из стран) и обретает сложную структуру, основанную на элементах, находящихся в нелинейной взаимосвязи и формирующихся под влиянием разных факторов¹:

- ⇒ происходит дифференциация отношения к России как государству и народу России как нации (оценки государства России и русских как национальной группы совпадают меньше, чем раньше; одновременно увеличиваются различия в комплексных эмоционально-рациональных оценках и взглядах на конкретные внешнеполитические действия и политику России);
- ⇒ падает значимость России на постсоветском пространстве (безусловная значимость России стала ставиться под сомнение);

¹ Подробнее см. в материале А. Андреевской [«Отношение к России в постсоветских странах — от ностальгии к ценностям»](#).

- ⇒ отношение к России начинает определяться не столько прошлым, сколько представлениями о будущем (новой государственной идентичностью и взглядами на национальное государство);
- ⇒ возрастает роль ценностных факторов (при формировании внешнеполитических ориентаций мировоззренческие факторы становятся важнее, чем действия или политика самого объекта этих ориентаций).

Перечисленные закономерности обуславливают ряд развивающихся, устойчивых, а также затухающих в настоящее время трендов. На основе представленных в номере материалов мы выделили среди них семь ключевых.

Развивающиеся тренды

Т1: Внутренняя диверсификация образа России и отношения к ней внутри разных стран, множественность и разноплановость оснований для формирования мнения о России у разных групп². В основании формирования данного тренда лежат как внешние факторы (политика России в отношении родной страны и значимых других стран; процессы, происходящие в России и их отражение в международных СМИ), так и внутренние (ценностное расслоение внутри постсоветских обществ в отношении терминальных общеполитических приоритетов в выборе направления развития страны и инструментальных ценностей достижения этих целей).

В данном контексте для ряда государств — например, Казахстана, Армении, Монголии, — новым трендом оказывается отказ от приоритетной ориентации на Россию во внешней политике и выстраивание многополярного и многовекторного внешнеполитического курса (так называемая «стратегия третьего соседа»³) с приоритетной ориентацией на страны Запада — США, ЕС и другие развитые государства, такие как Япония и Южная Корея, а также на ближайших соседей — Грузию, Турцию, Иран. Например, приоритетом молодежи Казахстана в возрасте до 24 лет является сочетание тюркско-исламского вектора с западными ценностями при сохранении ориентации на интеграцию с внешним миром⁴.

Подобная тенденция отмечается в Беларуси, где, с одной стороны, задан официальный ориентир на построение сильного государства, сохраняющего близкие, тесные политические и экономические отношения с Россией⁵, а с другой — на уровне массового сознания отмечается снижение доминанты Российской Федерации в выстраивании межстрановых партнерских отношений⁶. Вектор трудовой миграции в Беларуси смещается в сторону западных стран⁷, а молодое поколение мировоззренчески формируется

² Там же.

³ Подробнее см. в материале Цэцэнбилэг Цэвээний «Монголы и их восприятие других стран».

⁴ Подробнее см. в материале Г. Илеуовой «Внешиполитические предпочтения казахстанцев: каждый седьмой — неопределившийся».

⁵ Подробнее см. в материале Ю. Шевцова «Беларусь: между Россией и Европой».

⁶ Подробнее см. в материале А. Вардомацкого «Беларусь и Россия: кооперация — да. вхождение — нет».

⁷ Там же.

и развивается как часть восточноевропейского сообщества⁸. Приоритет на развитие и налаживание добрососедских отношений с Россией сохраняется в Узбекистане⁹, что обусловлено экономическими (бизнес, миграция) и неэкономическими (получение образования) причинами. Однако и там растет процент людей (преимущественно молодежи), ориентирующихся в своих жизненных планах на получение западного образования, работу и ПМЖ на Западе.

T2: Деактуализация китайской угрозы на уровне массового сознания россиян¹⁰.

Основанием возникновения тренда стало изменение геополитического контекста: на фоне острейшего военно-политического противостояния с Западом, угрожающего перейти в военный конфликт, устоявшееся представление россиян о «китайской угрозе» — опасение по поводу демографического и экономического давления с востока — деактуализировалось. В таких условиях растет число россиян, воспринимающих Китай как дружественное государство, а доля наших соотечественников, признающих наличие социокультурной дистанции между собой и жителями Поднебесной, наоборот, сокращается. Россияне рассчитывают на помощь Китая в преодолении последствий западных санкций.

T3: Изменение вектора интеграционных процессов стран ЕАЭС¹¹. Беспрецедентное западное давление на Россию и регулярно вводимые против нее санкционные ограничения обусловили возникновение тенденции эрозии интеграционного пространства стран Содружества Независимых Государств. ЕАЭС фактически переживает мощнейший стресс-тест за все время своего функционирования с 2000 года. В условиях геополитического шторма страны ЕАЭС сохраняют интерес к интеграционным процессам, однако меняют акценты — интеграция трансформируется из инструмента по коллективному встраиванию в глобальную экономику в сторону инструмента по выживанию и конструированию самостоятельного экономико-технологического полюса.

Устойчивые тренды

T4: Разнонаправленное движение стран постсоветского пространства, увеличение различий в отношении их населения к России¹². В рамках этого тренда выделяются три группы стран.

Группа № 1: Позитивное, эмоционально окрашенное отношение к России, в основе которого лежит общее культурно-историческое прошлое (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан), а также индивидуальный опыт и межличностные связи (Армения, Беларусь). Образ России опирается на внешние географические и экономические признаки —

⁸ Подробнее см. в материале Ю. Шевцова [«Беларусь: между Россией и Европой»](#).

⁹ Подробнее см. в материале Б. Эргашева [«Узбекистан: взгляд на мир сквозь призму человеческих и экономических связей»](#).

¹⁰ Подробнее см. в материале Г. Кертмана [«Китай в восприятии россиян: что меняется и что неизменно?»](#).

¹¹ Подробнее см. в материале С. Рекеды [«Трансформация образа евразийского экономического союза в условиях углубления кризиса международных отношений в 2022 году»](#).

¹² Подробнее см. в материале А. Андреевской [«Отношение к России в постсоветских странах — от ностальгии к ценностям»](#).

большая страна, большой потенциал, ресурсы, потенциально сильная экономика, рынок сбыта и рынок труда.

Группа № 2: Позитивно-нейтральное отношение к России, основанное на постепенном дистанцировании и снижении значимости двусторонних отношений, переориентации на другого культурно-исторического и политического партнера (Азербайджан, Молдова, Узбекистан, Таджикистан).

Группа № 3: Преимущественно негативное отношение к России (восприятие как реальной или потенциальной угрозы), в основе которого лежат мировоззренческие ориентации, расположенные в плоскости либертарных-авторитарных ценностей, значимость гражданских и демократических свобод, националистические взгляды (Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Украина после 2014 года).

T5: Антиамериканизм как отношение россиян к США. Антиамериканизм становится новой нормой для россиян с 2014 года¹³ и основан на позиции «они нас не любят». При этом отношение к рядовым американцам всегда было у наших соотечественников более позитивным, чем к США как стране — в проблемах взаимоотношений между государствами россияне винят прежде всего американское руководство, но не переносят это отношение на народ в целом. Россияне приветствуют разрядку в отношениях двух держав. Однако первого шага навстречу России ждут от США и стран Запада, поскольку на них они возлагают ответственность за конфликт между Россией и США. Это означает, что до компромиссов еще далеко и тренд на сохранение антиамериканизма продолжится.

Угасающие тренды

T6: Евроцентризм в отношении россиян к внешнему миру¹⁴. Евроцентризм россиян (популярность европейских стран, в частности крупнейших из них — Франции, Великобритании, Италии и Германии) объясняется высоким уровнем благосостояния этих государств, ассоциациями с туризмом и отдыхом, историко-культурным наследием и демократическими системами управления. В 2022 году привлекательность ведущих государств Европы для россиян значительно снизилась. Образы стран ЕС, официально провозглашенных «недружественными», приобрели негативный характер. Россияне начали воспринимать страны ЕС как несамостоятельных политических игроков, следующих в фарватере политического курса США (из страха принуждения, по причине подкупа и проч.), в результате чего отношение к ним ухудшилось.

T7: Поддержка позиции Украины жителями европейских стран в ее конфликте с Россией¹⁵. В условиях развивающегося геополитического кризиса интерес представляют тренды, связанные с восприятием России жителями разных стран в контек-

¹³ Подробнее см. в материале Д. Волкова [«Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения»](#).

¹⁴ Подробнее см. в материале В. Колосова [«Евроцентризм в восприятии мира: причины, проявления, сдвиги»](#).

¹⁵ Подробнее см. в материале И. Задорина [«Российско-украинский конфликт в мировом общественном мнении, или как война раскалывает не воюющих»](#).

сте актуального конфликта на Украине. Опросы общественного мнения показывают, что европейцы гораздо чаще стали видеть в России серьезную угрозу, чем это было до начала специальной военной операции. Однако оценка в возложении ответственности за начало конфликта на Россию/Украину/США/НАТО оказывается неоднозначной в разных странах. Есть те, кто поддерживает Украину и введение санкций против России (в основном европейские страны, США, Япония); те, кто поддерживает Россию и обвиняет США и НАТО в развязывании конфликта (Сербия, Словакия, Кыргызстан, КНР); а также те, кто занимает позицию нейтралитета (Греция, Болгария, Кипр). Динамика отношения к конфликту на Украине характеризуется снижением его значимости — несмотря на то, что в странах ЕС поддержка Украины остается высокой, озабоченность смещается в сторону более широких последствий конфликта: многие избиратели в Европе хотят, чтобы противостояние закончилось как можно скорее, даже если это означает потерю территории Украиной.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что если прежде внешний мир воспринимался многими рядовыми гражданами евразийского континента как неважный и незначимый лично для них, то уходящий год показал: внешняя политика, геополитика включаются не только в общественный дискурс, но и в повседневность людей, определяя жизнь каждого из них. Факторы, предопределяющие восприятие населением своих ближних и дальних соседей, в зависимости от страны распределены по разным направлениям — где-то они лежат в экономической сфере, где-то в культурной, где-то в сфере образования или здравоохранения, а где-то в сфере государственной политики. В целом их можно представить как систему, состоящую из переменных¹⁶ макро- и микроуровня, где личностные и групповые ценностные ориентации выступают фильтром, через который проходит отбор поступающей информации, ее восприятие и оценка.

Мотивы и основания для формирования образа любой страны находятся в постоянной динамике, и понимание этих процессов требует историко-социологического подхода. В рамках этой конструктивистской позиции контекст — события и ценности сегодняшнего дня — определяет видение и прошлого, и настоящего в гораздо большей степени, чем факты и исследования социальных ученых; а потому актуальные события могут существенно трансформировать публичный исторический нарратив в будущем¹⁷.

¹⁶ Подробнее см. в материале А. Андреевской [«Отношение к России в постсоветских странах — от ностальгии к ценностям»](#).

¹⁷ Подробнее см. в материале М. Мацкевич [«Историческая память о второй мировой войне: как трансформируется образ стран-участниц»](#).

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «ПРЕКРАСНЫЙ УЖАСНЫЙ МИР»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Наталья Седова
проектный редактор
и редактор по работе с авторами

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Антон Соляев
верстка

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[@WCIOMofficial](https://t.me/WCIOMofficial)

[@wciom](https://twitter.com/wciom)

[@wciompage](https://vk.com/wciompage)

[@wciom](https://www.youtube.com/wciom)

[Я.Дзен ВЦИОМ](#)

[Подкасты ВЦИОМ](#)